Сева Грей
ВОЙНА И КОСМОС
РОМАН ИЗ ВЫСШИХ СФЕР

КНИГА ПЕРВАЯ
КОСМОС

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ДОМ С ХИМЕРАМИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ
ДУРНЫЕ СНЫ

Вы никогда не бывали в Киеве? Бывали? Ну, с вами все понятно, а кто-то, может, вдруг не бывал. Вы не бывали? Тогда я сейчас вам расскажу. Киев – стольный град, как обычно говорят, пышно раскинулся на берегах Борисфена. Да, простите, Днепра. Конечно же, Днепра. До середины которого редкая птица долетит.
Почему Киев – Киев, знаете? Кий, Щек, Хорив и сестра их Лыбидь? Три брата и сестра. Основали город. И назвали в честь старшего брата.
В центре Киева – Крещатик. Длинная улица для прогулок и фотографий. От Крещатика идут дороги на Подол, Печерск и Бессарабку. Подол стелется вдоль набережной, прежде – торговый центр города, а нынче, скорее, исторический. На Печерске – Лавра. И все правительство где-то по дороге. Сегодня, значит, принял закон и тут же поехал, принял причастие. Глупо, скажете? Да.
Не в центре Киева – многочисленные спальные и неспальные районы. На западе – Соломенка, Беличи; на севере – Оболонь, Дорогожичи, Виноградарь, Ветряные Горы... Красивые какие названия, не находите? Как в старой сказке. На юге – Голосеевка, Теремки-терема...
А что же на востоке?
Левый берег. Бывшие села, бывшие промрайоны. Тихий омут. Почти весь берег – Дарница. Старая Дарница, новая Дарница. Дарница – это «дар ница», дар на коленях. Дескать, здешние поселяне отдавали князю черниговскому дары богатые – дань, значит.
Но разве в беседах о вечности это кого интересует?
Однако случилось так, что Демон пришел именно сюда.
Демон – это одновременно и имя, и звание. Демону много тысячелетий, и мирское его обычно не слишком заботит. Если пришел Демон – значит, что-то важное в этом мире произошло.
Так вот, Демон пришел в Киев, на Дарницу, а точнее – в район бульвара Верховного Совета, если кого интересуют такие подробности.
Демон был выряжен в накрахмаленную рубаху старомодного фасона, серый жилет и серые же брюки, а также в галстук-бабочку. На ногах Демона красовались коричневые штиблеты, рукава рубахи – подкатаны весьма по-хулигански, а руки, лихо сунутые в карманы, дополняли образ. Демон курил длинную трубку и с опаской озирался. Был вечерний час, поздняя весна, по аллее бульвара прохаживались чинные мамаши с колясками, на скамейках восседала неблагополучная молодежь, распивающая пиво и другие модные напитки и общающаяся при помощи нехитрого лексического минимума. Были и немолодые, но тоже распивающие, и старушенции в платочках гуляли с крохотными собачками, и редкие служащие при портфелях спешно проходили мимо. Демон насторожился. Прежде, на его памяти, не было ни такой молодежи, ни таких служащих, ни этой аллеи вообще. Здесь, на этом самом месте, стеной стоял лес.

Конечно, время прошло. Прошло полста лет, а то и больше. В Безвременье не думаешь о такой чепухе, как прогресс или, к примеру, урбанизация. А Демон пришел прямиком из Безвременья.

Вам, пожалуй, интересно, что это такое, и кто такой этот самый Демон, и почему он пришел. Все узнаете, всему свой черед.

А пока позвольте меня познакомить вас еще с одним персонажем.

Фамилия его была Заречный. Его обычно так и называли – Заречный. То есть, конечно, имя у него тоже было, и отчество. Но зачем размениваться на мелочи, когда говоришь о вечности? Так что пускай будет просто Заречный, чтобы не называть его, к примеру, господин N, а то возникнет путаница и неразбериха.

Заречный был ничем не примечателен, как и многие люди его статуса и звания. Заречному было около тридцати, жениться он не удосужился, а вернее, не всякая бы согласилась за него пойти. Заречный мечтал о красавицах вроде тех, которых показывают на экранах телевизора и печатают на обложках журналов, но красавицы не мечтали о нем. Красавицы мечтали о красивых, сильных или творческих мужчинах – тех, что ходят в дальние плаванья, бороздя океаны, тех, что пишут бессмертные картины и многотомные эпопеи, тех, что сами попадают на обложки. А Заречный ничего подобного не делал. Знаменит он был, пожалуй, только тем, что мог зубами открыть пивную бутылку или же не ходить по малой нужде в течение полутора суток, чем многократно удивлял бывших армейских друзей, товарищей из техникума и прочих духовно небогатых личностей.

Заречный не любил читать книг, по телевизору он смотрел предпочтительно юмористические передачи, а также новости и футбол. Когда показывали передачу, в названии которой проскакивало слово «интеллектуальный», он переключал канал с явным выражением скуки на небритом лице. В кино Заречный ходить не любил, а о театре у него почему-то даже мыслей никогда не возникало. Не уверен даже, что Заречный знал такие слова, как «оперетта» или «гротеск».

Главным занятием в жизни Заречного была, безусловно, работа. Дело всей его жизни. И дело это было – бухгалтерия. Заречный умел считать и делал это вдохновенно, но почему-то только раз в квартал, когда начальник требовал отчета. Остальное рабочее время Заречный проводил за пасьянсом и веб-сайтом «Одноклассники».

Ах да, был он невысокого роста, широкий в плечах, слегка склонный к полноте. Лицо у него было круглое, без бороды и усов, обычно – слегка помятое, с мешками под глазами, на голове – неизменный трехмиллиметровый «ежик». Носить Заречный предпочитал спортивную одежду, был и костюм для работы, точнее – брюки, туфли китайской работы и белая рубашка, которая к концу недели желтела у воротника от тяжелых дум.

Еще Заречный не любил политиков. Многие не любят политиков, но Заречный не любил особенно. Но ведь этот факт ничем не примечателен, скажете вы. Однако не стоит обесценивать мелочей, когда речь идет о вечности, ведь именно с политиков и начинается наша история.

Приснился Заречному сон. Мол, идет он, Заречный, по коридору и вдруг из двери выходит Президент. И говорит:

– Заречный, а ведь я как раз за тобой. Ты – Избранный!

Вспоминает Заречный, как он Президента намедни дурными словами ругал, и тут же забывает. Ведь такое дело! Избранный, значит! Как тот, из боевика, где стреляют.

– Пойдем, – говорит, – Заречный! Пойдем. Нас заждались.

И Заречный идет. Заходит в комнату, а там, кроме Президента, сидит дюжина чертей. Все черные, блестящие, с рогами, копытами и свиными пятачками, а противные-то! Гогочут, ухмыляются.

– Ты, – кричат, – Заречный, Избранный! Мы из тебя сейчас сделаем оружие массового поражения.

– Это еще зачем? – удивляется Заречный.

– Как же, – заливаются черти, – твоей тупой башкой только стены и пробивать!

Заречный не успел оскорбиться, а его уже в пускатель засовывают головой вверх. Поджигает самый противный черт фитилек, и вот уже взрыв, и летит Заречный (теперь уже вниз головой) на стольный град Киев, прямиком головой в главную площадь, в Майдан. И как бабахнет...
Ну тут Заречный, конечно, проснулся. Подышал, успокоился.
– Черт знает что приснится с этим президентом, – прошептал сам себе и заснул снова.

ГЛАВА ВТОРАЯ
ЛЯСИК

На Совете Изначальных Сил было яблоку негде упасть, а дым от трубок, что выкуривали Древние, стоял – хоть топор вешай. Новая Эра – всегда повод для беспокойства. Роскошный зал Безвременья (пол и стены белоснежные, расписанные настоящим золотом и платиной, инкрустированные рубинами и алмазами, огромными, как бычьи глаза) был набит битком. Не все поместились на золотых креслах, сидели, в основном, женщины и самые дряхлые старики, а те, что помладше, стояли, прислонившись к стенам, или умостились на полу поближе к трибуне, с которой вещал Хранитель.
Вы, конечно, не все поняли. Надо бы сперва рассказать, что есть такое Изначальные Силы, кто вообще этот самый Хранитель, где лежит Безвременье, когда происходит Новая Эра и зачем собирать Совет. Вот и пришло время для объяснений.
– Новая Эра, – скучно и путано вещал Хранитель. – Время перемен. Время великих потрясений...
У трибуны стояло четыре кресла. На них восседали Изначальные Силы – Громовержец, Крокодил и уже знакомый нам Демон. Четвертое предназначалось для Хранителя. Выглядели они как трое совершенно обычных существ, без нимбов над головами и знаков отличия в руках, только одеты все были в белые туники. Громовержец был смуглым бородатым мужчиной, Демон – все тем же залихватским пареньком со шрамом у виска и пепельными франтовскими усиками, а Крокодил – обыкновенным крокодилом, только размером с человека и в нехарактерных для рептилии одеяниях. Хранитель же выглядел пожилым и лысеющим, а на нос его были нацеплены круглые очки с толстыми стеклами. Напротив них, в зале, сидели прочие Древние – многочисленные повелители времени и пространства, ангелы рождения и смерти, боги домашнего очага и ремесел, владыки стихий, феи, домовые и прочая, и прочая.
– Скучно! – воскликнула с места стареющая мадам в белом парике – гаргулья или что-то в этом роде.
– Скучно, – согласился с трибуны Хранитель. – Давайте проще.
И начался рассказ, который все сидящие на Совете уже неоднократно слышали, однако нашему читателю он будет весьма интересен:
– Давно появилась Вселенная. Давно мертвые пески миллионов миров не знали ничьих движений. Нам неизвестно, что было прежде. Нам неизвестно, как случилось так, что появилась жизнь на отдельно взятой планете. Но однажды обезьяна вышла из пещеры и заговорила с другой обезьяной. На следующий же день ударил гром, и в недоумении первые люди приняли его за живое существо, тем самым породив древнейшего из Изначальных – встаньте, Громовержец.
Громовержец приподнялся, и в зале раздались жидкие аплодисменты.
– Потом родился наш следующий товарищ, Демон – от страха людей перед неизведанным. Можете не вставать. Та-ак...
Никто не смел прервать Хранителя, хотя все знали историю наизусть. Каждому было интересно послушать о себе.
– Без ложной скромности хочу заметить, что следующим на свет явился я. Было это в день, когда обезьяна вывела на стене пещеры очертания мамонта. Да... Я – Хранитель Мудрости, – Хранитель самодовольно крякнул. – Ну, а потом люди родили Крокодила.

– Знаем-знаем, – поддакнул кто-то из зала.
– Да, – продолжал Хранитель. – В разное время и в разных местах появлялись на свет вы, мои дорогие друзья. Все вы, черти и лешие, прочие духи и бесплотные существа, которые, впрочем, не бесплотны, а просто меняют облик так, как им заблагорассудится. Но однажды случилась Новая Эра, и Тот, Кто Назвал Себя Богом, попытался изгнать нас в небытие. Выражаясь языком современных людей, на котором мы сейчас имеем честь с вами беседовать, все мы существуем в чистилище. Здесь нет времени, здесь живет вечность...
Все закивали.
– Что суть такое Безвременье? – тоном педагога спросил Хранитель и сам же продолжил: – Безвременье – это неизвестной природы пространство, в котором живут духи. Мы называем себя Древними, а кое-кого... – Хранитель довольно ухмыльнулся. – А кое-кого и вовсе Изначальными Силами. Когда мы хотим выйти из Безвременья, мы... одним нам известными дорогами... выходим. И наслаждаемся жизнью во плоти. Перед нами открыт весь мир... Но чаще мы выходим, чтобы исполнить какую-то миссию. Вот и сейчас... – Хранитель немного помолчал, выдерживая паузу. – Вот и сейчас нам предстоит новое задание.
– Какое же? – нетерпеливо спросил Громовержец.
– Как вы знаете, мы есть порождение людей, стало быть, с их гибелью, наверное, погибнем и мы. Я говорю – наверное, потому что никто из нас не знает природы Безвременья и никто не помнит, как в первый раз сюда попал, и никто не ведает, когда попадет в последний. Это просто в нашей сущности, которую познать невозможно, да мы и не пытаемся. За все те тысячи, десятки тысяч лет, что мы живем, мы потеряли только одного Древнего... пятую Изначальную Силу. Все вы знаете, о ком идет речь...
– Конечно, – резко произнес Демон. – Падший.
– Да, это Падший. Хьюн Стаг. Где он сейчас... Какова была его судьба... Нам неизвестно. Падший исчез. Остальные, видимо, бессмертны. Но мы всегда ходим по волоску. Поэтому мы должны на всякий случай беречь людей и не дать им развязать ядерную войну или же умереть от озоновых дыр и глобального потепления. Поэтому...
– Поэтому мы вмешиваемся во все их дела, – прокомментировал Демон.
– Почти во все, – невозмутимо продолжал Хранитель. – Но мы ведь Древние. И имеем право распоряжаться своей силой. Потому что силы большей на свете, видимо, не существует. По крайней мере, никто из нас ее никогда не встречал. Итак, первые трудности на нашем пути встретились, когда наступила Новая Эра. До этого люди жили спокойно, размеренно, медленно развивались и не причиняли друг другу особых беспокойств, умирая лишь от мелких стычек или суровых зим, а также смертоносных эпидемий... Но пришел Тот, Кто Назвал Себя Богом. И посеял раздор... Тогда мы не обратили внимания, хотя он и призывал разрушать идолы, восхваляющие нас. Но мало ли сумасшедших встречали мы прежде? Ответ – массу! Поэтому мы не отреагировали должным образом... и в мире поселился ужасающий хаос. А мы ничего не могли поделать. Вот тогда-то и исчез Падший. Вероятно, принеся себя в жертву, он добился появления Нового Человека, который своим наследием через долгие пути причинно-следственных связей остановил сумасшествие. Вы все это сами знаете...
В зале вновь согласно закивали.
– А вот теперь к делу, – Хранитель замолчал, и в зале установилась абсолютная, поглощающая тишина. – Грядет Новая Эра. Двадцатый век по исчислению человеческому выдался для нас тяжелым. Мы все боялись, что Холодная война обернется необратимыми последствиями. Но, хвала нам, все прошло гладко. И сейчас все гладко. Однако...
В полной тишине было слышно, как какой-то домовой ерзал на стуле, а Крокодил тяжело дышал через ноздри.

– Однако Муссон передал мне, – Муссон, привстань! – что, будучи с туристической целью в древнем человеческом городке под названием Киев, он наблюдал... А пускай сам говорит.
Муссон, рыжебородый полноватый мужчина, встал и заговорил:
– Я наблюдал Восхождение Новой Звезды.
В зале удивленно заохали.
– Да-да, я наблюдал Восхождение. Значит, грядут какие-то перемены.
– Как нам известно, – произнес Хранитель, – новые звезды восходят над городами с рождением Нового Человека, который меняет настроение вечности. Так было в прошлый раз с Тем, Кто Назвал Себя Богом. Так случилось и здесь. Что ж, мы знаем день и час рождения Нового Человека. Мы знаем место. Нам осталось найти его и предупредить в его деяниях. Мы не убиваем, слишком уж это просто и незатейливо; нам достаточно просто изменить ход его жизни... Но кто же возьмется за столь ответственное задание? Ведь тут крайне важно не промахнуться...
– Я возьмусь, – предложил Демон.
Хранитель лишь кивнул и спросил у зала:
– Никто ли не будет отрицать?
Зал молчал, перешептываясь.
– Тогда задание за Демоном, – решительно заявил Хранитель.
– Только один вопрос, – внезапно произнес Демон. – А как зовут Нового Человека?
– Лясик, – ответил Хранитель, усмехнулся и, будто смакуя забавное имя, повторил: – Лясик.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ЧТО-ТО НЕ ТАК

А нам пора снова вернуться в Киев, на Дарницу, к Демону, цель прихода которого нам теперь совершенно ясна. Только вот сам Демон был в недоумении. Последний раз ему случалось бывать в Киеве давным-давно, в 1925 году.
Едва заметным движением пальцев Демон впитал из земли всю историческую память, прочитал ход времени и выяснил последние новости. Для Древних это, между прочим, не составляет проблемы.
Новый жилой массив... Великая Отечественная... Военнопленные... Завод «Химволокно»... ТЭЦ... Догнать и перегнать... Спутник... Перестройка... Гласность... Девяностые... (Тут Демону пришлось делать более широкий экскурс в историю и черпать информацию из прохожих). Ладно... По человеческому (кстати, чрезвычайно несовершенному) исчислению сейчас на дворе – 2013 год. А мальчик родился в 1984. Вот так так!
Последнюю фразу Демон незаметно для самого себя произнес вслух. И добавил:
– Значит, мальчику уже тридцать лет... Как же... Как же так?
Ведь Муссон вернулся из странствия сегодня утром. Ход вечности изменился?
Демон открыл астральную связь с Безвременьем. Напрягся, глубоко вдохнул...
Нет ответа.
– Чертова бабушка, – выругался Демон и повторил процедуру.
Нет ответа.
– Дьявол!
«Надо возвращаться в Безвременье», – подумал Демон. И вправду, это была удачная мысль в контексте столь необыкновенных и неожиданных событий. Демон рванулся, привычным движением проходя сквозь пространство... А оно отбросило его назад.
– Черт, черт, черт! – возопил Демон. Его брюки порвались по шву прямо на причинном месте, он ушиб колено и, вдобавок ко всему, не смог вернуться в Безвременье. Что случилось?
Скоро ты все узнаешь, мой дорогой читатель, не стоит меня торопить. Всему свое время.

Итак, Демон встал и отряхнулся. Легким, однако стыдливым движением руки он подлатал разошедшиеся швы.
– Я не могу вернуться в вечность – значит, следует поискать причину здесь, – многозначительно пробурчал Демон себе под нос и отправился на поиски мальчика.
Александр Такой-то, родился такого-то мая 1984 года, проживает там-то. Все это было известно Демону. Вот и великолепно, есть хоть какая-то изначальная информация, какое-то «дано».
В секунду Демон оказался у искомого дома и даже подъезда, еще секунда ушла на то, чтобы пролететь по лестнице до квартиры. У Древних, как нам уже известно, свои дороги. Звонок в дверь...
Хозяева внутри долго копошились, спустя какое-то время послышался грубоватый хриплый голос:
– Кто?
– Александр Заречный тут проживает?
За дверью послышались быстрые шаги, а затем все стихло.
– Черт знает что происходит! – воскликнул Демон и прошел напрямик сквозь дверь. Его взору предстала воистину умиляющая картина – полноватый мужчина с похмельным взглядом, одетый в майку-алкоголичку и широкие семейные трусы серого цвета, связывал простыни с явным намерением вылезти по ним из окна. Увидев неведомо как просочившегося в квартиру Демона, он с выражением удивления и неподдельного ужаса на лице сжал в руке скромный деревянный крестик, который висел у него на шее, и пробормотал:
– Свят, свят, свят... Изыди, демон...
– Ишь какой догадливый, – заметил Демон. – Простыни брось, оденься и пошли.
– К-куда пошли? – в страхе пролепетал мужчина.
– Пивка выпьем, – соблазнительным тоном произнес Демон. – С таранью.
– Ты кто? – наконец-то нашелся хозяин квартиры. – Не из милиции?
– Я из Безвременья, балда, – ответил Демон.
– Это где? – тупо спросил собеседник.
– Тебе не понять... Пойдешь или заставить?
– Ну, пойду, – ответил мужчина. – Это я Александр Заречный, кстати. Саша, – повторил он и протянул Демону вялую ладонь.
Демон нехотя ответил на рукопожатие и улыбнулся:
– Ты что ж, дурак, думал от меня по простыням вылезти?
– Если б из милиции, тогда бы еще и не так полез.
– Проблемы с законом?
Заречный с минуту помолчал, его рот приоткрылся, но все же он нашел в себе силы собраться и ответить:
– Не помню, братишка. У меня вчера деньрождение было. Вдруг делов понаделал...
– Ах, вот так, – засмеялся Демон. – Ну-ка, глянем...
И у Заречного перед глазами пронесся весь вчерашний вечер.
– Это... это ты как сделал? – оторопел он.
– Все объясню, когда соберешься, – ответил Демон. – Ну что, виноват в чем?
– Разве что к барышням каким-то приставал... Ксюше и Юле… Отдинамили. Но вроде ничего страшного.
– Вот и славно, – сказал Демон. – Собирайся поскорее, пора. Вечность ждать не будет.
А чуть погодя добавил:
– Слушай, чумичка, тебя в детстве как называли? Лясик?
– Лясик, – просиял Заречный и задал Демону ответный вопрос: – А вы откуда знаете?
Улыбка у него была детская-детская.

* * *

– Ты пиво обещал с таранью, – напомнил Заречный.
Демон шел по бульвару, весь погруженный в свои нелегкие раздумья. Дошагав до покосившейся скамеечки, он сел на нее и одной силой мысли разжег свою трубку.
– Садись, – приказал он наконец Заречному.
Тот послушался и присел рядом в неловком молчании, будто желая поскорее все выспросить, но все не решаясь.
– Будет тебе пиво, – пообещал Демон. – А теперь слушай. Я из Безвременья, потому что я – высшая сила. Вроде как дух. Только во плоти.
– Кому плати?
– Не кому плати, а во плоти, балбес, – раздраженно отмахнулся Демон. – Слушай и не перебивай. Ты рожден в Час Восхождения Звезды. Значит, ты...
– Избранный? – нетерпеливо спросил Заречный и тут же пожалел об этом.
– Я же просил не перебивать, – процедил сквозь зубы Демон, а Заречный обнаружил, что его губы слились воедино, словно пришитые – он не сумел больше сказать ни слова, а дышать мог только через нос. – Так вот, ты должен изменить ход истории таким образом, чтобы подобных мне больше не стало на свете. Нам от людей обычно ни холодно, ни жарко, но в прошлый раз подобный инцидент принес нам немало беспокойств. Поэтому я буду следить за тобой, чтобы ты ничего не натворил... Ты что же это, фигу в кармане держишь? Это еще зачем?
Заречный что-то промычал.
– Ладно, говори, – сказал Демон, и губы Заречного вновь обрели свободу.
– Держу, – ответил он. – Потому что боюсь. Нечистая сила...
– Нечистая сила! – воскликнул Демон. – Что за чушь! Может, ты так только с похмелья бредишь?
– Ты пиво обещал, – убедительно повторил Заречный, и Демон, тяжело вздохнув, смирился:
– Держи свое пиво.
Тут же перед собеседниками вырос прямо из асфальта тяжелый дубовый стол с массивной столешницей, а на нем – расписная скатертка, уставленная разнообразными яствами, посреди которых красовались две граненых стеклянных кружки, наполненных янтарным напитком. Среди блюд выделялись жареные колбаски, от которых валил ароматный дымок, тушеная капуста с мелкими орешками, тарелочка с таранью и воблой – лоснящимися, увесистыми рыбинами, а также мелкие соленые огурчики-пикули, коричневатые лисички, украшенные луковыми кольцами, и изящная фаянсовая горчичница с неким оранжевым соусом внутри.
– Ух ты, – уважительно присвистнул Заречный. – А что за пиво-то? «Черниговское»?
– Норвежское, деревня, – пренебрежительно ответил Демон.
Заречный промолчал и осторожно отхлебнул из кружки, недовольно поморщившись.
– Чего такое горькое? И кисловато вроде...
– Натуральное, – пожал плечами Демон, потом поднял свою кружку, подцепил непонятно откуда взявшейся вилкой колбаску, обмакнул в оранжевый соус, издевательски чокнулся с головой Заречного и залпом осушил емкость, следом столь же молниеносно проглотив закуску. Заречный с удивлением посмотрел на него, потом и сам приступил к трапезе.
– Так вот, пей, ешь и слушай, – продолжал Демон. – Так получилось, что я, существо Изначальное, пришел тебя наставлять на путь истинный. Но, видно, предсказание не сбылось, потому что на Избранного ты не похож. Хотя проверить следует, учитывая еще и то, что с моими способностями что-то сталось и вернуться назад в Безвременье я не могу. Поэтому я поселюсь у тебя и буду изучать. Понял?
– Понял-то понял, – жуя, ответил Заречный. – Только как тебя зовут и что ты вообще за черт?
– Я не черт. Я – Демон.

– Ясно, – сказал Заречный.
– Да ничего тебе не ясно, – вздохнул Демон.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
ПЛОХИЕ НОВОСТИ

Уже долго разговаривали Заречный и Демон, уже многое успели обсудить. С горем пополам Заречный уразумел, кто такие Древние, но никак не мог уяснить, где же они существуют.
– Ну, пойми ты, балда, – мягко говорил Демон. – Безвременье – это чертоги вечности.
– Черточего? – туповато переспрашивал Заречный.
– Не черточего, дуралей, а чертоги вечности. Место, где время застыло. Где оно не идет.
– А как же Солнце? – внезапно спросил Заречный.
– Какое Солнце? – не понял Демон.
– Ну, Солнце же везде одинаковое.
– Опять двадцать пять! – рассердился Демон. – Безвременье – это вообще вне земных миров! Оно астрально!
Видя, что Заречный ничего уже не понимает, Демон успокоился и продолжил объяснения:
– Просто это очень далеко отсюда, очень далеко, и там нет времени, и Солнца нет, и вообще ничего нет.
– А что ж там есть?
– Древние. Изначальные Силы.
– Это... как ты?
– Все разные.
– Колдуны?
– Колдунов не бывает, – вздохнул Демон. – Мы – Духи природы, Духи сознания.
– Но колдовать умеете?
– Не умеем мы колдовать! Просто можем владеть пространством иначе, чем вы.
– Это как?
– Ну, вот так... – Демон материализовал на коленях у Заречного большого серого кота с наглой мордой, вымазанной в сметане. Кот был неподвижен и не издавал никаких звуков.
– Как ты это делаешь? Я могу научиться?
– Нет, – отрезал Демон. – Воздействия – удел Древних.
– Точно?
– Ну, ты же не Дух, ты обычный человек! – вскричал Демон в ярости. – Дурья твоя башка!
Заречный надулся и замолчал. Кот на его коленях задрожал, издавая при этом странный звук.
– Ну ладно, не сердись, – Демон дернул Заречного за плечо. – Слушай дальше. Пришел Тот, Кто Назвал Себя Богом...
– Это Иисус?
– Это – общее название. Таких было немало. Не все из тех, кого ты знаешь по книжкам… хотя кого ты там можешь знать, какие книжки… Ладно, в общем, не все из тех, кого ты знаешь, существовали на самом деле. Было несколько прототипов, и с них скопировали и наштамповали массу мифических персонажей.
– В смысле? Это как?
– К черту, все равно не поймешь.
– Ну, все-таки?
– Ну, гляди, – сказал Демон. – Сперва один сказал, к примеру, что нужно поклоняться овцам. Все с ним согласились, потому что он родился под Восходящей Звездой, обладал вследствие этого выдающейся харизмой и располагал народным доверием. Вот, значит, следующий сказал, что овцам, конечно, поклоняться надо, но не на колени перед ними становиться, а бить челом. Третий пришел и сказал, что челом, конечно, бить необходимо,

но нужно это делать с какими-то пришептываниями... И так в итоге все изменилось до неузнаваемости. Запомнили, к примеру, внешность первого, слова второго и биографию третьего. До оригинала людям уже не докопаться.
– Теперь понятно, – кивнул Заречный. – А ангелы бывают?
– Есть у нас один, зовут Херувимом. Но он без крыльев и без нимба.
– А почему так зовут?
– Люди так прозвали за то, что он их спасал.
– Спасал простых людей?
– Да, Александр, мы бережем простых людей. Потому что без людей нам придет погибель.
– Откуда вы это знаете? Вас много вообще? Кто у вас главный?
– Знаешь ли, – отрезал Демон. – Я могу тебя накормить, напоить, обеспечить всем, в чем ты нуждаешься... Но раскрывать тебе тайны мироздания – это чересчур!
– Тогда корми, – рационально рассудил Заречный, и Демон не смог ему отказать.
– Пойдем к тебе домой, не стоит привлекать внимания.
– А кота уберешь? – спросил Заречный. – А то я из-за него встать не могу. Он волшебный?
– Он бесплотный, – сказал Демон. – Просто вставай и пошли.
Заречный встал, и кот словно проскользнул сквозь него, растворившись в воздухе.
– Зачем ты такого кота смастерил? – удивился Заречный.
– У вечности свои пути, – загадочно ответил Демон, схватил Заречного за талию и предупредительно шепнул на ухо: – Держись, будет больно.
– Ай-ай! – завопил Заречный, скорее, от неожиданности, когда пространство разверзлось и Демон рванул его сквозь коридор чистой энергии. Все вокруг было черным-черно, Демон тоже будто исчез, однако что-то все же удерживало Заречного на лету. Наконец коридор кончился, и они оба очутились на полу в квартире Заречного.
– Больно, бедолага? – спросил Демон.
Заречный задумался. Поиграл мышцами, размял пальцы, пошлепал себя по щекам.
– Совсем не больно, – ответил он.
– Как же так? – удивился Демон. – Ты же человек. Тебя должно было потрепать. Коридор – не хухры-мухры.
– Не больно, – повторил Заречный.
– Что-то не так, что-то идет не так, – пробормотал Демон. – Ладно, за трапезой отвлечемся. Волоки сюда стол.
– Так... у тебя же...
– Что у меня?
– У тебя... магия, – уверенно произнес Заречный.
– Разбаловался, – с упреком заметил Демон. – Ладно, так и быть, сотворю.
И тут же прямо на полу материализовалась новая скатерть. На сей раз обед оказался еще богаче – печеная картошка, пересыпанная крупной солью и какими-то пряными травами; бараний шашлык с острым соусом; греческий салат с крупными маслинами и такими же увесистыми кубиками измазанного в приправе овечьего сыра; вдобавок ко всему тут же на столе стояли белоснежные тарелки из какого-то дорогого и хрупкого фарфора и хрустальные бокалы, наполненные темно-бордовым мутноватым вином с осадком.
– Ты смотри, как у богатых, – прокомментировал это Заречный.
Некоторое время оба с аппетитом ели, потом Демон закурил свою трубочку и сказал:
– В детстве ты был особенным ребенком?
– Это про болезни какие-то?
– Да ну тебя, простофиля! Просто... друзей было много, наверное.
– Как у всех.
– Озарения какие-нибудь были? Вещие сны?
– Не припомню.
– А в школе хорошо учился?

– На тройки.
Демон разочарованно вздохнул. Ничего не сходилось. Кругом одна чертовщина. Связь с Безвременьем оборвалась, паренек не подавал никаких признаков гражданской активности и вряд ли представлял интерес для народных масс. Никаких мессианских идей (да и вообще никаких идей) в его голове не водилось. Непохож такой человек на Того, Кто Назовет Себя Богом. Это во-первых. Во-вторых, Демон остался взаперти, в человеческом мире, рядом с каким-то посредственным алкоголиком. И надежда оставалась только одна...
– Придется тебе завтра прогуляться со мной в город.
– Куда это? – насторожился Заречный.
– К администрации президента.
– Ух, не люблю его, – заявил Заречный.
– Почему?
– Потому что дороги неремонтированные стоят, зарплаты и пенсии...
– Песня на все времена, – глубокомысленно произнес Демон. – Столетия проходят, а ничего не меняется.
– А зачем мы туда поедем?
– К Древним, которые там живут.
– Это какие?
Однако Демон оставил вопрос без ответа.

* * *

– Все ли готово к открытию? Все силы мобилизованы?
– Да, владыка.
– Президент обработан?
– Да, владыка.
– Связь с Безвременьем прервана?
– Так точно, владыка.
– А Демон... где Демон?
– Мы не знаем.
– Может быть, вы не искали? – в голосе звучал гнев.
– Искали... – слуга собирался с силами, чтобы сказать самое главное: – Искали... И найдем.

ГЛАВА ПЯТАЯ
ХИМЕРЫ

А дело между тем подошло к ночи, и Демон понял, что мучить Заречного больше не имеет смысла.
– Ложись-ка ты спать, – заявил он. – А я пока подумаю.
Заречный послушался, и через четверть часа уже раскатисто храпел, а Демон глядел с его балкона в ночные огни. Бульвар весь был залит розоватым светом, и казалось, что в бледных кустах сирени снуют чьи-то беспокойные души. Внезапно Демон почувствовал, что сладковатый запах нагоняет на него приятную истому. Тело, приобретенное им, расслабилось, он ушел в комнату, откинулся в старом кресле и сам не заметил, как уснул. Спустя некоторое время глаза его сами собой открылись. Странное это было чувство – вечный дух, родом с само человечество, забылся в каком-то кресле. Снов, конечно, не было, ведь Демон сам служил Подгоняющим Сны. Его встревожило то, что он остался совсем один.
Заречный исчез!

– Черт побери! – выругался Демон, окончательно убедившись в мысли, что все идет наперекосяк.
Мысленно он обшарил окрестности – вдруг подопечный отлучился в клозет или вышел в окрестный ларек. Пусто. Заречного не было в радиусе ста, двухсот метров. Демон напрягся... Его не было и на этом берегу. Город нашептывал это. Его забрали, унесли, и унесли далеко.
– Да чтоб тебя! – вскричал Демон.
Единственным разумным решением в этой ситуации было отправиться на поиски, что Демон и осуществил незамедлительно. Мало кто заметил, как с балкона вырвалась блеклая тень – это Демон летел над ночным городом, попутно проглядывая окрестности. Вмиг перескочив на самое побережье, а оттуда – на другой берег Днепра, Демон осмотрелся, но вокруг не было ничего, кроме моста и набережной, где темная вода билась о каменные борта города.
– Направлюсь к Химерам, – решил Демон.
Прыжок – и он в секунду преодолел холмы. Киево-Печерская Лавра лежала у него под ногами. Мчались машины, прохаживались редкие пешеходы. Вот и Верховный Совет – рукой подать до резиденции президента.
Резкий барьер стоял на его пути. Демона отбросило назад, все его тело наполнилось болью, от которой он, впрочем, тут же избавился. Что-то стояло на его пути, вмешиваясь в передвижения. Сильный дух, сильные воздействия.
– Кто ты? – воззвал Демон.
– Я – Враг, – отвечал ему громогласный голос.
– Чего ты хочешь?
– Оставь Мессию нам.
– Это не Мессия! Что ты за сумасшедший? Его дела убьют нас!
– Но ты не знаешь, кто я, – рассудил Враг. – И значит, я сильнее.
– Прочь с дороги, – разъярился Демон. – Я – Изначальная Сила. Я выйду победителем!
– Я рискну остаться, – ответил невидимый голос, и тут же волна безумной боли переполнила земное тело Демона.
– Ах, так! – рявкнул Демон, воплощая дух в воздействия. Теперь он выглядел устрашающе – никакого прежнего франтовства, бездушная машина смерти в железе и копоти. Ростом он превышал, пожалуй, трехэтажный дом, в руках его громоздилась стальная алебарда, голову венчал рогатый шлем, из ноздрей полыхал огонь, а копыта отбивали чечетку на асфальте. – Да грянет битва!
– Да грянет битва, – согласился Враг.
И тут же бетонный кулак сшиб Демона с ног. С трудом поднимаясь из-за обилия брони, он увидел еще более громоздкое чудовище.
– Голем! – завопил Демон. – Из бетона? Низкий штиль!
– Какой уж есть, – невозмутимо произнес голос.
Демон нанес удар. С грохотом и треском великан Голем (существо, отлитое из бетона по образу и подобию человеческому, с колоссальными мускулами и улыбчивым лицом) потерял одну руку, но тут же перехватил ее другой, намереваясь нанести страшный удар. Демон, резво уворачиваясь, одарил толстячка новой порцией ударов – алебардой, копытом и рогами. Голем рассыпался, и Демон чувствовал, как Враг скрывается. Вот уже бетонная туша Голема увалилась наземь, а Духов поблизости не чувствовалось. Еще один удар Демон нанес по барьеру – тот рассыпался, словно фаянсовый.
– То-то же, – ухмыльнулся Демон, однако тут же получил резкий удар по шлему.
– Выходи сражаться, трус! – воскликнул Демон.
– Мне много тысяч лет, дружок, – ответил внезапно оформившийся вновь голос Врага, и Демон опять уловил его присутствие. – Не буду же я обижаться на столь примитивные оскорбления. Взять его, – скомандовал он кому-то.
И тут же в черное небо ворвались ослепительные силуэты Химер.

– Древние, остановитесь! – вскричал Демон. – Мы вместе жили в Безвременье, разве вы творите законные дела?
– Это уж нам решать, – произнес голос Врага, и Химеры с воем и визгом бросились в атаку. Ветер, который рвался из-под их крыльев, щекотал Демона под кольчугой, бил по ногам, пытаясь свалить, давил на плечи, однако Демон оказался сильнее. Химеры бросали в него клубки, сплетенные из змей – древние заклятия, но и их он сумел побороть. Раз! – и удар настиг одну из Химер в полете. Она упала, издавая последний вздох, и ее душа навеки рассеялась во мраке. Два! – и алебарда, ловко взброшенная Демоном в воздух, настигла вторую цель. Химера пала, успев, впрочем, извернуться и ударить Демона в грудь. Он шагнул назад, удерживая равновесие, и тут Главная Химера схватил его за рога шлема. Сила ее была велика, а Демон – безоружен, поэтому на какое-то время он обмяк и барахтал ногами в воздухе, однако, совладав с собой, подпрыгнул и ухватил Главную Химеру за левое крыло. Она вильнула, и Демон изо всех сил хватил ее кулаком по кумполу. С криком ярости и бессилия Главная Химера опустилась на землю, испуская дух.
– Впервые за много тысячелетий умирают Древние, Враг! – заорал Демон. – Я могу победить каждого, хоть это и достойные испытания, но почему ты решился отдать несчастных в жертву?
– Это мое дело, – отрезал голос.
– Кто ты? И чего хочешь?
– А это, – голос Врага приближался и отдалялся вновь, – это уж точно не твое дело.
– Куда ты дел Нового Человека?
– О, тебе придется хорошенько поискать, – позлорадствовал Враг. – Ни за что не догадаешься.
– Что с Сакральным Президентом?
– Ты убил Химер, – сказал Враг. – Без них он зачахнет.
– Ты... – Демон задыхался от ярости. – Все подстроил!
Ответом ему был дьявольский смех – и полная тишина. Он остался один на один с ночью.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,
В КОТОРОЙ ЧИТАТЕЛЬ ЗНАКОМИТСЯ С БОГОМ-БУЙВОЛОМ И ЧЕРДАЧНИКОМ

Ранним утром следующего дня на улице Банковой появилось трое крайне странного и подозрительного вида граждан. Один из них был уже знакомый нам Заречный, однако из какого-то зловещего умысла обритый налысо и переодетый в представительный фрак. Двое других выглядели еще более нетривиально – оба в изящных черных в белую полоску костюмах, в накрахмаленных белоснежных рубашках с симпатичными и на вид дорогими запонками, и оба в шляпах, оба с тросточками. У одного на шее был повязан галстук-шнурок, второй же расстегнул три верхние пуговицы, так, что видно было, как на груди его, поросшей черными волосами, красуется увесистая золотая цепь. Он же непрестанно жевал зубочистку, а второй столь же непрестанно курил длинную и толстую сигару. Заречный семенил за ними, пытаясь поспеть.
– Вы точно его друзья? – пыхтел он.
– Спрашиваешь, – отвечал мужчина с зубочисткой.
– А почему он меня не привел?
– У него возникли срочные дела, – отмахивался второй, с сигарой.
– Какие?
Мужчины остановились, и тот, что был с зубочисткой, стукнул Заречного пальцем по лбу и произнес:
– Ты задаешь слишком много вопросов. Меньше знаешь – крепче спишь. Понял?
– Понял, – смущенно ответил Заречный.

– Вот и ладненько, а теперь пошли, – подытожил мужчина.
И они пошли. Мимо особняка Либермана (ныне – Союз писателей) – прямиком к дому с химерами.
– Дом с химерами, – прочитал Заречный на бронзовой табличке. – И химеры ваши, что ли?
– И химеры наши, – согласился мужчина с сигарой. Заречный заметил, что сигара эта все не тухла и даже в размерах не уменьшалась, хотя пыхтел ею мужчина усердно.
Дверь в дом открылась сама, и стоящий на пути швейцар улыбнулся пришедшим, принимая трости у проводников Заречного. Сигара одного из них все еще не погасла, и по затхлому, застоявшемуся воздуху, что царил в помещении, расплылся сладковато-терпкий запах табака.
Швейцар открыл боковую дверь и Заречный увидел витиеватую винтовую лестницу, ведущую вниз. Она была украшена змеиными головами и металлическими шариками, вычищенными до блеска. Вся компания направилась вниз, смотря под ноги и стукаясь головами о частые перекладины; при этом проводники Заречного часто чертыхались. После непродолжительного спуска Заречный оказался в просторном зале, посреди которого стояло внушительных размеров мягкое кресло, никем не занятое. Однако со стороны кресла внезапно послышался голос:
– Привели? Замечательно.
Мужчины засмеялись, увидев удивление Заречного.
– Здравствуй, Саша, – сказал голос.
– Здравствуйте, – вежливо ответил Заречный. – А вы кто? И... где?
– Прямо перед тобой, просто ты меня увидеть не можешь.
– Так кто же вы?
– Для всех по-разному, – ответил голос. – Для тебя... ну, положим, Друг. Кстати, я не удивлюсь, если мои болваны и сами не удосужились с тобой познакомиться.
– Не удосужились, – подтвердил Заречный.
– Слева от тебя – Чердачник, – произнес голос, а мужчина с сигарой отвесил Заречному грациозный поклон. – Справа же – Бог-Буйвол, – на сей раз мужчина с зубочисткой просто слегка кивнул.
– Зачем вы меня сюда привели?
– Чтобы передать тебе бразды правления державой, – в голосе почувствовалась насмешка.
– Мы сделаем тебя президентом.
– Президентом? Меня? – растерялся Заречный.
– Да, тебя. Президентом.
– А что же будет с тем, что сейчас?
Надо сказать любопытному читателю, что президентом на тот момент был человек, малоприятный во всех отношениях, а звали его... то ли Леонид, то ли Виктор... Но это, впрочем, не имеет значения перед лицом вечности.
– Мы ему объявим импичмент, – отозвался голос.
– Имп... чего?
– Освободим от должности, – терпеливо пояснил Бог-Буйвол.
– Как же так? А по закону...
– А по закону в этой стране никогда и ничего не делалось, мой милый друг! – воскликнул голос. – Будь спокоен, никто даже не обратит внимания, ведь все эти президенты и депутаты – всего лишь однодневные звезды на небосводе алчной власти... Но ты, – начал голос с вожделением, – ты будешь совсем другим. Ты будешь вождем народа...
– Чем же я такой особенный? – прищурился Заречный.
– Разве Демон не объяснял тебе?
– Наверное, объяснял, но я не понял.
– Ты должен стать Мессией, который откроет людям Свет Истины.
– А как это сделать?

Представившийся Другом хмыкнул и многозначительно произнес:
– Просто делай то, что мы тебе скажем.

* * *

В Безвременье царил разброд. Уже полтора дня Хранитель не ощущал никакой связи ни с Демоном, ни с ушедшими к нему на подхват Богом-Буйволом, Чердачником, Муссоном, Химерами и Чертями. Потом Древние безуспешно пытались вырваться наружу из Безвременья, однако ни у кого не получалось. В конце концов, завесу прорвал Крокодил – с тех пор пропали вести и от него. Оставалось только сидеть сложа руки и ждать новостей, что, как известно, есть наиболее изматывающее на свете занятие...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
ДЕМОН ВЫХОДИТ НА СЛЕД

К утру Демон пришел в себя. Плоть изнывала, страдая одновременно от жара и озноба, сердце больно стучало о ребра. Демон лежал в Мариинском парке на скамейке, ощущая всю ее неприглядную жесткость. Куда-то исчез Заречный, куда-то провалился загадочный Враг, и Химеры пали... Однако, положеньице.
Но мне стоит многое пояснить читателю, наверняка он понимает не все.
Как вам уже, наверное, известно, если вы соблаговолили запомнить содержание предыдущих глав, миром правят Древние... Нет, не так. Не правят, а помогают людям выбирать верные пути. Так будет точнее. Древние чаще просто бродят по свету или отдыхают от суеты в Безвременье, однако есть и те, что выполняют возложенные на них задачи. Так, например, Химеры заправляли власть предержащими в Киеве. Химеры подпитывали президента, избранного народом или назначенного ими самими, для того, чтобы он имел достаточную харизму и власть над людьми, чтобы слово его было твердым, а поступки – оправданными. Так, на его месте существовало вроде как два президента – один с именем, фамилией и реальной биографией, живой, осязаемый, со своими достоинствами и пороками, и второй – Сакральный Президент, сплетенная из тысячи незримых нитей высшая сущность, которая сыпала в мозг простого земного человека идеи реформ и нашептывала на ухо пути борьбы с оппозиционерами. Так живет каждая страна, и не делайте вид, будто этого не знали. Что, правда, не знали? Ну, вы даете, голубчик.
И этих самых Химер Демон ночью безжалостно перебил.
Но ведь должен был быть в этом городе кто-то, чей рассудок еще не помутился!
В помощь ему обещали отправить Муссона, который, случайно прогуливаясь в окрестностях, обнаружил злосчастную звезду. Этот факт мало кого удивил – прежние звезды тоже обнаруживал Муссон. Он часто летал по свету на крыльях ветра, почитался вездесущим и всевидящим.
Где-то он теперь?
Демон подумал о Муссоне – и вдруг в голове его возникло ужасающее видение. Словно Муссон в облике громадной жирной мухи пролетел у него перед глазами, и тут же был прихлопнут свернутой в трубку чьей-то невидимой рукой газетой со словом «Правда» в заголовке. Сомнений не оставалось – Враг посылал ему знаки.
Демон вскочил и огляделся. Было туманно и серо, и как-то необыкновенно, по-утреннему, прохладно. Кругом – ни души, только возле Верховного Совета волнуется постовой – когда уже смена? Редкие машины пролетают к Европейской площади. Скоро начнется день, а пока город еще спит.
Демон не знал, что ему делать. Связи ни с кем не установить. Химеры мертвы, и неизвестно, куда идти. Враг же не настолько глуп, чтобы остановиться в их резиденции! Нет, это слишком просто. Хотя, возможно, он на это и рассчитывает?

– Проверить не помешает, – в задумчивости сказал Демон самому себе и тут же услышал в ответ:
– Конечно, не помешает.
Демон резко поднял голову. Перед ним стоял Муссон – на сей раз в образе седого старика в волнистой бородой и вековыми морщинами, одетый в незамысловатый деревенский костюм, состоящий из засаленного пиджачка, лихо загнутой восьмиклинки и обветшалых брюк с подтяжками.
– Великолепно! – воскликнул Демон. – Ты здесь! Как ты меня нашел?
– Это очень странная история, Демон, – начал Муссон. – Я в панике. Пропала связь. Я не могу вернуться в Безвременье. На меня напали.
– Напали? Кто осмелился напасть на Древнего?
– Черти, – голос Муссона стал тише. – Хотели меня убить. Избавиться от меня. Черти заодно с кем-то, кто замышляет зло.
– Кто же может желать нам зла? – вскричал Демон.
– Я думаю, – проговорил Муссон, – я думаю, что твой Лясик не так уж прост. Что он познал какую-то скрытую силу...
– Это исключено, – возразил Демон. – Он – наивный простак, среднестатистический человек без особых качеств.
– Может, это просто маскировка? Может, он сумел обмануть тебя?
– Обмануть меня? – усмехнулся Демон. – Ты, видимо, забываешь, в какие времена я родился и что пережил. Меня нельзя обмануть, такого никогда не было и не будет.
– Ты сражался этой ночью, – произнес Муссон. – С кем?
– С Химерами, – вздохнул Демон.
– И что же? Каков исход?
– Химеры мертвы. Я... я убил их.
– Ты убил Химер?!
Демон смущенно склонил голову:
– Иначе они убили бы меня.
– Почему они напали?
– Появился незримый Враг, – пояснил Демон. – Он говорил со мной. Угрожал.
– Кто он? На кого похож?
– Повторюсь, я не видел его.
– Быть может, Падший?
Слово это, сказанное Муссоном, будто ударило Демона. Глаза его потемнели, лоб нахмурился, и, казалось, что небо хмурится вместе с ним.
– Ты любишь загадки, Муссон, – с трудом произнес Демон. – Ты любишь красивые истории. Эта история красива, но... Хьюн Стаг почил давным-давно. Много воды утекло. Теперь время для новых загадок.
– Может быть, все же не почил? – настаивал Муссон. – Ведь не хоронили же мы его.
– Невозможно поверить в то, что Хьюн Стаг объявил бы мне войну, Муссон, – сказал Демон с горечью. – Ведь мы были братьями.
– Все меняется со временем, – пожал плечами Муссон.
– Скажи-ка лучше, что с Чертями? – спросил Демон, болезненно морщась.
– Пали. По крайней мере, семеро из них. Еще пятерым удалось удрать, если я не ошибся в подсчетах. Пытались отходить меня своими бесовскими молотами – меня, Владыку Ветра! На что это похоже?
– И верно, – задумчиво произнес Демон. – Гляди-ка, этот Враг делает необдуманные поступки. Он отправляет слуг на смерть. Но если шаг с Химерами мне ясен – Враг моими руками убрал хранительниц Сакрального Президента и теперь сможет распоряжаться властью в стране сам – то зачем он обрек на погибель Чертей? Чертов Легион, дюжина в полном сборе никогда и ни за что не совладает с Владыкой Ветра, как, впрочем, и со

мной. А он владеет страшными заклятиями. Вчера я напоролся на странный барьер, от которого до сих пор кости ломит.
– Так смени тело, – посоветовал Муссон.
– Да черт с ним, пройдет, – отмахнулся Демон. – Подумай, зачем он это делает?
– Враг наверняка так силен, что не боится потерь, – сказал Муссон после короткого раздумья. – А чем больше соратников он потеряет, тем больше доля, что достанется ему от полученного в итоге.
– Полученного в итоге чего? – осведомился Демон.
– Не знаю, обычно преступления и авантюры затевают с целью заполучить что-либо – сокровища или прекрасных дам.
– Вряд ли его беспокоят прекрасные дамы, – возразил Демон. – Но ты прав, он наверняка просто сильнее всех нас.
– И в этом, увы, – тяжело вздохнул Муссон, – еще одно явное указание на Падшего.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
БЕСЕДЫ ПРИ СВЕЧАХ

– Ну что ж, слушай, – начал Друг, и Заречный обратился во внимание. – Кроме обычного президента, которого ты видел по телевизору, есть и другой.
– Какой это? Теневой, да?
– А ты смышленый. Нет, немного не так. Сакральный.
– Сакральный? Это как?
– Скоро ощутишь на себе, – произнес голос. – Сакральный Президент подпитывается Древними, и в твоем нелегком будущем деле тебе будут помогать Бог-Буйвол и Чердачник. Ты не против?
– Я не против, – ответил Заречный. – А как же Демон?
– У Демона есть другие дела.
– Я хочу знать, что с ним, – настаивал Заречный. – Вдруг вы обманываете меня?
– Слушай, – голос переменился, стал всенаполняющим, от его интонаций свечи, стоящие по бокам от кресла в роскошных подсвечниках, всколыхнулись, пламя их задрожало, словно испугавшись громовых интонаций, – неужели ты думаешь, что мы бы стали размениваться на такие мелочи, как обман? Ведь мы можем тебя и заставить.
– Это вряд ли, – усмехнулся Заречный и в тот же миг обнаружил себя лежащим на полу, словно скованным по рукам и ногам невидимыми кандалами. Перед лицом его возник миниатюрный бур, точь-в-точь такой, как бывает на подземных работах, однако размером приблизительно с пачку сигарет. Бур устрашающе вращался, и не возникало ни малейших сомнений в том, что он вполне осязаем и может принести Заречному чудовищные физические страдания.
– Вот видишь, – продолжал голос. – Не следует с нами спорить. Итак, ты станешь Сакральным Президентом...
– Отпусти, – прохрипел Заречный.
– Сперва дослушай, – невозмутимо отозвался Друг. – Бог-Буйвол и Чердачник возьмутся за тебя. Ты почувствуешь в себе невиданные силы...
– А что с прошлым президентом?
– Мы его уже устранили.
– Но ведь на его место наверняка есть еще кандидаты...
– О, все эти кандидаты ничего не стоят, – успокоил Заречного голос. – Все они – люди без биографий и лиц, и их сомнительные достижения легко заместить чьими-то еще. И мы, несомненно, так и поступим.
– А как же люди?
– Телевизор здорово промывает мозги, – доходчиво пояснил голос. – Уж не думаешь ли ты, что все эти годы смотрел и слушал по нему правду?

– Не знаю! – взвыл Заречный. – Ты отпустишь меня, в конце концов, или нет?
– Я тебя уже давно не держу, – в голосе послышалась насмешка.
Заречный рванулся вверх и, к своему глубокому удивлению, с легкостью встал на ноги.
– Теперь вам пора идти, – приказал голос. – Заседание скоро начнется.
– Постой, – прервал его Заречный. – Я хочу узнать кое-что еще о всех этих Древних и Изначальных Силах.
– Что же ты хочешь узнать?
– А вот что, – начал перечислять Заречный, загибая пальцы, – наперво, скажи мне – сколько вас, этих Древних, и какие вы бываете? Дальше – ответь мне, зачем вам нужно управлять людьми, и какая от этого выгода? Еще хочу услышать – почему я Избранный и что мне придется делать, и не надо ли будет умирать в конце? Потом...
– Вопросов достаточно, ты скоро сам все узнаешь, – мягко сказал голос. – Ну что ж, отвечу тебе на те, что ты успел задать. Нас, Древних – около двух тысяч Духов, среди которых пять Изначальных Сил; в их составе и твой покорный слуга. К тому же встречаются образцы вроде Повелителей Стихий, Химер, Чертей, Порочных Духов, Духов Радости, Духов Мысли, Кикимор, Домовых, Леших, Зимних, Дриад, Мумий (они же Духи Терпения), Богов-Зверей, среди которых и уже знакомый тебе Бог-Буйвол, а также шваль помельче вроде Чердачника, – последний при упоминании своего имени поморщился, – и подобных ему – Грифона, Херувима, Картофельных Эльфов, Черных Странников и прочих незначительных созданий. Следующий вопрос – зачем нам нужно управлять людьми. Отвечаю – мы ведем их на правильный путь, для того, чтобы они не допустили неосмотрительных и необратимых ошибок. Выгоды от этой ни малейшей, увы, однако, может быть, когда-нибудь нам воздастся это сторицей. Пока, дружок, работаем на чистом энтузиазме, от безделья, если можно так выразиться. И, наконец, последний вопрос – почему ты Избранный. Всего лишь потому, что родился в Час Восхождения Звезды. Умирать, может, еще и не придется – если будешь паинькой и не станешь у нас на пути. Прости, теперь нам пора, иначе можем не успеть осуществить все задуманное.
– А куда... – начал было Заречный, однако сильная рука Бога-Буйвола ухватила его за талию и рванула куда-то вдаль, прямо сквозь стены, сквозь сырую землю, через тот самый туннель, по которому он уже путешествовал вместе с Демоном.
И в тот же миг раздался страшный взрыв. Словно граната разорвалась за их спинами. Заречный оглянулся и в проеме портала увидел... Демона! Непонятно как, но Заречному удалось узнать его. Ведь выглядел он теперь иначе, чем в час их первой встречи – огромный, устрашающий, полный праведного гнева, он обрушивал удары огромной алебарды на Чердачника, который, впрочем, тоже видоизменился – он походил на огромный гриб, однако шляпка его отливала каким-то металлическим блеском, а в нелепых отростках, похожих на руки, он сжимал широкое косое лезвие, тщетно пытаясь защититься от атак Демона.
Однако в этот миг Заречный шумно рухнул на пол. Он находился в помещении, которое сразу узнал. Ряды кресел, трибуна и огромный экран во главе зала.
Верховный Совет. Парламент.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
ПИРРОВА ПОБЕДА

Демон и Муссон шествовали к дому с химерами в легком опасении. Атаки следовало ожидать с неожиданной стороны, и тревожное настроение предчувствия боя наполняло обоих Древних. Пусть силы их были велики – однако Враг обладал преимуществом внезапности и неизвестным пока количеством соратников.
Путь оказался короче, чем ожидали Древние. Давно уже они разучились ходить пешком, однако сейчас это было вынужденной мерой, необходимостью, данью безопасности.

У дверей особняка Либермана (первый номер по Банковой улице) Муссон шепнул Демону:
– Чувствую что-то.
И вправду – незримый вихрь воздействий вырвался из-под земли и холодным ветром пощекотал обоих товарищей.
– Они в Тайном Зале, – заключил Демон. – Пора вооружаться.
Секунда, которая потребовалась обоим на принятие устрашающего воинственного облика, оказалась роковой. Из дверей дома с химерами показалась сияющая шляпка Чердачника. Еще миг – и короткие боевые ножи выскользнули из-под его смертоносных лап. Демон краем глаза заметил, как Муссон в обличии обмундированного рыцаря на белоснежном скакуне обагрил кровью свои доспехи. Он был ранен, и ранен не простым ножом, а той древней и злобной силой, что была заложена в него создателем – и вряд ли это был ординарный, в общем-то, боец Чердачник. В ответ Демон прыгнул вперед на двадцать с лишним шагов и, оказавшись прямо перед Чердачником, нанес первый удар алебардой, который отбросил последнего внутрь здания. Несмотря на тяжесть увечий, Чердачник тут же вскочил и помчался вниз по винтовой лестнице. Демон прыгнул вслед за ним, воспользовавшись опорным шестом и моментально соскользнув по нему вниз. Приземлившись скорее Чердачника, он увидел сворачивающийся портал, по коридору которого улепетывали прочь Бог-Буйвол и Заречный. На лице Заречного было написано недоумение – и одновременно страх. Какими, любопытно знать, сказками кормил его Враг?
Кстати, где он?
И тут же Демон буквально почувствовал ответ на свой вопрос. Тяжелая и горячая волна обдала его с головы до ног, по рогатому шлему ударило что-то увесистое. Демон ловко извернулся и из последних сил рубанул алебардой Чердачника. Тот шмякнулся на пол, издавая то ли стон, то ли плач, и в ту же секунду Демона настиг еще один удар, на сей раз в грудь. Следующая атака Врага пришлась по натруженным ногам. Последний, контрольный удар пришелся в неприкрытый броней пах. Незримая сила кружила где-то рядом, и обессиленный Демон наугад махнул алебардой, однако закономерно ничего не задел. А бесплотный Враг сновал где-то рядом, на расстоянии вытянутой руки.
Спасти Демона могло лишь чудо. И чудо случилось.
С винтовой лестницы сперва свесилась вытянутая рептилья морда, а за ней в залу влезло и само чешуйчатое создание.
– Крокодил! – вырвалось у Демона.
– Ну-ка все прочь, – сухим, пустым голосом протянул Крокодил, и Демон почувствовал, что Враг больше не нападает. С тонким свистом, словно сквозняком вымело его из комнаты, и окровавленная, разгромленная в пух и прах плоть Чердачника обратилась пылью. Крокодил знал толк в борьбе.
– Как ты оказался здесь? – воскликнул Демон.
– У боли свои пути, – загадочно ответил Крокодил.
– Однако... Ты спас меня!
– Ты убил Химер и Чердачника, я вижу, – протрещал Крокодил. – Зачем?
– Они атаковали меня.
– Как странно, – с кажущимся равнодушием протянул Крокодил. – Все они умерли в жутких мучениях, а ты все еще жив, и, к тому же, почти невредим.
– Муссон может подтвердить мои слова! – разгорячился Демон.
– Муссон пал, – сообщил Крокодил.
– Но ведь он был только ранен!
– Тебе стоило позаботиться о его ранении. Теперь он мертв, и сам Ветер остался без хозяина.
Оба замолчали.

– Я не смогу оправдаться, – наконец решился Демон. – Но здесь происходит какое-то безумие.
– Не твой ли подопечный ему виной?
– Его похитили.
– Кто же? – в голосе Крокодила ничего не менялось.
– Невидимый Враг. Он же натравил на меня Химер. С ним еще Бог-Буйвол...
– А тебе не кажется, что все сходится против тебя? Знаешь, как гласит Изначальный Закон...
– Каждый, чьи помыслы предали дело Древних, чьи слова отравили Безвременье ложью, должен уйти, – процитировал Демон. – Но я и вправду не понимаю, что тут происходит. Не хватало еще начать битву с тобой.
– Я не лезу в драку, а всего лишь рассуждаю.
– Так ты мне веришь?
– Пока рано делать выводы, – произнес Крокодил. – Я тоже чувствовал невидимую силу, но кто знает, что творит Восхождение Звезды. Так ты, кажется, говорил про Бога-Буйвола.
– Да! С ним, с тем, что представился Врагом...
– Объясни по порядку, – поморщился Крокодил, и Демон послушался.
– Нелицеприятно, – констатировал Крокодил, когда Демон окончил свой рассказ. – Остается только одно – идти по их следам.
– Стоит ускориться, чтобы они не успели уйти слишком далеко!
– Я знаю, куда они пошли.
– Ну же, куда? – в недоумении вскричал Демон.
– В Сакральный Парламент, – промолвил Крокодил, и свет в зале померк от тяжести его слов.

* * *

– Вы обманули меня! Вы похитили меня!
– Заткнись, мальчишка, – приказал Бог-Буйвол.
– Не заткнусь! И я не стану делать то, что вы хотите!
– О, поверь, – раздался мягкий голос Друга. – Ты просто человек, и мы можем заставить тебя делать все, что угодно. Будь ты Духом...
– Я просто человек, но я... не просто человек! – возопил Заречный, пытаясь подобрать слова, и где-то внутри себя он ощутил неожиданную мощь. Странное это было ощущение – будто в груди полыхал вулкан, но не такой, какой Заречный частенько ощущал после крепкого спиртного, а какой-то особенный, болезненный и приятный одновременно. Огонь из груди перетекал в кончики пальцев, и Заречный почувствовал, что может овладеть этим огнем.
Бог-Буйвол поперхнулся своей зубочисткой, наблюдая за метаморфозой, что произошла с Заречным. Он вырос в пять саженей, покрылся фиолетовой чешуей и глаза его налились яростью. В ту же секунду огненный шар сорвался с пальцев Заречного и сжег на голове Бога-Буйвола шляпу.
– Что за черт? – заорал Бог-Буйвол. – Стаг! Мы так не договаривались!
– Прости, Буйвол, – произнес голос Друга. – Пророчества пишутся не нами, и не нам их исправлять.
– Черт! Черт, черт, черт! – Бог-Буйвол зашатался от гнева. – Ты обманул нас всех! Ты нами воспользовался! Ты предал нас ради своего проклятого плана!
– Так и поступают злодеи, – отозвался голос невидимого Друга. – Стоило бы уже и свыкнуться.
– Дьявол! Так ступай же ты ко всем чертям! Я убью твоего молокососа!

Теперь настал черед Богу-Буйволу преображаться. Он и выглядел, как настоящий буйвол – с кольцом в носу, с копытами и рогами, которыми он тщетно пытался пронзить Заречного или хотя бы повалить его наземь.
– Ты мне больше не нужен, – заключил голос, и Бога-Буйвола в тот же миг бесшумно разорвало на части, а шокированный Заречный потихоньку, сам того не замечая, преображался назад, возвращаясь к своему гражданскому облику.
– Кое-чего я не просчитал, – произнес голос. – Но теперь я знаю это. Зато они все еще в неведении.
– Я не хочу оставаться с тобой, – прошептал Заречный.
– Я не буду спрашивать твоего согласия, – ответствовал голос. – Ты знаешь, что я сильнее кого угодно. Догадался уже, думаю?
Заречный покорно кивнул.
– Если будешь хорошим мальчиком, выпутаешься из этого мероприятия живым. Понял?
Заречный повторил жест.
– Вот и ладно, – подытожил голос. – А пока приведи себя в порядок. Мы ждем гостей.
И Заречный побоялся задавать какие-либо вопросы.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
КРОВАВЫЙ ОБРЯД

Просторный зал Парламента постепенно наполнялся людьми. Входили в двери мужчины и женщины, все при параде, в костюмах, мужчины при галстуках, женщины – с элегантными украшениями на шеях и пальцах. Были тут знакомые лица, люди, которых Заречный частенько видел по телевизору и даже ругал разными словами; были и вовсе неизвестные – однако все они учтиво кланялись Заречному, и он говорил в ответ:
– Доброго здоровьица! Как поживаете?
Наконец все собрались, расселись по местам, двери в зал закрылись сами собой и голос звучно произнес:
– Аве Сакрал!
– Сакралу аве, – хором ответили депутаты.
– К молитве!
– Волей, данной нам духами, ниспосланной высшей силой заклинаем... – зашептали все в один голос. – И да будет кровь наша пролита во имя великой цели, и да будет...
Заречный остановился в изумлении, наблюдая, как четыре сотни публичных людей, которые регулярно дрались и просто горячо спорили в этом самом помещении, теперь, как один, возносят молитву, слова которой говорили о нем самом.
– Данный нам волей Восходящей Звезды да возрастет в силах...
– Хватит! – крикнул голос. – Время голосовать. Итак, кто готов отдать свою жизнь во славу Сакрального Президента? Этим вы обеспечите себе богатую и роскошную потустороннюю жизнь. Начнем же обряд!
Послышалось пиканье обратного отсчета, хорошо знакомое Заречному из телевизионных сводок новостей. Три, два, один...
– Единогласно, – заключил голос. – Пора!
И в ту же секунду вскочил первый депутат – далеко, почти на последнем ряду. Вытащив из-за пазухи длинный кинжал, он вонзил его в свое сердце с воплем:
– На спасение уповаю!
Его примеру последовали и остальные. Раздавались выкрики, хлестала из сердец кровь, депутаты испускали последние вздохи. Заречный с ужасом наблюдал массовое самоубийство, которое сопровождалось зловещим хохотом Друга.
В тот же миг Заречный почувствовал, как изнутри его что-то рвется наружу. Успев лишь откинуться назад, он увидел свою точную копию, однако колоссального размера. Новый Заречный упирался головой в потолок и был нагим, если не считать, конечно, накинутой

сверху на голое тело вышитой рубашки. Взгляд его, тупой и тяжелый, устремился куда-то вдаль; он нечленораздельно мычал и зверски улыбался.
– Это еще кто такой? – вскричал Заречный в ужасе.
– Сакральный Президент Александр Заречный, – внезапно ответила копия гулким басом. – А ты кто, черт бы тебя побрал?
Вдруг перед глазами Заречного зарябило, и он в исступлении опустился на ближайшее кресло – кажется, спикера. Голова шла кругом, словно от вина, Заречного подташнивало и очень болели ноги. Сквозь туман он слышал гулкие удары, шорохи и зловещий голос Друга.
– Все готово, – расхохотался Друг. – Ни шагу назад!
– А как тебе вот это? – Заречный расслышал другой знакомый голос. Демон! Однако у Заречного не было сил вскочить на ноги, даже открыть глаза он бы сейчас не смог.
Что-то свистнуло, словно махнула в воздухе громадная плеть, и после секунды тишины последовал взрыв.
– Прочь, проклятые, – услышал Заречный третий голос, трескучий и ломкий. – Все прочь, – и боль в ногах сделалась невыносимой, а к ней добавилась еще и головная, и зубная боль, и даже в животе сделалось нехорошо. Последнее, что запомнил Заречный до потери сознания – как чьи-то скользкие лапы подхватили его и он вознесся в воздух...

* * *

– Что же нам делать с ним?
Демон набрал полный рот воды и прыснул на Заречного. Тот не отреагировал, только прошептал что-то про себя, словно в бреду.
– Потрепал ты его, Крокодил.
– Не было времени разбираться, – ответил тот самый трескучий голос. – Однако теперь я убедился в твоей правоте. Этот Враг что-то задумал, и что-то убийственное для нас. И не забывай, где-то еще бродят Черти, которые тоже на его стороне. Не время расслабляться, для подпитки Сакрального Президента им может понадобиться этот твой малыш – а значит, они придут за ним. Но и мы не лыком шиты. Кстати, кажется, мы все ошиблись насчет Восходящей Звезды. Тут налицо другие симптомы.
– Поделишься соображениями?
– Пока еще рано об этом судить. Пока – рано.
– Гляди, чтобы не стало слишком поздно.
– Я бессмертен, Демон, – протянул Крокодил. – Пока жив последний человек на свете, я надеюсь остаться бессмертным.
– Однако я смертен.
– Снова не факт. Возможно, этот Враг уже разделался бы с тобой, будь ты смертным. Сила его велика... Но и мы, как тут говорят, не пальцем деланы, а? – Крокодил рассмеялся, и странно было это слышать, а оттого засмеялся и Демон.
– Как ты думаешь, может это быть Падший? – внезапно спросил он.
Крокодил помолчал в раздумьях и ответил:
– Почему у тебя появились такие мысли?
– Муссон натолкнул.
– Однако Падший... пал.
– А вдруг нет? Мне самому тяжело об этом думать, но ведь это возможно.
– До последнего буду надеяться, что есть силы в этом мире, о которых мы не знаем, – наконец произнес Крокодил. – Но если это он... Страшно подумать, что он собрался совершить. Он всегда был отчаянным.
И Демон лишь тяжело вздохнул.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Заречный приходил в себя с трудом. Голова у него болела неописуемо и вдобавок кружилась, под глазами вздулись иссиня-черные мешки, ноги отекли, а пальцы рук онемели.
– Воды, – прохрипел он.
Демон тут же сотворил небольшую стеклянную бутылочку с какой-то мутно-белой жидкостью и протянул Заречному:
– Попей, все пройдет.
Заречный сделал жадный глоток, остановился на секунду, удивленными глазами глянул на Демона и продолжил пить, пока не покончил с бутылочкой. Наконец он довольно крякнул, пошевелил пальцами перед глазами и поднялся со своего лежбища.
Оглядевшись, он понял, что находится в гостиничном номере – небольшая комнатка с дверьми на балкон и в коридор, уютной двуспальной кроватью, устланной голубым, в какие-то цветочки и ягодки, покрывалом, на которой и лежал Заречный, и широким плазменным телевизионным экраном в полстены. Еще в углу приютился пустой шкаф с распахнутыми дверцами. А рядом со шкафом стоял... крокодил. Самое настоящее земноводное, только в костюме с галстуком.
– Здрасти, – вежливо поздоровался Заречный и перевел взгляд на Демона – глаза Заречного были полны удивления и страха.
– Познакомься, это Крокодил.
– Да я заметил.
– Еще один Древний, еще один из Изначальных Сил.
– Бог животных? – глуповато спросил Заречный и тут же осекся, глянув на Крокодила.
– Я – Воплощенная Боль, – как обычно, равнодушно и сухо констатировал Крокодил. – К животным отношения не имею. В форме Крокодила прихожу, потому как это самое приличное из того, что я могу на себя примерить.
– А почему?
– Так повелось, – отрезал Крокодил. – Ты знаешь, что с тобой приключилось?
– Я превратился в Президента, – ухмыльнулся Заречный.
– Нет, дурень, – вмешался Демон. – Враг...
– Ты имел в виду Друга?
– Ах, он так тебе представился! Так вот, этот Друг, или Враг, или черт его знает кто, провел древний ритуал жертвоприношения и сотворил из твоей силы и Духов смерти Сакрального Президента, который, по-видимому, принесет в мир разрушение и погибель.
– Божечки ты ж мой! – воскликнул Заречный. – Может, устроить протест?
Демон с Крокодилом переглянулись и расхохотались, причем Крокодилу даже пришлось утирать слезы ситцевым платочком.
– Чего смеетесь? – обиделся Заречный. – Давайте выведем людей с флагами, будем митинговать и добьемся справедливости!
– Прекрати... Немедленно прекрати! – Демон задыхался от смеха. – А еще лучше написать на него жалобу... В суд подать... Ну, ты даешь.
– Тогда я не знаю, – надулся Заречный.
– И мы не знаем, – произнес Крокодил. – Только хорохоримся впустую. Надежно мы тут окопались... Но ведь он может творить безобразия и без нашего малыша.
– Без нашего малыша, – ответил Демон, – его надолго не хватит. Сдуется через неделю.
– Боюсь, за неделю он успеет наделать дел.
– Увы, риск есть. Тогда давай спрячем малыша и пойдем давить Президента.
– Думаю, Враг это предусмотрел.
– Тогда как поступим?
Крокодил почесал затылок (что, между прочим, выглядело весьма забавно) и сделал вывод:

– Возьмем малыша с собой.

* * *

– Он очень легко переносит порталы.
– Странно, обычно всех тошнит.
– То-то же.
– Ну-ка, погоди... Александр! Ты никогда не превращался в животное?
– Если вы про тот раз с днем рождения... – смутился Заречный.
– Нет, не в переносном смысле, а в буквальном.
– Кажется, нет... Кроме раза, когда я разозлился на друга этого Друга и покрылся фиолетовой дрянью.
– Какой дрянью? Ну-ка постой. Какой дрянью?
Демон и Крокодил в недоумении уставились на Заречного.
– Ну, фиолетовой какой-то кожей или чешуей, или чем там еще, – пожал плечами Заречный.
– Вот мерзавец, и ведь молчал! – воскликнул Демон. – Может, и крылья у тебя выросли?
– Насчет крыльев врать не буду, а огонь из-под пальцев был.
– Дьявол! – рявкнул Крокодил. – Он тоже Дух!
Все замерли. Заречный – с открытым ртом, Демон – с безумными глазами, полными удивления и ярости.
– Он Дух! – продолжал Крокодил. – Он просто еще не умеет управлять внутренней силой. Но он такой же, как мы!
Довольно экстравагантно выглядели двое удивленных людей и стоящий на задних лапах крокодил в костюмчике, однако, на счастье, волею Демона все они были невидимы для людских глаз. Стоя под резиденцией Президента напротив дома с химерами, вели они этот разговор, и многие бы отдали свои жизни за то, чтобы услышать тайны, в которые сейчас были посвящены только эти трое.
Однако разговор этот был бесцеремонно прерван налетевшим невесть откуда ветром. Ветер был силен, настолько силен, что Заречный зашатался и едва не упал. Демон подхватил его под локоть и закричал:
– Он пытается нас раздавить!
– Черта с два, – отозвался спокойно Крокодил и сказал в пустоту: – Прочь, прочь немедленно.
Ветер успокоился, и в тот же миг невидимая рука подхватила всех троих. Крокодил разинул пасть и тут же выпал из воздушных объятий. Еще одним движением Крокодил выхватил из них Заречного. Демон же, стиснутый в кулаке ветра, собрался с силами и начал расти, разрывая и ослабляя хватку захватчика. Наконец вырвался и он. В боевом обличье он был готов встретиться с любой силой. Крокодил тоже не терял времени и вырос в неописуемо уродливого ящера с какими-то рогами и шипами на чешуйчатой коже. Заречный не знал, что ему делать, и лишь подумал: «Вот бы сейчас превратиться в танк».
И вправду, что-то ведь есть интересное в этом персонаже. Вся его жизнь была простой и незатейливой, пустой на события и впечатления, однако судьба распорядилась так, что в итоге он получил приключений с лихвой, что, впрочем, не сломило его. И странное желание Заречного, которое было скорее шуточным или фантазийным, немедленно исполнилось, что подтверждало теорию о его несомненной связи с Духами.
Заречный превратился в танк. Броня, дуло, гусеницы – все наличествовало. Заречный забыл, где у него голова, а где печень – теперь, в новом теле, были другие органы.
Но самое необычное заключалось в другом.

Заречный видел, как Демон и Крокодил пытаются усмирить потоки ветра, однако, в то же время, они никакого внимания не обращали на зловещего черного медведя, что стоял в десяти шагах и, казалось, посмеивался над неудачами товарищества.
– Медведь слева! Его бейте! – голос Заречного, несмотря на трансформацию, остался прежним.
– Какой еще медведь? – крикнул в ответ Демон.
– Черный медведь, слева стоит!
– Медведь! Демон, здесь Хьюн Стаг и твой малыш его видит! – возопил Крокодил, но Демон уже и сам догадался.
– Не атакуй, – произнес он. – Хьюн Стаг, к тебе обращаюсь!
– Слушаю тебя, Демон, – ответил голос, однако только Заречный видел, что заговорил тот самый стоящий в стороне черный медведь.
– Хьюн Стаг, Падший! Зачем ты затеял с Древними войну?
– У меня на то свои причины.
– Зачем тебе Президент?
– Хочу кое-что провернуть.
– Ты же знаешь, что мы не дадим тебе действовать! Тут двое Изначальных и Заречный, который тебя видит!
– Плевать на вас.
– Хьюн Стаг, ты ли это? – в отчаянии вскричал Демон. – Ведь мы были братьями! Я – Воплощенный Страх Перед Неизвестностью, и ты – Страх Перед Истиной!
– Нет прежнего меня, меня разменяли, как пешку, в битве против Пророка.
– Это было твое решение!
– Однако никто не остановил меня. Теперь я пришел, чтобы сделать все по-своему.
– Чего ты хочешь?
– От вас – ничего.
– Тебе не нужен малыш?
– Мне хватит недели для того, чтобы закончить свои дела. Больше этот Президент не протянет.
– В чем же все-таки дело? Что ты хочешь провернуть?
– Я не отвечу.
– Я прошу тебя! – взмолился Демон. – Я тосковал по тебе, Падший, и я годами втайне просил о твоем возвращении, но никто не отзывался! Ответь наконец, что же с тобой произошло.
– Это долгая история, и я расскажу ее тебе, когда придет время.
– Оно никогда не придет! Чего ты хочешь?
– Ладно, Демон. Я отвечу тебе... по старой дружбе. Я построил собственное Безвременье и назвал его этак, знаешь, поэтично, – Падший сделал театральную паузу и с чувством вымолвил: – Инферно. Картишки, продажные девки, выпивка... Ну, ты понял. Вот, этого в достатке.
– Но зачем?
– Хочу безраздельно управлять этим миром.
– И для этого ты убрал стольких Древних?
– Ты убрал их, Демон.
– Давай без софистики! Остались Черти и те, что заперты в настоящем Безвременье! И где это твое Инферно?
– В тех плоскостях, куда дорога через пороки и грехи.
– Все пороки и грехи относительны, мы оба это знаем!
– Да, но ты вскоре наглядно убедишься, что это работает.
– Надеюсь, у меня получится тебя остановить!
– Нет, дорогой Демон, нет. Когда-нибудь я сотру с лица земли всех Древних и останусь один. Я открою людям карты. Я сяду на трон и стану повелевать.

– Зачем тебе эта чушь? Ты ведь и так можешь потешить свое самолюбие тем, что являешься Изначальной Силой.
– Крокодил тебе расскажет, – уклончиво произнес Падший. – До встречи!
Заречный увидел только, как черный медведь беззвучно и безнаказанно рассеялся во мгле.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
ИНИЦИАЦИЯ

– Что ты должен мне рассказать? – поинтересовался Демон.
– Сперва уйдем в безопасное место, – посоветовал Крокодил, и все трое немедленно переместились обратно в гостиничный номер.
– А что это за гостиница? – спросил Заречный.
– Черт его знает, – отмахнулся Демон. – Такие вопросы обычно решаются сами собой.
– Нет, ну каков подлец! – негодовал Крокодил. – Закрыл пути в Безвременье, оборвал астральную связь, а со старыми товарищами и разговаривать не пожелал! Еще и свести со свету хочет. Ну и негодяй!
– Все эти годы он копил силы для решающей битвы, – рассудил Демон. – Пришло его время. Так в чем причины, Крокодил?
– Помню, перед его уходом у нас состоялся разговор, – Крокодил вздохнул. – Он сказал о том, что то, о чем мечтали люди давным-давно, сбудется... Я прервал его и спросил – а как же наш тотем?
– Объясни Александру – он не поймет.
– Чего не пойму? – вмешался Заречный.
– А вот слушай, – продолжал Крокодил. – Люди каким-то чудом своего воображения тысячи лет назад ухитрились создать нас. Изначальные Силы. Духов. Древних. И люди признавали нас за тотемных богов, за высших покровителей. Потом они начали выбирать себе других покровителей, но те в Духов почему-то не превратились. Мы, конечно, помогали людям в охоте и собирательстве, подбрасывали им свежие идеи для общего прогресса, которые черпали из пространства идей... здесь это называют ноосферой. Но Тот, Кто Назвал Себя Богом, попытался прогнать нас прочь. И ему это удалось... Теперь ни один из людей, кроме совсем уж… эм-м… близких к природе, не признается в том, что верит в наши силы. Однако в глубине души каждый знает, что дождь приходит неспроста, что гроза открывает людям какие-то тайны. Поэтому-то мы и существуем, и ты в том числе. Правда, осталось разобраться, откуда ты взялся.
– Я знаю это, – промолвил Заречный. – Я чувствую. Я...
– Он говорит нужное слово! – воскликнул Демон. – Он осознает происхождение!
– Я, – Заречный медлил, сам того не желая. Нужное слово вертелось на языке, но никак не могло вырваться наружу и наконец: – Я... я – Дух Кухонного Протеста.
– Есть такое дело! – закричал Демон. – И имя тебе...
– И имя мне – Заречный Дух.
Крокодил облегченно вздохнул и утер пот все тем же ситцевым платочком.
– Ты становишься человеком, Александр, – заключил Демон. – Не в прямом смысле, конечно, тут как раз все наоборот. Ты начал все понимать. И теперь нам не придется тебе ничего объяснять...
– А у меня вопросов накопилось, – начал было Заречный, но, увидев перекошенную физиономию Крокодила, счел лучшим промолчать.
– Так зачем же Падший хотел гибели для тотема? – обратился Демон к Крокодилу.
– Он хотел понять суть нашей силы, исчерпав всех до донышка, хотел найти и нашего общего покровителя.
Страшные это были слова. Заречный догадался об этом по длине зловещей паузы, которая воцарилась после них.

– Но зачем ему наш покровитель? Вряд ли он вообще существует, – наконец прервал размышления Демон.
– А вдруг?
Демон поразмыслил немного и заключил:
– Я бы сам к нему присоединился... Цель оправдывает средства. Но в один день он обманет меня и уничтожит.
– Безусловно, – вторил ему Крокодил. – Потому-то мы и должны остановить безумца. Или, по крайней мере, указать ему на другой путь постижения истины.
– Разве может быть путь лучше анатомического вскрытия? – спросил Демон. – Он прав. Но не ценой наших жизней достанется ему эта истина. Что он там болтал про Инферно?
– Что-то вроде того, что построил Безвременье со своими законами.
– Зачем это?
– Проще простого, – вмешался Заречный. – Он оборвал себе пути в Безвременье. Но теперь у него будет собственное безопасное укрытие...
– Но если он уничтожит всех Древних, то и Безвременье станет открытым для него.
– Ты еще не понял? – сверкнул хищными глазками Крокодил. – Инферно – это и есть наше Безвременье.
– Дьявол, ты прав! – вскричал Демон. – И, полагаю, уже сейчас Древние покидают чертоги вечности... Нужно найти их.
– Они сами скоро нас найдут, – промолвил Крокодил.
– А кто такой этот Падший? – наконец решился подать голос Заречный.
– Хьюн Стаг, в прошлом – Дух Страха Перед Истиной, из Изначальных Сил, – ответил Крокодил. – Он же – Враг, он же – Друг. Он же – чертов пройдоха, который пытается сжить нас со свету.
– Он злой?
– Не злее меня.
– Он – темная сила?
– Не болтай глупостей, – огрызнулся Крокодил. – С инициацией ума тебе не прибавилось, как я погляжу. Ну, ничего, мудрость приходит с годами, а ты ведь еще так молод.
– А почему все это случилось именно в этом году? – спросил вдруг Заречный.
– В каком смысле? – удивился Демон.
– Ну как же... 2013 год. Цифра 13. Чертова дюжина...
– И что это должно значить? – расхохотался Демон. – Мы все умрем? Ты еще скажи, что конец света наступил. А если бы был 666, ты бы, пожалуй, весь извелся? Ха-ха-ха!
– Ты пойми, – обратился Демон к Заречному. – Не бывает магии цифр. Как и многого другого. Например, гороскопы – это неправда, фэн-шуй – полная чепуха...
– Вампиры не боятся серебряных пуль, – вторил Демону Крокодил. – Пентаграмма не вызывает умерших, кровь девственниц не восстанавливает молодости... Навыдумывали! Выйти из Сумрака... Войти в Нарнию... Что за чушь?
– Суеверия! – добавил Демон.
– Ну ладно, ладно, – успокоил обоих Заречный. – Не буду верить, раз чепуха.
– Ладно, кончайте пустые беседы, – произнес Крокодил. – Пора.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ
КОСМОС

– Чувствую связь, – наконец вымолвил Демон, и Крокодил облегченно вздохнул. Мимолетным движением чешуйчатой лапы он включил плазменную панель, и на экране телевизора показался Сакральный Заречный в дорогом костюме, вещающий что-то с трибуны. Он часто путался, делал паузы и подглядывал в ладошку.
– Мы вместе должны объединиться для того, чтобы обеспечить благополучие и только все вместе и в единстве мы сможем сделать так, чтобы наш народ был самым успешным для

того, чтобы стать наиболее привлекательными, чтобы мы смогли интегрироваться наконец в то пространство, потому что кто, как не мы, этого заслуживает, ведь иначе никто не будет понимать, как важно для нас единство...
– Вот же муть! – разозлился Крокодил. – Этак он, пожалуй, совсем выбьет мозги из электората.
– И поделом, – ответил Демон. – Мы прервем его на заключительном этапе... Если получится.
– Нет, ну каков красавец, – самодовольно протянул Заречный.
Легкая вспышка – и в комнате материализовался мужчина в старомодном камзоле и с пышной седой бородой.
– Хранитель! – Демон бросился к новоприбывшему.
– Демон! Крокодил! С вами все в порядке! Как я рад, – на одном дыхании произнес гость.
– Что тут случилось?
– Расскажем, когда все будут в сборе.
– А вы не можете просто прочитать мысли друг друга? – вмешался Заречный.
Древние посмотрели на него с жалостью.
– Мы, вечные Духи, любим порой неторопливую беседу, – пояснил Крокодил. – Меняться мыслями – пошловато и мелко.
– Воля ваша, – пробурчал Заречный. – Время идет...
В номере и коридоре гостиницы продолжали появляться Древние, все очень разномастные и удивительные для неопытного Заречного. Однако теперь в его зрении появилось кое-что новое – он точно знал, кто скрывается под тем или иным обликом, словно читал это по какой-то книжке, он знал, кто и кем является, откуда родом и с какими намерениями прибывает. Зардевшись, Заречный наблюдал за обнаженными девицами – русалками, пифиями, дриадами, и видел, как они любопытно разглядывают его и прыскают со смеху каждый раз, уловив его деликатное и даже, пожалуй, трогательное внимание. Рядом с прочими стоял и старый хромой Фитилек, который заведовал пиротехникой и прочими огненными чудесами. Как и когда он успел захромать, никто уже не помнил, однако эта особенность была самой выдающейся в его незамысловатом облике. Хромал он всегда, независимо от облика, погоды или любых других факторов.
Много времени прошло, и все наконец собрались. Мановением воли Демона был найден какой-то старый театральный зал, в который уже давно никто не заходил, и там учредили экстренное собрание Древних. Духов, как всегда, набилось битком, Изначальные Силы заняли свое почетные места, а рядом с ним уселся и Заречный – в качестве новобранца.
После того, как Демон неторопливо, смакуя детали и прерываясь на драматичные вздохи из зала, обрисовал ситуацию, он представил и Заречного:
– Рекомендую вам нового духа, рожденного под Восходящей Звездой – Заречного Духа!
Древние зааплодировали, приветствуя нового товарища.
– Итак, наша цель – разрушить намерения Падшего, – продолжал Демон. – И давайте договоримся, что именно так мы станем его теперь называть.
– Возражений не имею! – воскликнула Повелительница Псов – дряхлая старушенция из третьего ряда.
– Но что же нам делать с Президентом? – спросил Хранитель.
– Нужно разделиться на несколько отрядов, – ответил Демон. – Один будет охранять Безвременье для того, чтобы оно не превратилось в это самое Инферно. Его возглавишь ты, Хранитель. Второй – свергнет Президента... И главой его будет новоявленный Дух Кухонного Протеста – Заречный. Третий же отряд займется поимкой Падшего... под моим началом.
– Не тут-то было, – громко и явственно произнес тот самый, уже до боли знакомый голос.
В ту же секунду свет померк и среди взвизгов Древних дам и хлопотливых звуков превращения боевых Духов раздался тяжелый удар.
– Он здесь! – воскликнул Демон. – Он пытается накрыть нас всех вместе!

Но все поняли его и безо всяких слов.
А в зале царило столпотворение. Последние пособники Падшего – Черти – плясали под потолком, обрушивая на головы несчастных Древних старомодные светильники. Они напоминали поросят, только с длинными лапами и кожей зловещего багрового оттенка.
– Что это за черти? – недовольно кричал в пылу битвы Заречный, пытаясь сотворить какое-нибудб заклятие. – Где рога, где копыта?
– Напридумывали сказок! – яростно отвечал ему Демон. – Забыли, как нормальный черт выглядит! Н-на!
С Чертями было покончено через пару минут.
Но вдруг за трибуной появился черный медведь. Зал ахнул. От неожиданности Заречный споткнулся и упал со сцены, увлекая за собой скорчившегося в нелепой позе Крокодила.
– Вам всем конец, – произнес Падший и в руках его полыхнул длинный огненный меч.
Древние в большинстве своем бросились прочь из зала. Испугу их не было конца. Позже ни один из них не смог объяснить причин столь постыдного страха, однако через секунду в зале остались лишь Изначальные Силы и несколько наиболее смелых Древних, в основном, из числа молодых Духов.
– Ну что ж, давайте сразимся, – ухмыльнулся Падший, и его меч ударил по алебарде Демона, разрубив ее пополам, как меткая стрела разрубает яблоко.
– В Безвременье! Я соберу народ! – вскричал Демон, однако Падший внезапно ухватил его за рогатый шлем. Сбросив шлем, Демон вырвался из цепких лап и нанес удар ногой, который, впрочем, никак не отразился на Падшем. Хранитель молниеносно исчез из зала, видимо, повинуясь общему инстинкту, а, может, зная наперед происходящее и придумав план получше. Громовержец и Крокодил пытались извести Падшего какими-то заклинаниями, от которых воздух искрился и повсюду пахло горелым, однако их потуги не увенчались успехом.
– Твои друзья тебя предали, Демон, – заключил Падший. – Настало время умереть. Ты и так принес мне немало хлопот.
– К черту! – воскликнул Демон. – Мы с тобой братья, и без меня не станет и тебя! Наверняка ты забыл этот пикантный момент нашей совместной биографии, но я тебе напомню!
– Последний козырь ты припас к концу игры, братец, – разочарованно протянул Падший.
– Увы, а я-то надеялся, что ты забудешь об этом. Ну что ж, у меня есть запасной план.
– Какой... – начал было Демон, однако волна ветра отбросила его в зал, больно ударив спиной об кресла. На сцене остался один лишь Падший, и, зловеще хохоча, он подвел итог, громогласно промолвив последнее слово:
– В Преисподнюю!
Пол актового зала мелко задрожал и... обрушился вниз.
Заречный почувствовал, как тонны летящей со всех сторон земли увлекают его за собой, как он уходит в темноту, в ничто, в никуда. Непроглядно черная, абсолютно беззвучная пустота, которой не было ни конца, ни края, окружала его повсюду. Однако через некоторое время Заречного выволокло куда-то, движение прекратилось. Он ничего уже не видел от сильного удара и всеохватывающей тьмы. Лишь только слышал шепот:
– Все сложится. Все сложится...
– Кто говорит со мной? – слабым голосом спросил Заречный.
– Я – тот, кто дает тебе силу, – ответил шепот.
– Как твое имя?
– Ты бы назвал меня... положим, Космос.
– Космос? Где ты?
– Я везде. Я повсюду, – мягко продолжал шепот. – Не пытайся увидеть меня, я бесконечен и ты не сможешь осознать меня целиком. Не обольщайся – ты слышишь лишь один из моих голосов, тот, который лучше подходит для твоего состояния. Я – Вселенная. Я – все, и я же ничто. Слушай, что я скажу. Ты – единственный во всем свете, с кем я заговорил.

Обычно я не размениваюсь на мелочи, но тут слишком сильные волнения. Иди туда, куда тебя отправили, и ты получишь то, чего никогда не имел. Поймешь после. Не трать времени на отдых, я понимаю, что здесь хорошо, но ничто хорошее не вечно, – заключил шепот...
... Резкая боль, жар и бьющий в нос запах серы пробудили Заречного. Он все еще не мог открыть глаза, но точно знал, где сейчас находится.
Инферно.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ПРЕИСПОДНЯЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ
ПРОБУЖДЕНИЕ

Резкая боль, жар и бьющий в нос запах серы пробудили Заречного. Он все еще не мог открыть глаза, но точно знал, где сейчас находится.
Инферно.
Преисподняя, неизвестно как выстроенная Падшим.
Заречный собрался с силами и открыл глаза. Его окружала мрачная серая пустошь, похожая на фотоснимок поверхности Луны, а над головой висел багровый и зловещий купол здешнего неба. Вряд ли оно имело что-то общее с небом земным – уж слишком яркими, тяжелыми цветами оно было искрашено.
Среди пустоши, вдали, полыхали редкие костры и возвышались исполинские идолы неизвестного происхождения и предназначения.
Рядом на сухой земле лежал Демон и какая-то девчушка из Древних, однако Заречный был слишком слаб для того, чтобы определить сейчас ее имя и звание. Осторожно подергав Демона за полы жилетки, Заречный убедился в том, что с Изначальным что-то не так. И вправду – на губах Демона запеклась кровь, он едва дышал. Заречный хотел было набрать воды, однако вокруг не было ни одного источника. Тогда он дал Демону несколько пощечин, от которых тот открыл глаза.
– Где мы? – прошептал Демон.
– В Инферно, – ответил Заречный, и Демон обреченно застонал.
– Падший оставил нас без сил, – произнес он. – В этом измерении все наши воздействия не сработают. Теперь мы – совсем как простые люди...
– Так его! – выругался Заречный. – Только стал колдуном, и тут на тебе – снова живи простой жизнью!
– Да нет, жизнь тут простой не будет, – пессимистично заключил Демон и приподнялся на локтях. – Кто это с нами?
– Не знаю, – ответил Заречный.
– Со спины не узнаю, – объяснил Демон. – Ну-ка, переверни ее.
Заречный послушался. Девчушка оказалась весьма привлекательной, у нее были прямые длинные волосы и огромные глаза, легкая полуулыбка застыла на ее спящем лице.
– Это дриада Лунь в обыкновенном своем облике, – сказал Демон. – Хорошая девчонка. Пошлепай и ее по щекам, пусть пробуждается и будем держать совет.
Заречный и на этот раз сделал так, как велел Демон. Лунь долго отмахивалась и бредила, шептала что-то неразборчивое, однако наконец пришла в себя и задала все те же вопросы, что минуту назад задавал Демон. Демон и Заречный в два голоса, перебивая друг друга, объяснили ей сложившуюся ситуацию.
– Горе-то какое, – посетовала Лунь. – Заречный Дух, тебе очень к лицу серый цвет. Демон, куда мы пойдем? Скорее бы. У меня кончилась вся летная мазь. Здесь ни деревца, неоткуда черпать силу. Где вода? Я хочу омыть тело, оно страдает, а поменять его не на что.

– Нет воды, – мрачно ответил Демон. – Вообще ничего нет. Сперва немного отдохнем и решим, что нам делать. Как хорошо, что Древним не нужна вода и пища, а то бы мы, пожалуй, полегли здесь от голода и жажды – жарко, сухо, и небо тяжелое.
– А нельзя вернуть время назад? – внезапно спросил Заречный и был прерван взрывом дикого хохота Демона и Луни. – Не смейтесь! Сил в нас никаких нет, но, может, у вас завалялся какой-нибудь волшебный амулет или талисман?
– Вернуть время назад? – заходился смехом Демон. – Амулет? Ты уже не первый раз выкидываешь подобное!
– Время назад не возвращается, время вечно, нельзя разгуливать по нему взад и вперед, – пояснила Лунь.
– Но я же видел это... квантовый скачок, во! – заявил Заречный, чем вызвал повторную волну смеха.
– Время не имеет начала или конца, дурья твоя башка, – растолковывал Демон. – В какую точку ты вернешься? Минуты, секунды, года? Это лишь человеческие условности. По времени нельзя путешествовать – и все!
– Амулеты – тоже суеверие, – добавила Лунь. – Неужели ты этого не знаешь? Нельзя заключить дух или силу в вещь, дух берется не от материи, дух как бы проникает сквозь нее. Можно построить из материи кого-нибудь, например, Голема, и заставить его посредством духа делать что-нибудь. Понял теперь?
– Понял, понял, – отмахнулся Заречный. – Вам хорошо, вы старые...
– Я не старая! – вспыхнула Лунь.
– Ну, то есть, Древние, – поспешил исправиться Заречный. – А мне всего лишь тридцать лет. Жизнь только начинается!
– Теперь, когда ты прошел инициацию, безусловно, – согласился Демон. – Если выберемся из этого чертового Инферно, то будешь жить вечно.
– Обнадеживающая перспектива, – поддакнула Лунь. – Давайте думать.
– А я говорил с Космосом, – произнес вдруг Заречный, и Демон удивленно уставился на него.
– С кем? – переспросил он.
– С Космосом, – повторил Заречный.
– Как любопытно! – воскликнула Лунь.
– Продолжай, – серьезно сказал Демон.
– Ну, когда ваш этот Падший сбросил нас сюда, я на секунду очутился где-то, где было тепло и очень тихо... Больше ничего не помню. Так вот, со мной говорил кто-то, и он представился Космосом. Голос такой – не описать! Сказал, мол, иди туда, куда тебя отправили, и ты получишь то, чего никогда не имел, – закончил Заречный.
– Ага, – глубокомысленно протянул Демон. – Лунь, что думаешь?
– Может, ударился обо что? – иронично осведомилась Лунь.
– Вряд ли, такое совпадение...
– А в чем дело? – удивился Заречный.
– Понимаешь, Заречный, – начал Демон. – У нас есть своя мифология. Есть вещи, о которых мы точно ничего не знаем, но предполагаем. Так вот, когда восходит звезда, приходит Тот, Кто Назовет Себя Богом. А когда восходит Утренняя Звезда, как в твоем случае – наверное, Муссон этого недоглядел – приходит один из нас, Древних. Просто такого уже очень давно не случалось. Ты себе даже не представляешь, как давно. Однако есть и кое-что еще, о чем никто из нас не имеет понятия.
– Вселенная, – заключила Лунь.
– Правильно, – кивнул Демон. – Вот гляди-ка – Падший перед своим уходом из Безвременья – еще тогда, давно – много болтал о том, что что-то изменится. О Космосе в частности. У нас тогда не было времени это обсуждать, однако потом, когда он не вернулся – появилось. Так вот – во Вселенной, что за границами нашей планеты, есть, как

ты знаешь, очень много всего. Системы, галактики, многочисленные звезды... Но Древние боятся туда летать.
– Возможно, если мы покинем планету, мы погибнем, потому что нас создали люди, а их за границами планеты нет, – растолковала Лунь.
– Именно, – подтвердил Демон. – А рисковать в силу своей мудрости мы не любим. Так вот, Падший считал, что жизнь была на всех планетах нашей Солнечной системы. Однако населяющие их существа вымерли, и Духи – вместе с ними. Земля – последняя планета, однако когда-нибудь жизнь кончится и на ней. Это, конечно, несоизмеримо с жизнью человеческой, однако мы, Древние, можем и дожить. И страшно будет тогда... погибать. Так вот, Падший утверждал, что откроет секреты Космоса. И сгинул...
– Но ведь он сгинул давно, тогда еще никто не знал про то, что Земля круглая, – резонно заметил Заречный.
– Мы знали все еще со времен первобытных людей, – ответил Демон. – И больше того, мы эти идеи сами людям подбрасывали, подсказывали, чтобы они догадались. Ноосфера, слыхал?
– Нет, – помахал головой Заречный.
– Не будем вдаваться в подробности, – произнес Демон. – Но, вероятно, Космос и вправду решил открыться тебе. И это крайне любопытно.
– Крайне! – вторила ему Лунь.

ГЛАВА ВТОРАЯ
ГЛУБОКОМЫСЛЕННЫЕ БЕСЕДЫ

– Здесь мы не враги. Здесь все бессильны, кроме меня. Не двигайся.
Крокодил поднял глаза. Перед ним стоял Падший – все еще в облике черного медведя.
– Не двигайся, – повторил он. – Здесь мы не враги. Ты все равно ничего не сможешь сделать. Я хочу просто поговорить.
– К чему разговоры, Хьюн Стаг? – фыркнул Крокодил. – Ты не своими, так чужими руками изничтожил полтотема. А цель? Нет цели. Я не вижу ее. Вот, право, медведем был, медведем и остался.
– Вы сами друг друга перебили, – возразил Падший. – В этом нет моей вины. Я должен был только закончить свою миссию.
– Чертов эгоист, – нервно и колко заметил Крокодил. – Никто не давал тебе право отбирать чужие жизни во имя этой призрачной миссии. И что, позволь осведомиться, тебе удалось в итоге?
– Посмотри вокруг, – улыбнулся Падший.
Крокодил оглянулся. Серая пустыня под темным, тяжелым небосводом раскинулась повсюду, не было ей ни конца, ни края. Крокодил не видел ни одного из Древних вокруг себя. Он остался один на один с врагом, который, видимо, решил утомлять его заумными беседами.
– Просто покажи результат, – произнес Крокодил. – Такую пустыню каждый дурак сварганить может, даже этот наш новенький… Заречный Дух.
– Но ведь это не просто пустыня, – ответил Падший. – Здесь не действуют твои силы, зато многократно усиливаются мои.
– Ну, и зачем тебе это?
– Потому что я хотел безраздельно владеть миром людей. Но сейчас... сейчас не хочу. Поэтому ты, и прочие Древние, очутившиеся здесь, а равно как и в реальном мире, до сих пор живы. И я не стану вас убивать. Просто они останутся там и будут жить дальше, планируя возрождение Безвременья. А вы здесь со мной... пока я не получу ответов на свои вопросы.
– И почему же ты вдруг передумал? – иронично осведомился Крокодил.

– Познал кое-что, чего не смог предугадать ранее, – покачал головой Падший. – То есть, я надеялся... но не случилось.
– Рассказывай уже, не интригуй, не говори загадками.
– Понимаешь, Дух Боли, – начал Падший, – произошла занятная история. Когда я уходил из Безвременья впервые – с появлением Того, Кто Назвал Себя Богом – я много думал о силе, стоящей выше нас. И когда я с ним столкнулся, чтобы обезвредить, я увидел эту силу в его глазах. Как любопытно – в мире людей монотеистические верования когда-то победили политеистические, а я это увидел прямо своими глазами, понимаешь?
– Бога? – насмешливо перебил Падшего Крокодил.
– В каком-то смысле, – невозмутимо продолжал Падший. – Сперва я столкнулся с Мусой Египетским, и понял, что этот паренек обладает силой, значительно превышающей мою. И это было не ошибочное представление, не заблуждение вроде тех, что мы называем легендами. Тогда-то я и провел первые параллели. Почти детектив получился...
– Ну-ка? – поторопил Падшего Крокодил.
– Когда на свет приходит Новый Человек? Кто бы то ни был? Бывают Те, Кто Называет Себя Богом, бывают Просветители, бывают такие, как ваш Заречный – Новые Духи, порождения Утренних Звезд, о природе которых мы тоже ничего не знаем, только догадываемся – и сами не понимаем, почему. Вернее, он такой один в своем роде, но исключение подтверждает правило. Тебе не кажется, что мы слишком многого не знаем?
– Есть такое, – согласился Крокодил.
– Так когда же приходят подобные Новые Люди? – спросил Падший.
– В час Восхождения Звезды, – пожал плечами Крокодил.
– Именно, Звезды! – подтвердил Падший. – А Звезда – это что?
– Небесное тело.
– Какая-то устаревшая у тебя терминология, – поморщился Падший. – Звезда – это одна из деталей Вселенной, так?
– Так, – кивнул Крокодил.
– Одна из частиц Космоса, – заключил Падший, и Крокодил ахнул:
– Ты обнаружил, что этот пресловутый Вселенский разум все же существует?
– Это слишком простое объяснение, – покачал головой Падший. – Все гораздо сложнее. Давай я предложу тебе примитивную иерархию. Начнем с элементарного – атомы составляют молекулы, молекулы – материю, материя в разных пропорциях составляет все, что не касается Древних. Сперва микроорганизмы, потом организмы побольше, на которых сидят микроорганизмы, и так до самых людей, по которым бегают стаи микробов, и сами они, как бактерии, бегают по телу планеты.
– Допустим, а что дальше?
– А дальше самое сложное. Люди сумели обзавестись духом. И выдумали нас – без материи. Слепили нас в уме. Мы есть отражения чьих-то сознаний. Поэтому иерархически стоим выше. Дальше в своих умозаключениях я запутался и решил проверить одну любопытную теорию...
– Ну-ка? – заинтересовался Крокодил.
– Я улетел с Земли. И вы потеряли со мной связь. Я был на разных планетах, на всех в этой системе, на многих в других, но мне так и не хватило терпения выбраться за границы Млечного Пути – путешествия даже на наших скоростях в Космосе затягиваются на долгие годы. И я обнаружил кое-что очень занятное. Представь себе, Земля – последняя планета в этой Солнечной системе.
– Помню за тобой эту теорию, – протянул Крокодил. – Но как ты понял, что она была верна?
– Это элементарно, – ответил Падший. – Гораздо проще, чем ты думаешь. Там живут Духи.
– Другие Духи? – вскричал Крокодил. – Но почему...

– Сейчас все поймешь, – продолжал Падший. – Астральная связь и дороги в Безвременье существуют и действуют только в пределах одной планеты. Осознав это, я понял, что наше Безвременье не так уж астрально, как кажется, и располагается где-то на Земле. То есть, физически на Земле. Я вернулся, все еще обрывая связь с вами, долго искал и, наконец, нашел... нашел ворота. В самом центре нашей планеты. Безвременье – это ядро Земли. Признаюсь, я долго мучился в поисках на орбите... Много себя спрашивал – а как же небо Безвременья, как же его безграничность? А потом понял – никто просто не уходил от центра дальше, чем на милю – Древние ленивы и нелюбопытны. И тогда все стало ясно. Каждая планета создана по образу и подобию чего-то большего, и каждый человек – по образу планеты, а мы – всего лишь слуги, и служим мы людскому духу. Мне словно открылась вся истина мироздания. И, осознавая, что образ и подобие Земли – Космос, я постиг и его сущность. Помнишь смешную сказку о том, что Земля плоская?
– Помню, – подтвердил Крокодил.
– А на деле оказалось, что Земля круглая, бесконечная. Так же и Космос. Он шарообразен – в известном смысле, ведь все относительно, а вокруг него – абсолютная пустота, в которую переносятся обремененные духом существа после физической смерти. И люди, и мы, и все прочие, которых Вселенная перевидала многие тысячи. И в этой пустоте они чего-то ждут, не спят, не живут своей жизнью, а просто вечно ждут – возможно, перерождения или еще чего. Многое еще предстоит узнать. Так вот – я захотел попасть в центр Космоса и... увидеть его. Побеседовать с ним.
– Любопытно, – протянул Крокодил. – Очень сложная схема... но она все объясняет и оправдывает.
– И тогда я решил уничтожить всех вас, прийти в мир, представиться ему и отобрать себе веру людей, которая годами распределялась на массу Древних. И тогда, как я надеялся, я обрету достаточно силы, чтобы в мгновение ока достигнуть центра Космоса.
– А зачем ты превратил Безвременье в эту пустыню? – спросил Крокодил.
– Недавно я нашел любопытную историю, которая показалась мне забавной и созвучной моим намерениям, – улыбнулся Падший. – Послушаешь?
– Что ж мне еще остается, – пожал плечами Крокодил.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ИСТОРИЯ, РАССКАЗАННАЯ ПАДШИМ КРОКОДИЛУ В ВЕСЬМА ЗАБАВНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, ПОД УСЛОВНЫМ НАЗВАНИЕМ «БРОНЕПОЕЗД»

Холодной зимой 1918 года украшенный багровыми знаменами бронепоезд с двумя тысячами душ красноармейцев под командованием Автономова направлялся в город Стерлитамак с целью подавить мелкий кулацкий бунт. Однако что-то пошло не так, может, нерадивый стрелочник повернул пути не туда, или еще какая чертовщина приключилась, но поезд попал не в Стерлитамак, а напрямик в ад.
Красноармейцы крестились и сморкались одной ноздрей в вулканические потоки. Кочегар бросил лопату и закурил, потому как бронепоезд теперь двигался сам по себе. Автономов же не унывал, а, напротив, приказал бойцами прочистить ружья и заточить сабли.
– Будет битва, товарищи, – вещал Автономов. – Всем покажем, где раки зимуют.
– Покажем, – отвечали товарищи.
После непродолжительной разведки боем был дан приказ «наступить и жарить в хвост и в гриву». К вечеру ад был взят большевиками. Сатана был низвержен с трона под лозунги «Долой империалистов!», «Хватит ущемлять грешный люд, даешь национализацию котлов и сковород!», «Вернем геену народу!» и прочие, менее цензурные, вплоть до совсем уж непечатных.
– Здесь будет памятник воинам интернационала, – распоряжался Автономов. – А здесь – матросам Преисподней. И не забудьте убрать все эти козьи головы, они порядочно деморализуют личный состав.

– Что ж, товарищ Падший Ангел, – обращался Автономов к Сатане, – мучили вы народ, мучили, всю кровь выпили. Ну, ничего, теперь жизнь начнется.
– Непременнейше! – поддакивал Джек Потрошитель, облаченный в гимнастерку и лихо заломленную матросскую бескозырку. – Землю – рабочим, фабрики – крестьянам! Даешь интернационал!
– Даешь! – поддержали в толпе.
– Ну что ж, – заключил Автономов. – Еще одно дело сделано, еще один завет великого Ленина соблюден. Оставлю вам десяток товарищей – для ликбезу и политграмотности, а сам с бронепоездом отправлюсь в Стерлитамак. Вернусь – проверю!
Дьявольская свита в испуге закивала.
– А ежели из вас эта империалистическая дурь не выветрится, – предупреждал Автономов, – поставлю к стенке!
– Ах, эта новая эпоха, – вздыхал в своем уголке Наполеон.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
СНОВА ГЛУБОКОМЫСЛЕННЫЕ БЕСЕДЫ

– Ты ничего не объяснил этим анекдотом, – подытожил Крокодил.
– Просто забавное совпадение, – улыбнулся Падший. – Я, как-никак, тоже Падший. Скажем так, название и облик – только для устрашения. Ты ведь прекрасно знаешь, что и добро, и зло относительно, и что это место ничем не более зловеще, чем, к примеру, сберегательная касса.
– Чепуха какая-то. И все еще не понимаю, почему ты передумал доводить дело до конца.
– Полчаса назад здесь, в Инферно, появился Заречный Дух, – пояснил Падший.
– И что? – не понял Крокодил.
– Я прочитал его мысли, – грустно сказал Падший. – Он говорил с Космосом... точнее, Космос – с ним.
– Космос говорил с Заречным? – недоверчиво произнес Крокодил.
– Космос вышел с ним на контакт. Моя теория подтвердилась. Что он ему сказал – неважно, да я и не понимаю этого. Главное, что теперь мы знаем, как все устроено на самом деле.
– И что же нам дает это знание? – спросил Крокодил.
– Оно открывает нам природу всего, – усмехнулся Падший. – Еще не понимаешь? Мы – первые... точнее, конкретно я – первый, кто постиг все мироздание. Не стал им... а постиг. Все существующие тайны теперь открыты. Понимаешь?
– Немного, – протянул Крокодил. – Но стоило ли это твоего одиночества?
– О, я не был одинок, – возразил Падший. – Я поддерживал связь с некоторыми из Древних. С Богом-Буйволом, верзилой Чердачником, Химерами, Чертями, которых завербовал. С Духами на других планетах, в других галактиках. С Сакральными Владыками.
– Что сейчас творится на Земле?
– Полагаю, что Древние во главе с Хранителем наводят порядок.
– А здесь?
– Здесь где-то бродят Громовержец, Демон, Заречный Дух, еще с десяток Древних – кто посмелее и не дал деру, только углядев меня. Скоро они найдут нас, или мы их. Неважно.
– Но почему я оказался рядом с тобой? – не унимался Крокодил.
– Я хотел говорить с тобой... рассказать тебе то, что познал.
– А почему мне?
– Громовержец слишком вспыльчив и горяч, из него плохой слушатель, – объяснил Падший. – Демон бы не заговорил со мной, он таит обиду. Других Изначальных тут нету. А ваш этот Заречный слишком глуп, чтобы понять такое.
– Теперь все ясно, – вздохнул Крокодил.

– Да, теперь все абсолютно ясно, Дух Боли, – подтвердил Падший. – Все мы – не тотемные покровители людей, а порождения их разума... или фантазии. Мы – не языческие боги. Не воплощения стихий.
– А почему же, объясни мне тогда, среди нас нету современных вымышленных персонажей или кого-то вроде? – спросил Крокодил.
– Я думал и об этом. Вероятнее всего, из-за того, что мы им полностью соответствуем. Типы не меняются. Понимаешь?
– Пока не очень.
– Ну, гляди… чем отличается описанный в современных модных книжках оборотень или вампира от меня, Хьюна Стага, Черного Медведя? Чем отличается любая загадочная мистическая сила, вызывающая у детей плохой сон и заставляющая взрослых прятаться с головой под одеялом, от Демона? Чем отличается любой повелевающий стихиями маг и волшебник, способный во мгновение ока испепелить целый город, от Громовержца? Чем отличается, наконец, жестокий и безжалостный воин, не знающий пощады к врагам, от тебя, Дух Боли? Мы извечные типы. Архетипы, если выражаться в человеческих категориях.
– Теперь понял, – кивнул Крокодил. – А, пожалуй, некоторые истины должны оберегаться в тайне от таких, как мы... особенно как ты, – немного помедлив, он добавил: – Ты расскажешь все это Хранителю?
– Он уже догадался, – ответил Падший. – Я разбросал достаточно простые намеки повсюду, где он может побывать. Только он, конечно, не знает, что я отступился от своей миссии.
– И не жаль тебе, что потерял столько лет?
– Никому из нас не должно быть жаль, – улыбнулся Падший. – Ведь теперь мы точно знаем, что будем жить вечно. А даже если когда-нибудь умрем, то окажемся за границами Космоса – существовать в бесконечном ожидании и абсолютном покое.
– Из всего вышесказанного я не могу сделать одного вывода, – медленно проговорил Крокодил. – Я не понимаю, в упор не понимаю, с чего все началось.
Падший озадаченно поглядел на него, наморщил лоб и произнес:
– Я и сам не вполне уверен, что знаю ответ на этот вопрос. Поговорить с Космосом все же стоило бы. Однако, если он уже нашел более подходящего избранника... можно поговорить с ним.
– Заречный?
– Именно. Пойдешь со мной? – предложил Падший.
– Нет, Падший, не пойду. Я не хочу больше ничего знать, это здорово отдает опасностями. Лучше осмотрюсь, оценю масштабы катастрофы.
– Воля твоя, – улыбнулся Падший. – А мне пора. До встречи.
– До встречи, – хладнокровно бросил Крокодил ему вслед.

ГЛАВА ПЯТАЯ
ДЕМОН И ЗАРЕЧНЫЙ РАСХОДЯТСЯ

– Далеко до костров?
Демон стоял на склоне, который вел к какому-то следующему уголку бескрайней пустоши. Серый песок и тяжелое багровеющее небо над головой – и больше ничего не окружало Древних. Костры, горевшие в долине (если это место можно было так назвать – уж слишком мрачным и невыразительным оно выглядело), на поверку оказались далекими и призрачными, и чтобы достичь их, понадобилось бы, пожалуй, идти целый день – хотя друзья и потеряли счет времени окончательно.
– Далеко, – ответил Демон. – Но все равно нужно ведь что-то делать.
– Давайте кого-нибудь позовем, – предложила Лунь.

– Чревато последствиями, вдруг еще Падший появится, – поморщился, словно от боли, Демон. – Если бы Крокодила найти... или кого-то еще из наших.
– Двинемся к кострам, – подсказал Заречный.
– Боюсь, если двинем все вместе, то мероприятие затянется, – возразил Демон. – Костры эти далеки и иллюзорны. Лучше разойдемся.
– Разойдемся? – удивилась Лунь. – Зачем?
– В одиночку легче будет сориентироваться, – ответил Демон. – Обозначим это место чем-нибудь и встретимся на нем через три часа – вдруг что-нибудь выведаем.
– Как обозначим? – спросил Заречный. – И как отсчитаем время?
– Считай в уме, – пожал плечами Демон. – А обозначим... да вот, к примеру, моей жилеткой. Брошу ее здесь, ветра-то нету, никуда не денется, – и Демон незамедлительно стянул с себя жилетку.
– Я пойду с малышом, – вдруг сказала Лунь. – Боюсь, он заблудится один.
– Да ничего я не заблужусь, – обиженно протянул Заречный. – Делать нечего. Расходиться – так расходиться всем...
– Нет, Лунь права, – подытожил Демон. – Значит, так – через три часа здесь. Вы ступайте к кострам, а я пойду на темноту. Возвращаясь, глядите на собственные следы, чтобы не пойти неверной дорогой. Вперед.
И он двинулся от друзей, утопая в песке и спотыкаясь, сопровождая каждый свой шаг несусветной руганью.
– Пойдем и мы, – скомандовала Лунь, и они с Заречным посеменили по серому песку в сторону костров.
– Ты считай первую минуту, а я буду считать следующую, – предложил Заречный.
– Не переживай, нам это не понадобиться, – засмеялась Лунь. – Через полтора часа двинемся назад. Я обычно неплохо чувствую время.
– Решено, – улыбнулся Заречный. – А… это… расскажи мне о себе, а?
– Это еще зачем? – вспыхнула Лунь.
– Интересно, все равно ведь заняться нечем, – нерешительно пробурчал Заречный, проваливаясь по колено в песок.
– Ну ладно, – пожала плечами Лунь. – Я – дриада. Родилась в незапамятные времена, повелевала деревьями, люди мне поклонялись. Как и всем остальным.
– Поклонялись?
– Ну да. Ах, какое это было время! Древняя Греция. Прекрасная античность! Сейчас такого нет и, наверное, уже никогда не будет, – вздохнула Лунь. Она шла грациозно, и совсем не было заметно, будто ей тяжело пробираться сквозь серый песок. – В вечности нет ничего интересного, – заключила она. – Вот ты, прожил человеческую жизнь – ведь это гораздо любопытнее!
– Да ерунда, – зарделся Заречный. – Ничего особенного нет в человеческой жизни! Ну там, сперва детский сад... Потом школа... Вот помню случай – в школе, в седьмом классе, покурил как-то с товарищами тайком. Сигареты, конечно. А это было во дворе классной руководительницы, и она через окно заметила, как мы за гаражом пыхтим, значит. Мы-то не знали, что она там живет. Ну, наутро в школе был разнос! Маму вызвали, она даже плакала... говорила, какой я хулиган и еще что-то вроде того, что меня отдадут в колонию. Отец прямо ремень об меня порвал...
– И что, вы всегда так? – спросила вдруг Лунь.
– Всегда что? – не понял Заречный.
– Вы, люди... то есть, теперь уже бывшие люди... ну, то есть, только ты… Ладно, в общем – вы, люди, всегда так переживаете из-за мелочей?
– Ничего себе мелочь – четырнадцатилетний шкет курит!
– Ну и что? – ласково улыбнулась Лунь. – Это ведь совсем неважно. На каждого поровну свободы, никто никому ничего не должен запрещать.
– Для вас, дриад, может, и неважно, а у меня дисциплина в семье строгая была.

– Семья, – повторила Лунь, словно смакуя это слово. – Интересно, как жить в семье?
– Да как жить, живешь себе и живешь. Я по молодости родителей похоронил...
– Отчего же?
– Мать – от гриппа какого-то, свиного или как его там, а отец через год от водки умер.
– И ты отпустил их?
– Что ты имеешь в виду? – недоуменно взглянул на Лунь Заречный.
– Ну, когда кто-нибудь умирает – к примеру, Сакральный Владыка от дряхлости хозяина тела, или вот как недавно – кто-нибудь из Древних – нужно внутри себя отпустить его лучшими путями, туда, где свет, и тогда не чувствуешь былой горечи. Я тебе по секрету скажу, – голос Луни перешел на шепот, – Демон так переживает из-за этого самого Падшего потому, что вовремя не отпустил.
– А кто ему этот Падший?
– Ты же слышал – они братья.
– Родные? Выросли вместе?
– Нигде они не росли, глупыш, они сразу появились. Просто они появились в один час, потому что олицетворяют одно и то же – страх – только с разных сторон.
– И какая между ними связь? Внешне похожи?
– Как же можно быть внешне похожим на дух? – рассмеялась Лунь. – Они похожи изнутри. Понимаешь? По своей сути. Практически одинаковы даже.
– Понимаю, – кивнул Заречный.
– Прости, что перебила тебя, – сказала Лунь. – Продолжай, мне интересно послушать о твоей жизни.
– Ну, так вот... А потом я в Таньку влюбился. Это уже в девятом классе.
– И ты до сих пор любишь ее? – серьезно спросила Лунь.
– Почему это я должен ее любить?
– Но ты же в нее влюбился. В девятом классе.
– Да, но потом же разлюбил.
– Как это? – недоумевала Лунь. – Если я кого-то люблю – как, к примеру, всех Древних, с которыми прожила века рука об руку – то я никогда не перестану. Любовь вечна!
– Ну, то любовь, а то влюбленность, – смутился Заречный. – Так вот, влюбился я в Таньку. Такой глупый был! Стихи писал, представляешь?
– Стихи? Интересно. А прочитать можешь?
– Почему же нет, могу, – ухмыльнулся Заречный, прокашлялся и продекламировал:
– *В окне напротив вдруг зажегся свет,*
во мраке ночи вновь огонь мерцает,
я, как любой романтик и поэт,
в такой тиши беззвучно погибаю.
Меня настигла общая беда,
я одинок в своем пустом просторе,
но будет так, надеюсь, не всегда,
всегда бывает счастье вместе с горем.
Завершив чтение, Заречный умиленно глянул на багровые небеса и закусил губу, как настоящий поэт.
– Нормально, – тактично заключила Лунь. – По сравнению с ранним Пушкиным это еще неплохо.
– А ты... и его знала? А, ну да, правильно...
– Ну, знать не знала, но ознакомилась в свое время. Он ведь тоже вроде как ты. Новый Человек. Но другого рода.
– Это как?
– Ну, понимаешь, есть некоторые знаковые личности, которые рождаются, чтобы изменить жизнь людей к лучшему. По крайней мере, мы так считаем. Из тех, кого ты можешь знать – Леонардо да Винчи. Эйнштейн там, Пушкин вот, например.

– А Наполеон?
– Наполеон – это Сакральный Император, – улыбнулась Лунь. – Ну, ты и глупыш! Совсем ничего не знаешь. Нужно тебе все рассказать. Только сначала ты мне расскажи... может быть, у тебя еще стихи есть?
– Нету, – покачал головой Заречный. – Может, и были, но я все забыл.
– А я вот много стихов знаю, – мечтательно произнесла Лунь. – Так что там с Танькой?
– Да ничего с Танькой, отдинамила меня, – грустно ответил Заречный. – Пошла с Вованом Прыщавым. Сказала, что у него стихи лучше... а на самом деле, у него папа был коммерсант. Вот же тварь!
– Действительно, – согласилась Лунь. – А потом что было?
– Ну, из школы на курсы бухгалтеров ушел, а как закончил – в армию.
– А в армии что?
– О, в армии разное случалось, – голосом заядлого рассказчика протянул Заречный. – Как-то раз на хлеборезке стибрили мы кусок хлеба, чтобы ночью в казарме, значит, умолоть. А тут проверка. Генерал. Так мы вместо хлеба в последний момент подложили в хлебницу кирпич. А генерал попробовать вздумал. Взял и начал ножом нарезать. И, понимаешь, нарезал!
– Ну будет тебе, не ври, – засмеялась Лунь.
– Нет, правда, нарезал! Крепкий был мужик, только тупой очень... короче, съел он половину кирпича и, пока его в лазарет сносили, всем рассказывал, что хлеб черствеет и он прапорщика за такой недосмотр разжалует к чертям собачьим.
– Ты бы про чертей потише говорил, – предостораживающе шепнула Лунь.
– Ладно, ладно. А еще вот был случай… В общем, пошли мы в самоволку.
– Это как?
– Ну, ушли из казармы ночью, без разрешения.
– Дезертировали, что ли?
– Нет, мы ушли, чтобы на гражданке погулять и вернуться.
– Разве нельзя было в казарме погулять?
– В казарме разве ж погуляешь?
– Ничего не понимаю в людях, – качала головой Лунь.

ГЛАВА ШЕСТАЯ
ПРЕРВАННЫЕ ДИАЛОГИ

– Ну что там, полтора часа уже прошло? – вспомнил Заречный.
– Вот я глупая! – воскликнула Лунь. – Да, уверена, прошло! Заговорил ты меня, Заречный Дух! Нужно спешить – Демон будет волноваться!
– Побежали обратно, – произнес Заречный.
– Не спешите, – отозвался вдруг голос Падшего. – Лунь, ты тотчас же окажешься далеко отсюда. Ну-ка!
И Лунь немедленно, без единого звука растворилась в воздухе.
– У меня к тебе разговор, Заречный, – сказал Падший.
– Так объявись! А иначе мне не с кем разговаривать.
– Раз уж так будет угодно... – и Падший в образе черного медведя тотчас же предстал перед Заречным.
– Ну, что ты хотел? – нетерпеливо спросил Заречный. – Мне нужно возвращаться обратно.
– Ты никуда не пойдешь, – ответил Падший. – Вернее, пойдешь со мной. Я хочу кое-что тебе рассказать и показать. И услышать ответы от тебя.
– Ну, расскажи.
И Падший вкратце изложил Заречному суть своей беседы с Крокодилом по возможности простыми и доступными словами, упуская философскую заумь и идеи, требующие особенного полета мысли.

– А теперь твоя очередь, – подытожил он. – Я хочу знать все о Космосе.
– Прочитай из моей головы, – пожал плечами Заречный.
– Нет, я хочу знать, что ты об этом думаешь, как непосредственный участник диалога.
– Я не знаю. Я не понял, на что он мне хотел намекнуть. Сказал, чтобы я шел туда, куда меня отправили и получил там то, чего никогда не имел. Что это может значить?
– А чего ты, Заречный Дух, никогда не имел? – спросил вдруг Падший.
– Это можно долго перечислять. Много денег никогда не имел, машину...
– Вряд ли Космос бы стал намекать на такую чепуху, – покачал головой Падший. – А еще? Может быть, духовное прозрение? Нет, вряд ли. Ты не похож на того, кому это нужно.
И вдруг Падшего озарило:
– Счастье! Ты когда-нибудь был счастлив?
– Был, – самодовольно заявил Заречный. – Когда дембельнулся.
– Ясно, – скорбно произнес Падший. – Значит, перед нами загадка... А куда тебя послали, в общем-то?
– Сюда, в Преисподнюю, – ответил Заречный. – Ты же и послал. Забыл, что ли?
– Ах да... Значит, тебя послали в Инферно, чтобы ты получил то, чего никогда не имел, так? Любопытно. Тайные знания? Нет, все, что тебе положено, ты знаешь и так. Счастье? Отклонили.
– Бывает еще кое-что на этом свете, – знакомый уже голос свыше подействовал на Заречного усыпляюще – он тут же повалился наземь с закрытыми глазами и захрапел.
– Кто со мной говорит? – встревожился Падший.
– Это я, Вселенная, – мягко произнес голос. – Та самая, чьей аудиенции ты так долго и тщательно заслуживал. Ладно, раз уж снисходить до мелочей, то делать это без исключений. Итак, ты мечтал о беседе со мной? Ты собирался нарушить баланс духа лишь для того, чтобы получить ответы на свои вопросы?
– Да, если они у тебя есть, – произнес Падший.
– Ты неплохо держишься, ты был готов к этой встрече?
– Можно сказать и так.
– И о чем же ты хочешь спросить?
– Я... – Падший помолчал, пытаясь собраться с мыслями, однако через минуту томительного ожидания грустно произнес: – Вот знаешь... а хотя, откуда тебе это знать... бывает такое, что готовишься к встрече, произносишь вдохновенные монологи, рассчитываешь все ходы противника и собственные, намереваясь поставить его в тупик, а на деле... а на деле не можешь сказать ни слова. Это то, что со мной сейчас. Скажи мне главное... ты все знаешь. Ты знаешь о моем разговоре с Крокодилом.
– Вовсе нет. Я ничего не знаю. Только то, что мне может понадобиться в данный момент.
– Ладно, попытаюсь пояснить... – Падший сглотнул горький комок в горле. – Гляди-ка, мы, Духи – порождения сознания людей, так?
– Ты прав. Продолжай.
– Мы живем везде, на разных планетах, и имеем собственные измерения, где существует вечность, так?
– Вроде того.
– Эти измерения – в ядрах планет?
– Верно.
– А дух, который живет в людях – он в их ядрах?
– Вы обычно называете это мозгами.
– Ну да, да, верно... нелепо получилось... так в мозгах?
– В мозгах, – подтвердил Космос.
– То есть, люди сделаны по образцу планет?
– Так и есть.
– А планеты – по образцу систем, в которых они вращаются?

– Слишком примитивное обозначение, конечно, но да, около того.
– И так далее, и тому подобное, и в итоге... все созданы по твоему образцу?
– В каком-то смысле.
– Да или нет? – яростно вскричал Падший.
– Да, – спокойно отвечал ему Космос.
– Ты нигде не кончаешься, потому что ты зациклен?
– Да.
– И ты являешься центром всего?
– Всего, что ты можешь знать.
– А что вне тебя?
– То, чего ты познать не сможешь. И представить себе не сможешь.
– Что там?
– Я не могу дать тебе ответа на этот вопрос. Только если...
– Если что?
– Если мы заключим с тобой небольшой контракт.
– Контракт? Ты ведь и так можешь все, зачем тебе условия?
– Иногда хочется поиграть по правилам, – произнес голос Вселенной. – Знаешь, я действительно могу все. Но это могущество скучно, когда дело доходит до необходимости его использовать.
– В чем будет состоять контракт? – нерешительно спросил Падший.
– Я выведу тебя за границы Вселенной с условием, что ты никогда и никому не скажешь о том, что там видел. Если же ты нарушишь мое условие, то тебе придется уйти туда же навеки.
Падший помолчал, собираясь с силами, и наконец промолвил:
– По рукам.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
КИТЫ

Склонившись над пустотой, Падший вглядывался в ее затягивающую бесконечность. Пустота была не сверху, не снизу – пустота окружала хрустальный купол, выстроенный из планет и звезд, со всех сторон. Ежесекундно в эту пустоту улетали яркие блики.
– Что это? – зачарованно спросил Падший.
– Души, – ответил Космос.
– Они все уходят туда?
– Верно.
– И больше никогда не возвращаются?
– Ничего нельзя утверждать. Вселенская мудрость, весь разум, совмещенный воедино, обобщает лишь одну истину.
– Какую же?
– Что истины нет.
Падший помолчал, обдумывая полученную информацию.
– Совсем нет? – наконец спросил он.
– Именно, – подтвердил Космос. – Нет никакой абсолютной истины. И, возможно, за этой пустотой скрываются еще миллионы таких же параллельных Вселенных. Никогда нельзя утверждать наверняка, что мы существуем в центре всего сущего. Может быть, вся эта огромная система – всего лишь молекула в составе какой-то колоссальной материи.
– Но ведь... – помедлил Падший. – Ведь здесь... основа нашей Вселенной.
– Ты догадался.
– Да, догадался. Ее не видно, но она там, внизу, удерживает всю эту хрупкую систему. Заставляет планеты вертеться. Ведь это не ты.
– Я – лишь духовное воплощение. Общее название, если можно так сказать.

– А что же там, внизу?
– Настоящая Изначальная Сила.
– Каково ее имя?
– У нее нет и не может быть имени, ведь имя – это формальность. Но для тебя, как для духа с планеты Земля, будет проще некое метафорическое обозначение.
– Какое же? – осведомился Падший.
– Знаешь, старые земные легенды о строении бытия сходится в одной точке, – произнес Космос. – Что мир плоский... бесконечный... и стоит на трех китах.
– На трех китах? Шумерские заповеди?
– Это неважно. Представь себе, в каком-то смысле он действительно стоит на трех китах.
– Действительно?
– Глянь вниз, может быть, на этот раз ты сумеешь их разглядеть.
Падший всмотрелся в зияющий мрак. В глубине абсолютной, непроглядной тьмы стали проступать очертания трех сияющих существ. Синие, переливающиеся лучезарным светом киты, безмолвные и гигантские, двигались внизу по кругу, словно преследуя друг друга, однако движения их были очень выверенными и точными.
– Я вижу! Вижу их! – вскричал Падший.
– Их невозможно достичь, расстояние до них, кажется, равно вытянутой руке и, в то же время, сотни лет не хватит, чтобы дойти и коснуться их. Они возникли сами собой от того, что ты о них думаешь.
– Кажется, я понимаю. Но почему три? Священное число?
– Все проще, – усмехнулся Космос. – Ты же сам знаешь, что никак священных чисел не бывает. Да и вообще все числа – лишь условности. Их три просто потому, что их три, потому, что каждый из них олицетворяет и осуществляет то, без чего мои слова и твои домыслы потеряли бы всякий смысл.
– Что же это?
– Попробуй отгадать.
– Несолидно для такого совершенного существа, как ты, играть в загадки.
– Весь мир состоит из загадок, Хьюн Стаг. Попробуй же отгадать.
– Один из них – это наверняка Дух, – решился Падший.
– Уточни.
– Один из них – это ты, Космос, воплощение всего духовного и одухотворенного, что только может существовать, – уверенно произнес Падший.
– Верно. Я – основа движения Вселенной. То, вокруг чего ходят все звезды, базис цепной реакции, которая заканчивается на атомном уровне. Дух Духов.
– Второй... второй, пожалуй...
– Не знаешь? Я тебе подскажу. Кому нужен Дух?
– Дух нужен... людям.
– Ты слишком просто мыслишь.
– Всем, наверное, неимоверно многочисленным существам во Вселенной, которые обременены душой.
– Верно. И теперь перед тобой последний кит. Что же он означает?
– Он означает... нас, Древних, – заключил Падший.
– Почему?
– Потому что мы – посредники между тобой и людьми.
– Неверно, – холодно произнес Космос. – И не стоит больше гадать. Возвращайся к себе. Пусть хотя бы одна тайна останется тайной.
– Но я хочу знать ответ! – вскричал Падший.
– Не стоит тебе его знать, – ответил Космос.
– Ты знаешь все наперед.

– Именно из-за этого третьего кита никто и никогда, малыш Хьюн Стаг, не может знать ничего наверняка. Ведь я сказал тебе, что это – истина. Ты и так раскрыл секреты мироздания кому ни попадя.
– Крокодил – такой же Древний, как я.
– Однако не такой дотошный. Тебе следует попридержать язык – ты ведь помнишь о нашем контракте. А теперь возвращайся к себе. Думаю, ты еще сумеешь помириться со своими друзьями. И они смогут простить тебе твою глупость и самонадеянность.
– Я ведь только пытался найти ответы на вопросы...
– Ты узнал все, что мог, – закончил Космос. – Тебе больше нечего делать здесь. Возвращайся...
Даже с закрытыми глазами Падший увидел те ярчайшие блики, в которых отпечаталась вечность. Время остановилось, время понесло его неизвестными туннелями обратно, в построенном им царство для того, чтобы уберечь от небытия. Бесконечная ночь сомкнулась над головой у Падшего. Здесь было ни тепло, ни холодно, лишь звезды мерцали кругом и считанные секунды в этом пространстве составили бы, пожалуй, жизни тысяч поколений.
Падший опустился на землю Инферно плавно и боялся открыть глаза, однако, ощутив щекотное прикосновение песка и легкую прохладцу, он понял, что дома.
Теперь ему предстояла последняя нелегкая задача.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
ЗАРЕЧНЫЙ ПОЛУЧАЕТ ТО, ЧЕГО НИКОГДА НЕ ИМЕЛ

Заречный сидел на песке, тупо уставившись на лежавшего с закрытыми глазами Падшего. Рядом свалился отдыхать обессилевший Демон, который провел в пути по серой пустыне уже около суток; над ним суетилась беспокойная Лунь.
– Куда вы исчезли? – спросила она Заречного.
– Молчи, не говори со мной. Иди лучше встречать Крокодила, – отрезал Заречный.
– Но... – начала было Лунь, однако, увидев, что на склон действительно взбирается Крокодил, она поспешила к нему навстречу.
Падший повернулся на спину и блаженно улыбнулся.
– Это ведь был ты, верно? – спросил он у Заречного.
– Так много времени тебе были предоставлены высшие сферы, а ты так ничего и не понял, – ответил Заречный. – Наше знакомство просто должно пройти в два этапа. Ну ничего, сейчас все будут в сборе и, думаю, ситуация разрешится.
– Я ведь могу обмануть тебя, Космос, – насмешливо произнес Падший. – Между нами был договор, что я никому не скажу ни слова. Но ведь я могу написать...
– Мы не обсуждали подобных формальностей, но, будь уверен, любое разглашение информации станет для тебя роковым, – возразил Заречный. – Ты хочешь все им рассказать, верно? Так знай, что тебя ждет небытие.
– Я не скажу ни слова, пока не узнаю ответа на последний вопрос.
– Тебя все еще интересует, что это за третий кит? Знай, что ты обретешь ответ. Но гляди, чтобы за это не была уплачена слишком высокая цена.
– Зная истину, не страшно отправляться в пустоту.
– Но ведь ты не успеешь даже осмыслить эту истину.
– В любом случае, я хочу ее узнать.
– Ты все испортишь, – твердо произнес Заречный. – Ты даже не представляешь себе, насколько близок ответ, однако ты не можешь просто догадаться про себя. Тебе нужны зрители.
– Как всякому сумасшедшему, – согласился Падший. – Демон, вставай! Вставай, брат мой!
– Больше мы не братья, – прохрипел пришедший в себя Демон. – Не хочу тебя знать.

– Видишь, – кивнул Падший Заречному. – Мне незачем оставаться в этом мире. Я готов перейти в лучший.
– Ты просто не осознаешь, что такое абсолютная пустота, – покачал головой Заречный. – И ты не боишься, потому что потерял разум в погоне за этой пустотой. Подумай...
– Ничего не хочу слышать! – воскликнул Падший. – Ну что ж, друзья, все в сборе! – Он заметил подошедших к кругу Лунь и Крокодила. – У меня есть, что вам рассказать.
– Думаю, мы уже это обсуждали, – скучным голосом произнес Крокодил.
– О нет, вовсе нет! – вскричал Падший. – Мне открылись высшие сферы. Я говорил с Космосом. Да вот он, кстати! – Падший указал на Заречного пальцем, и все, кроме Демона, ахнули от изумления.
– Что за чушь ты несешь? – резко спросил Демон.
– Высшая сила, которая контролирует и сдерживает нас, которая управляет нашими помыслами и помыслами кого бы то ни было на этом свете, как равно и на любых других, живет в этом маленьком тельце. Она заключена в нем. Однако это лишь облик, который сбил нас с толку...
– Ты ничего не понял, – сухо сказал Заречный.
– Я все понял! Тебе не кажется, что дешевый блеф – плохое оружие для того, кто может испепелить все сущее одним лишь усилием воли?
– А тебе не кажется, что не менее дешевое позерство – плохая оборона для того, кому суждено навсегда обратиться в небытие? – жестко спросил Заречный. – Тебе стоит промолчать.
– Итак, тебе... вернее, этому телу, верно? Ему напророчили найти то, чего он никогда не имел. А учитывая то, что он никогда ничего не имел, пророчество слишком расплывчатое. Ты просто прикрывался. Но зачем? Зачем это все?
– Ты ничего не понял, – повторил Заречный.
– И снова ты прикрываешься! – возопил Падший. – Так знайте же, друзья мои, что мы сейчас существуем в центре планеты Земля, в ее астральной середине. Не нарушили ли мои слова данную мной клятву? – осведомился он у Заречного.
– Не нарушили, – был ответ.
– Как это – в центре планеты? – удивился Демон.
– Слушай дальше, будет интереснее, – усмехнулся Падший. – Знайте же, друзья, что мы – лишь слуги духовного, однако живем бесконечно и существуем в любом пространстве, так как дух не умирает, кроме одного забавного исключения, которое мы, надеюсь, еще успеем обсудить. Не нарушили ли мои слова данную мной клятву?
– Не нарушили, – был ответ.
– Итак, друзья, своим умом я дошел до следующего – человек, как и любое одухотворенное существо, коих за многие тысячелетия Вселенная перевидала множество, создан по образу и подобию планеты, которую он населяет, а та, в свою очередь, по образу и подобию системы, и так далее, и тому подобнее, вплоть до объединяющего нас вселенского разума, именуемого в данной ситуации Космосом. Не нарушили ли мои слова данную мной клятву? – повторил Падший.
– Не нарушили, – был ответ.
– Космос есть высшая сила, которая распоряжается движением планет и порядком во Вселенной, а также – между одухотворенными существами (к коим, запомните, мы не относимся, ибо мы есть дух в чистом виде и посредники между этой высшей силой и слабыми ее адептами) – распределением идей, мыслей и регуляцией проблем, возникающих на отдельных планетах – в случаях крайней необходимости, разумеется. Не нарушили ли мои слова данную мной клятву?
– Не нарушили, – был ответ.
– Однако за границами Космоса простирается абсолютное небытие, куда и ускользают души умерших и мы – после нашей астральной гибели в бою, например, а возможно,

существуют и другие причины. Там души существуют в вечном ожидании – без чувств, мыслей и движения. Но...
– Еще слово – и ты нарушишь клятву, – резко произнес Заречный.
– Пока я не сказал ничего крамольного – позволь мне размышлять, – улыбнулся Падший. – Итак, Космос занимает распределением идей и мыслей, в чем мы невольно ему помогаем, образовывая на планете, где живем, мир идей – ноосферу, которая пришла в наш собственный обиход неизвестно откуда. Мы никогда об этом не задумывались, верно? А также Космос регулирует... – вдруг Падший побледнел и вздрогнул, глянув на Заречного. – Регулирует то...
– Что регулирует? – нетерпеливо воскликнул Демон.
– Он регулирует... – Падший задрожал, на вороной медвежьей шерсти проступил пот. – А откуда в местах, подвластных совершенному существу, взяться проблемам?
– Догадался, – кивнул Заречный. – И у тебя, кажется, нет пути назад. Ты должен рассказать все – и уйти. Мир станет только лучше от твоей догадки.
– Но я хочу остаться, – нерешительно произнес Падший.
– Теперь уже вряд ли удастся, – покачал головой Заречный. – Ну же, говори свои последние слова.
Падший тяжело вздохнул и выговорил:
– Вселенский разум, основа всего и вся, не может совершать ошибок. Все должно быть совершенно, должно иметь абсолютный баланс. Однако его нету...
– И что это значит, черт возьми? – вскричал Демон.
– Космос пояснил мне, что у всего сущего есть основа... – начал Падший. – Он обозначил ее, показав мне трех китов.
– Твои последние слова, – прорычал Заречный.
– Итак, первый кит... – выдавил из себя Падший. – Первый кит – это сам Космос... Второй – это существа, обремененные душой... Когда речь зашла о третьем, он предложил мне угадать и я не смог. Однако теперь... теперь я догадался. Третий кит – это...
– Последние слова, – зловеще повторил Заречный.
– Не молчи! – заорал Демон.
– Как совершенная система может функционировать с погрешностями, подумал я... – решительно произнес Демон. – И тогда я понял, что третий кит – это... случай.
– Твои слова нарушили данную тобой клятву, – констатировал Заречный и бросился на Падшего. Его пальцы стиснули горло черного медведя, и Крокодил схватил пытавшегося помочь Демона за плечо:
– Не стоит. Это не битва, а казнь.
Падший сопротивлялся недолго. Несколько секунд он бился в конвульсиях, в предсмертной агонии пытаясь ухватить хотя бы глоток воздуха, но тщетно – мощь Заречного возросла многократно. В конце концов, Падший обрушился на песок, а за ним и Заречный. Лишь две вспышки блеснули перед глазами наблюдателей – прочь уходила душа Падшего и Космос освобождал тело Заречного Духа.
– Вы все слышали, но нет смысла скрывать подобное, – произнес голос свыше. – Случай распорядился так, что вы это узнали. Я должен был проконтролировать его разговорчивость. Что-нибудь понимаете?
– К сожалению, да, – ответил Крокодил.
– А Хьюн Стаг считал, что подобное знание способно подарить счастье, – сказал голос. – Итак, вам пора возвращать все на свои места.
– Постой-ка, – раздался девичий голос. – Можно еще вопросик?
– Только один, – ответил Космос.
Лунь учтиво исполнила реверанс и спросила:
– Что обрел Заречный Дух?
– Действительно важный вопрос, – в голосе Космоса слышалась насмешка. – Что ж, он обрел... вечную любовь.

И все застыли в изумлении, когда беззвучно и ослепительно растворилась где-то в безвестных пространствах сама Вселенная.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

Да простит меня мой безусловно искушенный читатель за те значительные допущения и упущения, которые имеют место в данном фундаментальном труде. Наверняка в процессе чтения у вас возникло немало вопросов, на которые мне хотелось бы ответить прямо сейчас. Итак, самый главный вопрос, пожалуй – что едят Древние, что пьют, как спят, имеют ли они семьи, рождаются ли у них дети, как они развлекаются, и так далее, и тому подобное. Вот и ответ – никаким бытовым, как, впрочем, и социальным условностям Древние не подчиняются и, таким образом, не едят, не пьют, не спят и семей не заводят, разве что с людьми и в человеческом облике, да и то, как правило, ради развлечения. Смею считать, что в данном аспекте я удовлетворил ваше любопытство.

Следующий вопрос, который наверняка беспокоит многих читателей – в каком облике обычно являются Древние и как их себе представлять во время чтения? Так вот, облик Древние постоянно меняют из-за своей любви к новизне. Таким образом, вероятнее всего, если внешний вид Древнего не был описан в данной главе, вы можете представить его себе сами. Представьте себе, будто по выше– и нижеприложенному опусу сняли художественный кинофильм – удачнее всего будет, если роль Древнего представит актер с узнаваемым лицом, который, однако, в каждой новой сцене будет переодетым и загримированным также по-новому. Надеюсь, мое объяснение и на этот счет было исчерпывающим.

Многим также может показаться странным процесс порождения Древних. Его я объяснить не могу по той простой причине, что сам не знаю истинной природы их существования, являясь обыкновенным человеком ростом выше среднего и с дурной наследственностью.

Вопрос, который долгое время занимал меня самого – это образ общения между Древними. Так вот, будьте уверены, что к телепатии они прибегают лишь в крайних случаях, когда в этом есть абсолютная нужда; в других случаях они общаются на человеческих языках, любым из которым Древние, разумеется, владеют все до одного и в совершенстве. На каком языке они общались в той или иной описанной ситуации – я предлагаю вам домыслить самостоятельно, потому что переводить на другие языки каждый следующий раздел было бы мучением как для меня, так и, полагаю, для читателя, который хоть и умен далеко не по годам, вряд ли является полиглотом.

Описанные в произведении битвы происходили в мире астральном, духовном, и не несли ни малейшего вреда миру физическому, кроме, быть может, лишь незначительных колебаний в энергетическом поле, существование которого после всего вышеописанного было бы просто абсурдно отрицать.

Странным для читателя остается и тот факт, что в романе никак не раскрыты популярные для философских суждений и умственных экспериментов темы вроде гламура, дискурса… тьфу, фатума или экзистенции, и, к тому же, автор не описал, с чего же все-таки началось сущее, не указал отправную точку бытия. Здесь я попытаюсь оправдаться тем, что клятвенно обещаю поразмыслить над перечисленным в приведенном ниже продолжении.

Однако мы отвлеклись. Оставив наших героев посреди пустоши Инферно, рядом с хладным трупом Хьюн Стага, мы после непродолжительной беседы вернемся туда же и обнаружим, что никакого Инферно вовсе и нету – вместо песка и мрачного неба перед нами красуется все то же Безвременье, которое мы когда-то знали, и в чертогах его предаются блаженному отдыху все Древние, кроме тех, которые при разных обстоятельствах, к сожалению, покинули этот мир навсегда и отошли в небытие – Химеры, Черти, Бог-Буйвол, Чердачник, некоторые невинно погибшие духи и, конечно же, сам Хьюн Стаг по прозвищу Падший. Таким образом, весь мир пришел в абсолютную

гармонию – точнее сказать, мир астральный, потому что в физическом мире, как всегда, царит абсолютная неразбериха и хаос.
Заречный Дух теперь водит близкую дружбу с Демоном и со своей бывшей спутницей Лунью, которая нынче ему вроде как Сакральная Жена. Все это, конечно же, ничего не значит и не накладывает на него никаких семейных обязательств, однако со временем Древними была разгадана загадка о том, что же все-таки обрел Заречный. Так вот, он обрел вечную любовь – во всех смыслах этого словосочетания.
И, однако, есть кое-что, что беспокоит Заречного после всех перипетий, которые ему случилось пройти. Он часто возвращается в свой родной город, как правило, ближе к закатному часу, и глядит в небеса, наблюдая вокруг себя движение машин и прохожих, которые, впрочем, его не замечают. Он смотрит в далекий космос, с которым не понаслышке знаком, и шепчет лишь одно, непонятное для себя самого слово:
– Черепаха... Черепаха...

КНИГА ВТОРАЯ
ВОЙНА

ПРОЛОГ

Продрогшая маршрутка неспешно двигалась по направлению к кольцу. Еще две минуты – и конечная. Рядом со мной сидела полноватая старушка с полипропиленовыми мешками, в которых ритмично постукивала стеклотара. Всего в салоне было четверо пассажиров – я, моя пожилая соседка, девушка в куртке с искусственной меховой оторочкой, сжимавшая в руках длинный розовый клатч, усыпанный стразами, и молодой человек спортивного телосложения с густыми сросшимися бровями и заткнутой за ухо сигаретой. На лице у него читалась явная неудовлетворенность окружающим миром и тоскливой суетой будней.
В проигрывателе заиграл хорошо темперированный клавир, и я понял, что до жути не хочу выходить из промерзлого экипажа. Эту музыку невозможно слушать, елозя каблуками и без того грязных туфель слякотное море, что вышло из берегов в этом январе. Менять пластинку тоже не хотелось – настроение самое что ни на есть торжественное. Поэтому я, ни секунды не раздумывая, остался сидеть на месте, когда остальные пассажиры выволоклись из салона. Водитель, недоумевая, разглядывал меня в зеркало заднего вида. Наверняка ему не терпелось вытурить меня взашей или хотя бы обругать, но он пока еще сдерживался – ведь непонятно, что я собираюсь делать дальше.
Пришло время действовать.
Я нажал на паузу, неторопливо расстегнул молнию на рюкзаке, незаметно для водителя вытащил из главного отделения два пистолета и скрестил их за спиной.
– Чего ждем, юноша? – он заговорил первым. Ну что ж, тем лучше – теперь не придется брать на себя ответственность за некорректно начатое знакомство. Отвечать всегда легче, чем спрашивать.
– Довезите до бульвара, пожалуйста, – наигранно-устало произнес я.
«До бульвара» – где-то полтора километра по другому маршруту.
– С какой это стати?! – возмутился водитель. Справедливо, но сегодня музыку заказываю я.
– Ну, если это достойный повод... – сказал я, доставая из-за спины две вороненые беретты. Я моментально направил обе в голову водителя.
– Малец... – в горле у него пересохло от внезапного и необычного ужаса. – Ты же не выстрелишь...
Я поднял правую руку над головой и нажал на курок. Раздался оглушительный хлопок, зазвенела гильза, ударившись о грязный линолеум пола. В крыше салона образовалось

идеально круглое отверстие, сквозь которое внутрь начал залетать противный мокрый снег.
– Боже правый... – прошептал до безумия запуганный рулевой. – Довезу, садись! Ты только не нервничай...
– Нет, что вы, я спокоен, – я приятно улыбнулся. У меня вообще очень обаятельная улыбка.
Мы тронулись, и до самого бульвара я наслаждался переливами музыкальной гармонии, вглядываясь в мерзкую, отталкивающую слякоть за окном. Когда я выходил, у водителя все еще дрожали руки, поэтому мне захотелось еще раз ему улыбнуться, но что-то сдержало меня. Настроение ухудшилось. Пистолеты я спрятал во внутренний карман куртки и оглянулся по сторонам. Вдруг в кармане запиликал старомодный пейджер.
«Облава. Жди беды».
От кого – неизвестно.
Мне показалось, что тучи над головой сгущаются. Спину сквозь заднюю стенку рюкзака и толстую куртку приятно гладило древко топора, а со всех сторон меня окружали машины патрульной службы, все более плотно и зловеще сжимая кольцо.
Началось...

ГЛАВА ПЕРВАЯ
ВЕЧНЫЕ ЦЕННОСТИ

Трамвайный завод «Вечные ценности» славился сварливостью своих сотрудников. И инженеры, и сборщики, и режимные рабочие здесь были агрессивными, неуравновешенными людьми со злыми помыслами и завистливыми сердцами. Никогда не желали они друг другу добра и всегда ревностно относились к чужим достижениям и победам.
Однако волею судеб молодой поэт Никифор Белена (в миру – Никита Бирюков) зашел писать свой злополучный очерк для газеты «Дети Луны» именно сюда.
– Я из газеты «Дети Луны», специальный корреспондент, – вежливо расшаркался Никифор на КПП.
– Слыхали, знаем, – буркнула вахтерша. – Проходи.
– А куда идти-то? – улыбнулся Никифор.
– Ну, разве непонятно, спускаешься на этаж вниз, проходишь пролет, там поднимаешься на три, потом по коридору налево, повернешь через арку и третья дверь! – возмутилась вахтерша.
– Позвольте, вы не могли бы... – начал было Никифор, но суровый вид женщины остановил его. – А какой номер у кабинета?
– Ну, не идиот ли? – вздохнула вахтерша. – Триста одиннадцатый, неужели трудно башкой своей это уяснить?
– А вы мне не хамите, – бросил Никифор через плечо и помчался вниз по лестнице прочь от проходной, с удовольствием расслышав, как охнула вахтерша и начала поносить Никифора на все лады.
– Ну и дура, – заключил Никифор.
– Вы это мне? – вскричала какая-то женщина, шедшая ему навстречу.
– Нет, что вы... – залепетал Никифор, не готовый к такому повороту событий.
– Вы меня дурой назвали? – заорала в полный голос женщина. – Негодяй какой!
– Я сам с собой разговаривал, дамочка, – успокоил ее Никифор, но не тут-то было:
– Я вам не дамочка! Домогатель! Извращенец!
– Отстаньте вы от меня! – разозлился Никифор. – Дайте пройти!
– Вы кто вообще такой, чтобы проходить? – вдруг решительно спросила женщина. – Ваше удостоверение!
– Я не намерен перед вами отчитываться, – рявкнул Никифор.

– Ваше удостоверение!
– Подите прочь с дороги!
– Удостоверение! Охрана!
– Ладно, ладно, вот мой пропуск, – сдался Никифор и сунул женщине в лицо подписанную в редакции бумажку.
– Ах, вы журналист? Я вам по месту работы напишу, какой вы хам и грубиян.
– А я напишу вам! – парировал Никифор. – Я вас всех выведу на чистую воду!
– А вот это видел? – неожиданно женщина скрутила пальцами неприличный жест и сунула им Никифору под нос.
Задыхаясь от гнева, Никифор прошел мимо женщины и последовал дальше по своему нелегкому маршруту. Обернувшись, он обнаружил на своем клетчатом пальто омерзительный плевок, который в этот миг показался Никифору настоящим змеиным ядом. Воздержавшись от комментариев, он лишь тяжело вздохнул.
– А что вы тут вздыхаете? – спросил кто-то сзади. – Не видите – производство идет? Вздыхать не положено!
– Пойдите вы к черту, – сквозь зубы процедил Никифор и тут же услышал длинную череду проклятий в свой адрес, да таких, от которых волосы вставали дыбом. Однако голос был женский, и связываться не хотелось.
Наконец Никифор достиг заветной триста одиннадцатой комнаты, над которой красовалась табличка с надписью «Главн. директ. тр. тр. «Вечные ценности» Потустороннев Г.К.» Никифор деликатно постучался в дверь и, не услышав никакого ответа с другой стороны, рванул ручку на себя. В кабинете восседал на кожаном кресле полный мужчина, вытирал лысину платком и раскладывал пасьянс.
– Я разрешал входить? – раздраженно спросил он у Никифора. – Разрешал или нет?
– Не знаю, я ничего не слышал, – ответил Никифор. – Я – Никифор Белена...
– И это дает вам право входить в кабинет главного директора трамвайного треста без предупреждения?
– Я постучался!
– По-вашему, этого достаточно? – возмущенно воскликнул директор. – А если я постучусь к вам в окошко, пока вы спите, и тут же влезу в него? Это вообще допустимо?
– Но ведь вы не спите!
– Оставьте софистику, интервент! Признавайтесь, вы производственный шпион? Я вас выведу...
– Нет, это я вас выведу, – чаша терпения Никифора переполнилась. – Я – журналист из «Детей Луны», пришел делать репортаж о вашем предприятии, но теперь чувствую, что напишу разоблачительный очерк и всех вас выведу на чистую воду! Негодяи! Сперва ваша вахтерша, хамка, потом эти рабочие, которые непонятно чего хотели, обругали меня, а теперь еще вы! Ну, знаете ли...
– Ах, вы журналист! – директор тут же изменился в лице, возмущение в ту же секунду превратилось в фальшивую улыбку, какой улыбаются кредиторы, думая про себя: «Ну и облапошим мы тебя, дружок, давай сюда свой паспорт!» – Так чего же вы молчите!
– Вы мне и слова сказать не даете! – ответил Никифор. – Я пытался, вы же не слушаете!
– Нет, что вы! – спохватился директор. – Садитесь, вот вам стульчик, чаю изволите, может быть, сразу договоримся? – И он суетливо забегал по кабинету.
– Что значит договоримся? – деловито осведомился Никифор.
– Ну, о сумме взятки за хороший репортаж.
– Вы мне деньги, а я вам – хороший репортаж?
– Именно, именно так, дорогуша! – подтвердил директор.
Никифор, считавший, что искусству ничего не должно мешать, в том числе и материальные невзгоды, денег не гнушался.
– А... сколько я получу за хороший репортаж?

– Ну, положим... – директор напряженно думал в течение пары минут и наконец, подсчитав все «за» и «против», заключил: – Положим, долларов десять.
Никифор посмотрел на него – директор говорил совершенно серьезно.
– Десять? За репортаж?
– Десять. За репортаж.
– Вы уверены? Я за десять долларов никакого не напишу.
– Ну ладно, ладно, пятнадцать. Вы и так разоряете производство.
– Счастливо оставаться, – улыбнулся Никифор и поднялся с места с явным намерением поскорее оставить осиное гнездо под названием «Вечные ценности».
– Мерзавец! Негодяй этакий! Я сейчас позвоню куда надо – прищучат тебя за попытку получить взятку! – возопил директор, и лысина его засверкала.
– Я напишу о вас очерк, но будет он отнюдь не лестным, – невозмутимо произнес Никифор. – За сим – позвольте откланяться.
– Подлец! Гад! Журналюга! Кому ты продался – «Трамваям Загогулина и сотоварищи»? «Жобвагонмашу»? Говори! – кричал ему в спину разъяренный директор. – Ты попробуй еще отсюда целым выйди! Охрану! Охрану сюда! Промышленный шпион на заводе!
Никифор осознал, что в свете последних событий угрозы директора не так уж беспочвенны и нужно найти обходной путь – подальше от вахтерши, охраны и прочих неурядиц. Юркнув в ближайший дверной проем, Никифор оказался в просторном и абсолютно пустом помещении, стены которого были выкрашены в алый цвет – под стать парусам капитана Грея. В другом конце помещения зиял дверной проем, куда и ринулся Никифор. Вбежав в невысокую арку проема, Никифор не поверил своим глазам.
Перед ним раскинулся...

ГЛАВА ВТОРАЯ
НОВАЯ ВОЙНА

Время преобразилось.
Мы стояли на пути в никуда.
Двадцать первый век по праву должен считаться веком бытового благоденствия. Люди со всех сторон обеспечены прелестями цивилизации – они живут в теплых, просторных домах, они мало озабочены добычей хлеба насущного и имеют время на излишества, что, впрочем, сейчас называется поиском развлечений. И, в отличие от прежней тоталитарной машины удовлетворения эстетических потребностей, людям представлены теперь миллионы других машин, к сожалению, гораздо менее совершенных.
…Сперва я понял, что литература умирает. Эти страшные слова, которые каждый из умных, мыслящих людей гонит прочь от себя, безжалостно правдивы. Литература умирает, ее убивает гораздо менее ценное, но гораздо более крепкое искусство – ширпотреб. В литературе тоже немало лишней макулатуры, однако даже из нее можно извлечь пользу – банально поучиться грамоте или расширить словарный запас. А то, что приходит на смену литературе, бесполезно. Ежедневные развлекательные веб-альманахи на все вкусы и темы ровным счетом не имеют ценности. Факты, изложенные в них, гораздо полезнее было бы вычитать где-нибудь самому. Да и вообще, складывается впечатление, что все нынешнее искусство – лишь компиляция былых достояний. Идет новый век, а еще не появилось ни одного культурного прорыва, ни одного нового жанра, все вторично, все как-то вяло. Критики критикуют старое, выданное за новое, повторяя слова критиков из прошлого. Культурные деятели, творцы вдохновляются творцами прошлого, пишут о них, используя аллюзии на прежние произведения, вытаскивая идеи из старых книг и ссылаясь на них. В диковинку нам глянуть на что-то, сюжет чего мы не можем предсказать по первым минутам знакомства. Подобное стало редкостью.
…Интернет съел все, что я любил.

В детстве я был книжным ребенком, а книги дома валялись большей частью старые, революционные. Я родился в Москве, видел Ленина в Мавзолее, я знал, что когда-то в этом городе гремели пушки, строчили пулеметы и даже танки ездили по улицам – но это позже, когда стало совсем худо – с торжеством демократии. И вот эта память не давала мне покоя.

Как из города-героя исчез весь героизм, я не заметил. Помню только, что это произошло с пришествием Всемирной Сети. Она постепенно брала свое, все плотнее осваивалась в моем городе, с позиции гостя переходя на позицию хозяина.

Новое время… Недоброе время.

Сперва в этом погрязли мои друзья. Редко я видел их за обедом беседующими; все чаще они брались за свои мобильные телефоны и писали кому-то бесконечные сообщения, ставили какие-то значки и закорючки, просматривали лишенные какого-либо юмора изображения-открытки и отправляли друг другу скучную музыку. Во всем этом не было жизненности – болезненная тенденция в корне убивала все живое, все природное. Словно биоробот, друг становился существом с механическим придатком в руке. За ним – следующий. И тогда я понял, что потерял всех друзей, что у меня кончается терпение и я хочу другого. Тогда я подался в революционеры.

Шел 2015 год н.э.

Я нарек себя Чертополохом; прежнее имя я выкинул из головы как ненужное и вредное. Сперва я думал заняться оппозиционными делами, однако вовремя вспомнил, что оппозиция в наши дни тоже охотнее существует в Сети, чем в реальном мире, и направился к анархистам. Там меня тепло приняли, напоили пиво с кренделями и сказали, что анархисты – очень мирная и цивилизованная организация. Я сыпал цитатами из Кропоткина и Махно, на что они парировали мне текстами рок-групп «Кино» и «Король и Шут», после чего я осознал всю тщетность затеи.

Мне пришлось действовать одному.

Я полтора года наводил страх на город, однако после злополучной облавы угодил-таки в тюремные застенки. Меня долго изводили допросами, и в итоге вынесли даже приговор, но не успели его объявить.

Грянула война.

Амнистию привели в действие сразу же, в зале суда. Я кричал, что хочу в солдаты, хоть в штрафбат, однако в ответ услышал страшное:

– Страна не будет воевать. Мы сдаем земли без боя.

В ту секунду для меня исчезло все. Все, о чем я читал в книгах, все, что долго и тщетно, по крупицам, в меня вкладывали мои почтенные родители, которым суждено было погибнуть во время автокатастрофы где-то под городом Одессой, все, что я любил и ценил – погибло.

Погибло без боя!

И я решил, что буду воевать. Один, но буду.

На свободе я узнал о том, что произошло. Некое сообщество западноевропейских стран под условным названием «Четвертый Рейх» шагнуло на мою землю.

Я говорю «мою», потому что тогда был единственным, кто постоял за нее.

Оказалось, что этот самый Четвертый Рейх объявил манифест о бескровной войне.

Безжалостная оккупация происходила следующим образом – армия Рейха вторглась в города, заняла их, используя все предоставленные блага, однако людям было настрого запрещено выходить на улицы. Их обеспечивали едой и питьем, у каждого дома был компьютер с Интернетом – а в чем еще может нуждаться человек? Остальные проблемы решались как-то сами собой – чинился потекший водопровод, латалась съехавшая крыша.

Но появление на улице без выяснения причин каралось немедленным и безоговорочным расстрелом.

Всех бездомных людей и даже животных солдаты Рейха куда-то переправили – и воцарился постоянный комендантский час, нарушителем которого был один я.

Я жил в заброшенном доме, предназначенном под снос, подворовывал консервы из закрытых магазинов и постоянно подстраивал Рейху каверзы – разве что поездов под откос не пускал. Но высшей целью моей было отключить город от Сети и телевиденья (канал Рейха вещал пропагандистскую чушь вперемежку с ужасающего качества юмористическими передачами) – тогда я бы смог вывести людей на улицы и положить начало сопротивлению.
Но со временем оказалось, что не только я принял бой.
Через месяц или около того я подслушал разговор двух солдат Рейха. Говорили они на английском, видимо, потому что один был бельгийцем, а второй – кажется, итальянцем, и другого способа побеседовать не придумали; я же знал английский еще со старшей школы. И вот что я услышал:
– Вчера какие-то мерзавцы сожгли машину неподалеку.
– Может, сама взорвалась?
– Нет, сожгли, даже поджигателя видели.
Сердце у меня екнуло – дело было не мое. Значит, есть в городе и другое сопротивление!
– А еще двое негодяев пытались подорвать телебашню.
Тут я прямо-таки взвизгнул от восторга.
– Неудивительно. Какие же все-таки идиоты! Ну все, страна полностью оккупирована, правительство объявило капитуляцию, а они борются.
– Болваны!
– Кстати, у нас тут тоже орудует повстанец.
– С чего ты взял?
– Кто-то бросил камень в патрульного у подъезда вон того дома. Я вчера сменял его, и он мне рассказал.
– Ничего, выловим и расстреляем.
– Хрен вам, – прошептал я, и вдруг чья-то тяжелая рука легла мне на плечо. Я похолодел и обернулся…

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ЦЕНТР ГЛУБИННЫХ ИЗЫСКАНИЙ

Перед ним раскинулся зеленый луг, которого ни по каким подсчетам не могло оказаться в этой части города – вечно здесь был испачканный и загазованный промрайон. За лугом шелестела речка, а под пышным деревцом, которое казалось таким неуместным в середине марта месяца, когда, собственно, Никифор и вошел в здание трамвайного завода, разлегся умудренного вида пожилой человек в белых одеждах и с густой седой бородой.
– А вот и посетители! – человек с энтузиазмом махал руками. – Подходите сюда, не бойтесь!
Никифор послушался и подошел.
– Вас как зовут? – осведомился человек.
– Никифор, – ответил Никифор.
– Очень приятно, а меня – Рихард. Будем знакомы.
– Будем знакомы, – неуверенно произнес Никифор. – А... вы кто? И что это такое? Ведь сейчас почти зима, а тут...
– А тут лето! – обрадованно воскликнул Рихард. – Да вы сбрасывайте пальто, и туфли можете снять – ни к чему они. Трава такая зеленая и мягкая, что нежить в ней ступни одна радость! Позвольте, но я забыл вас спросить – по какому вы делу?
– Я... собственно... я пытался уйти с завода...
– Но ведь выход в другой стороне, – нахмурился Рихард. – Почему же вы вошли в секретное помещение?
– Я хотел уйти незамеченным, – ответил Никифор. – Открыл первую открывшуюся дверь. Там – стены красные... А потом смотрю – и вот...

– А вы, любезнейший, на трамвайный завод пришли? На трамваи поглазеть, да? – улыбнулся Рихард, и Никифор открыл рот, не зная, что сказать в ответ. – Ладно, не затрудняйтесь. Неужели вы действительно подумали, что трамвайный завод может носить название «Вечные ценности»? «Центрмаштрест», «Гортрамстрой» – это я понимаю, это еще куда ни шло, ну, на крайний случай – какие-нибудь «Веселые покатушки», однако не «Вечные ценности» же! Вы кто по профессии?
– Жур... – начал было Никифор, но тут же осекся: – Поэт. Я поэт.
– Ну, вот видите, душенька, вы ведь не деревня какая-нибудь, вы умный, мыслящий человек, а все равно не сообразили! Не сообразили ведь?
– Не сообразил, – растерянно ответил Никифор.
– Видите, как замечательно! А у нас тут, по правде говоря, совсем другое учреждение. А завод трамвайный – только для маскировки.
– Для маскировки чего?
– Для маскировки Центра Глубинных Изысканий.
– Вот как интересно! – удивился Никифор. – Что же это за центр такой?
– Это, милейший, такой центр, в котором мы осуществляем глубокие раздумья на темы строения мира и роли человека в нем.
– А как же... а как же, позвольте поинтересоваться, трамваи?
– А трамваи – для прикрытия.
– Но почему трамваи? – недоумевал Никифор. – И как вы отчетность осуществляете?
– Какую, простите, отчетность? – поморщился Рихард. – Мы ведь частное предприятие, захотели – делаем трамваи, захотели – не делаем.
– И что же?
– А вот уже лет сто не хотим.
– И не делаете?
– И не делаем, – подтвердил Рихард.
– Но... налоговая, наверное, интересуется? – робко поинтересовался Никифор.
– Голуба моя! – улыбнулся Рихард. – В масштабах Вселенной не существует никакой налоговой. Больше того, я подозреваю, что не существует ни вас, ни меня, а все мы – лишь проводники той высшей материи, которая зовется по одним источникам – ноосферой, а по другим – миром идей, и существуем мы лишь до поры, пока способны вмещать идей достаточно.
– Как интересно вы говорите, – произнес Никифор. – Но ведь я существую, и это можно проверить.
– Как же это можно проверить, голубчик? – расхохотался Рихард. – Вы, пожалуй, вовсе не понимаете еще, где очутились. Посидите на травке, порадуйтесь солнышку и попробуйте слиться с природой. Тогда, надеюсь, вы лишите меня чести объяснять вам элементарные вещи.
Никифор попробовал слиться с природой, однако подтяжки мешали ему сосредоточиться – они больно кололи в спину, а трава щекотала голые пальцы ног, отчего мыслить о вечных ценностях было невыносимо. К тому же, его беспокоил один крайне важный вопрос. Никифор заерзал на траве, всем видом пытаясь пояснить собеседнику, что не имеет настроения к медитации.
– Что вы хотите узнать? – внезапно спросил Рихард.
– Я хочу узнать, почему у вас небо настоящее и солнце летнее.
– Это пустяки, мой дорогой друг, это все пустяки, – ответил Рихард. – Главное, что погода располагает к размышлениям.
– И о чем же вы размышляете?
– В данный момент я, к сожалению, ни о чем не могу размышлять, потому что занят другим чрезвычайно важным делом.
– Каким же?
– Я, милейший, наблюдаю состояния. Я вообще специалист по наблюдению состояний.

– И в каком же вы состоянии?
– Крайнего наркотического опьянения, голубчик, – весело ответил Рихард, и Никифор тут же заметил, какие карикатурно огромные у него зрачки.
– У вас, видимо, есть и другие специалисты?
– Безусловно, дорогой мой!
– И кто же они? Наблюдают другие состояния?
– Что за глупости вы говорите, mon cher! – рассмеялся Рихард. – Наблюдать состояния – это тяжелый труд, талант, помноженный на годы тренировок, не каждому это дано! Попробуйте принять с мое и вести столь непринужденную беседу! А потом, мой друг, я все это еще и запомню, да к тому же и записать смогу, если потребуется! А другие специалисты у нас в других павильонах. В соседнем, к примеру, Боречка Мантрюк изучает ненависть. А в главном павильоне – павильоне драмы наш генеральный директор – Геннадий Петрович Хайям-Махмудов занимается вопросами вечных ценностей.
– Так что же мне делать? – спросил Никифор. – Как вернуться обратно в город?
– Вернуться-то проще простого, – ответил Рихард. – Главный вопрос, который должен был у вас возникнуть – стоит ли вам вообще возвращаться? Мне кажется, что нет в вашей прошлой жизни такого крюка, который держал бы вас крепко, и раз уж волею всесильного фатума вы забрались в наш райский уголок, то и оставайтесь здесь навсегда. Придет Геннадий Петрович с пересменкой – оформим вас, как полагается, и будете вместе с нами созерцать вечное и вести важные исследования.
– Какие, к примеру? – заинтересовался Никифор.
– А вы почитайте мне свои стихи – я попробую подсказать, – улыбнулся Рихард.
Никифор прокашлялся, картинно отбросил назад челку и начал:
– *Моя любовь, она одна.*
она не радует меня,
когда любить тебя я б мог,
то был бы я б у твоих ног.
Но все же жизнь такая штука,
любовь – не то, разлука...
– Сука, – заключил Рихард. – Очень хорошо. Точнее, очень плохо. Ваши стихи очень слабы.
– Как же так, ведь... – начал было возмущаться Никифор, но Рихард перебил его:
– В вас, милейший, есть какая-то животная искра, какая-то страстность, замешанная на узколобии. Все это очень, очень интересно. Я полагаю, вы найдете себя в познании инстинктивной основы поведения или психологии толпы. Геннадий Петрович вам позже прояснит.
– А много... много вам платят? – нерешительно спросил Никифор, в ответ на что Рихард разразился взрывом смеха:
– Платят? Голубчик, да разве Вселенную можно измерить в каких-то бумажках? Разве чувства можно внести в квитанцию и наложить подать? Чушь, нелепица!
– А как же тогда...
– Вам выдадут павильон, создадут все нужные условия, будут требовать квартальный отчет о проделанных изысканиях и ежегодные выездные отчеты, а также давать определенные поручения. Ну, соглашайтесь!
Вдруг в дверном проеме, из которого пришел Никифор, появилась фигура человека...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
СКАЖИ-КА, ДЯДЯ

В страшном испуге я едва не вскрикнул, однако незнакомец широкой ладонью в перчатке закрыл мне рот и шепнул на ухо:
– Свои.

Я молча кивнул и выпрямился. Передо мной стоял коренастый паренек лет двадцати, курчавая шевелюра венчала его голову, и одет он был в темно-синий комбинезон, расшитый на груди золотом наподобие гусарского камзола.
– Пошли, – приказал мой новый спутник.
Мы двигались перебежками, шлепая ногами по апрельской грязи, непрерывно оглядываясь и скрываясь при виде патрульных Рейха. В итоге мы оказались у Обводного канала, укрылись в голых, почти безлистных, но достаточно плотных кустах и немного отдохнули перед последним рывком до какого-то высотного дома – пункта назначения, и он представился:
– Князь Дуров.
– Чертополох, – ответил я. – Что, правда князь?
– Что в наши дни правда, а что ложь? – пожал плечами Дуров. – Разве можно говорить с уверенностью? Мы пойдем в нашу штаб-квартиру и все вам объясним. Мы вам уже давно заметили, но уж слишком хаотично вы действуете.
– Что поделать, жизнь такая. Без арсенала не разгуляешься.
– Это верно, – согласился Дуров. – Мы вам дадим парабеллум.
– Это из «Двенадцати стульев»? – улыбнулся я.
– Это из жизни, – ответил князь, и мы ползком двинулись к дому. Князь достал из кобуры пистолет и выстрелил в воздух.
– Зачем? – шепотом вскричал я, но он дал знак следовать за ним, и я поплелся.
Мы с князем спустились в незапертый подвал котельной, дымный, завешанный со всех сторон горячими и холодными трубами. За самой толстой из них виднелось окошко вентиляции.
– Лезь первым, – скомандовал Дуров, и я подчинился. Долгий путь ползком по трубе вентиляции наконец увенчался успехом – я увидел впереди свет и, недолго думая, сунулся в проход.
Он вел в кухню, которая была заполнена людьми в синих комбинезонах. При виде меня они сперва насторожились, но, увидев, что на мне нет символики Рейха, помогли спуститься вниз сперва мне, а потом и князю Дурову.
– Что ж, князь, у вас сегодня улов, – рассмеялись они.
– Еще какой, господа, еще какой, – говорил князь. – Этот паренек наводит страх на басурман уже третью неделю или около того. Ведь наводите? – спросил он у меня.
– Навожу, – нерешительно кивнул я. – А кто вы?
– О, мы – тайное общество, – ответил приземистый и пожилый мужчина при усах. – С вашего позволения, граф Покрышкин.
– Чертополох, очень приятно, – я пожал ему руку и тут же выслушал имена прочих присутствующих. Здесь было трое князей, шестеро графов и около десяти поручиков, прочие называли только имена; кличек, как у меня, не было.
– А вы, сударь, кем в этом грешном мире ходите? – спросил Покрышкин.
– До войны был анархистом, а теперь…
– Фи, анархистом! – рассмеялся Покрышкин. – А мы – солидная организация сопротивления.
– Как же вы называетесь? – удивился я.
– «Скажи-ка, дядя», – совершенно серьезно ответил Покрышкин.
– Это из Лермонтова? – спросил я.
– Это из жизни, – снова услышал я в ответ.
– А вообще да, из Лермонтова, – добавил князь Дуров. – Скажи-ка, дядя, ведь недаром Москва, спаленная пожаром…
– Французу отдана, – хором произнесли все присутствующие на кухне, и я в том числе.
– Что ж, пора ввести вас в курс дела, – начал граф Покрышкин. – Мы боремся по мере сил с врагом, устраиваем диверсии, вылазки для скорейшего решения одной-единственной проблемы.

– Какой же?
– Освободить Москву, – твердо сказал Покрышкин. – Вслед за Москвой поднимется вся держава. Мы производим бои на всех фронтах, есть у нас и идеологическое подразделение, оно в комнате размещается и называется Иваном Сидоровичем Анапестовым. Иван Сидорович в Интернете пишет о наших достижениях, и некоторые его даже читают, сочувствуя и желая присоединиться. Если быть откровенным, Иван Сидорович и собрал нашу организацию, но он не может выходить из дома на диверсии по причине излишнего, пардон, веса, поэтому боевая функция всецело лежит на нас, и мы рад приветствовать в своих рядах еще одного вояку. Ведь мы можем на вас положиться?
– Конечно, – радостно кивнул я.
– Мы сошьем вам комбинезон и дадим парабеллум, – заявил Дуров. – Только вам нужно знать еще кое-что.
– Что же? – встревожился было я, но напрасно.
– Наша организация – не единственная, – почти шепотом, зловеще произнес Дуров. – Есть, как минимум, еще две, но они враждебны нам по духу. Первая – «Потерянные дети». Это страшное бандитское объединение, которое стремится избавиться от всех людей в этом городе, якобы в месть за что-то. Они одеваются в черное, если увидите их на улицах, немедленно бегите – убить «Потерянных детей» в бою сложно, а ведут они себя крайне агрессивно. Причин тому мы не знаем, контакты провалились. Есть и другая организация – адепты культа Черепахи. Кто они такие – вообще не ведаем, потому что они не разговаривают. Первыми в бой они вступать не станут, отпора толкового не дадут, а еще их не расстреливают на улицах солдаты, уж мы не знаем, почему. Они ходят по городу свободно, носят оранжевые тоги с вышитыми на пузе черепахами. С ними мы не смогли объединиться на религиозной почве…
– Как вы знаете, все монархисты – глубоко верующие, – вмешался Покрышкин.
– Но для вас мы сделаем исключение, – смягчился князь. – Вижу, вас вообще религия не интересует.
– Хорошо, что вы понимаете, – улыбнулся я. – То есть, другие организации не вербуют себе сторонников?
– Почему же? Вербуют, – возразил Покрышкин. – Просто не соглашаются иметь дело с нами. Мы не можем выяснить этому причин, потому что нас с нашими лозунгами сопротивления и многочисленным оружием попросту боятся.
– Красивая история про уличную войну кланов, – кивнул я. – Может быть, есть еще и какие-то традиции, знаки отличия?
– «Потерянные дети» носят серебряные браслеты с гербом – фигурками людей, взявшимися за руки, – сказал Дуров. – Адепты Черепахи всюду суют изображения черепах разных форм, размеров и цветов. Еще у них есть девиз, мы в Интернете вычитали: «Сбрасывай шелуху, гадая над истиной».
– А ваш девиз?
– Что ж, братья-гусары, – залихватски промолвил Покрышкин. – Грянем?
И все хором распели:
– Только свобода, только Москва!
– Ну что ж, делу – время, потехе – час, – заключил князь Дуров. – Пора планировать следующую вылазку. А вам, – обратился князь ко мне, – нужно пойти в комнату и сделать мерки для комбинезона.
Однако выполнить это мне не удалось, в дверь раздался пронзительный звонок, и кто-то из гусар увлек меня в комнату.

ГЛАВА ПЯТАЯ
ЧЕРНАЯ КОГОРТА

Вдруг в дверном проеме, из которого пришел Никифор, появилась фигура человека – коренастая, приземистая, слегка округлая. Наконец вошедший ступил на зеленую траву, и стало очевидно, что это мужчина средних лет, плешивый и усатый. На нем плохо сидел серый костюмчик, а ноги были обуты почему-то в кроссовки спортивной модели.
– А вот и наш директор! – обрадовался Рихард. – Геннадий Петрович, познакомьтесь, у нас тут новый желающий.
– Очень приятно! – воскликнул Геннадий Петрович. – Моя фамилия – Хайям-Махмудов, а ваша? Вы, что же, правда желаете присоединиться к миссии?
– Я... – растерялся Никифор. – Я... по правде говоря, и не знаю...
– Вот! Вот ответ, достойный настоящего философа! – заорал Геннадий Петрович. – Никто никогда и ни в чем не может быть уверен – это гениально! Это может быть новым девизом нашей организации! А вы, молодой человек, крайне талантливы – удивляете уже с порога! Как там ваша фамилия, я не расслышал?
– Бирюк... простите, Белена, – представился Никифор.
– Белена! Как затейливо! – сказал директор. – Ну что ж, пройдемте в мой кабинет, оформим вас по всем правилам.
– Пойдемте, – согласился Никифор.
– Следуйте за мной. А вы, Рихард Людвигович, не отвлекайтесь от работы.
– Всенепременно, – кивнул Рихард и блаженно потянувшись, закрыл глаза.
Геннадий Петрович направился сквозь луг в направлении моря, и Никифор посеменил за ним. Оказалось, что луг совсем невелик, а за ним стелется длинная равнина, покрытая сухими травами и какими-то весьма устрашающего вида горелыми костями.
– Павильон безысходности расширяем, – пояснил директор. – Скоро посадим сюда стажеров и будем получать данные. Информация – вот что ценится в наше время! Вы, Никифор, Интернетом интересуетесь?
– Немного, – солгал Никифор, потому что интерес его ко Всемирной Сети сводился, в основном, к нерегулярному посещению эротических и развлекательных ресурсов.
– Очень интересно! Очень! А знаете ли вы, что Интернет – это модель идеального общества?
– Да? – переспросил Никифор. – И почему же?
– А все потому, Никифор, что Интернет – это же воплощенная коммунистическая утопия! – радостно кричал директор. – Все бесплатное, все доступное… а самого нужного нигде нет, ха-ха-ха! Я вам позже все объясню. Вы чем заниматься будете?
– Познавать эти... – вспоминал Никифор. – Ну, эти... инстинктивные основы поведения. И еще... страстность. И...
– Страстность! Великолепно! Животное «Я»! Неискоренимые подвалы сознания! Фундамент личности! Очень хорошо!
Никифор и не заметил, как они с директором оказались на краю горной пропасти, за которой зияло бесконечное звездное небо.
– Каждый из нас хочет такое же! Звездное небо внутри нас! Припоминаете?
– Да, – согласился Никифор, который уже давно перестал понимать, что происходит вокруг и сильно хотел чего-нибудь внутрь, но звездному небу он, пожалуй, предпочел бы коньяк.
– Здесь у нас находится отдел бесперспективных находок, – пояснил директор. – Никто не работает, все с ума посходили. Вполне буквально! – расхохотался Геннадий Петрович. – Ну, да, пойдемте же скорее в кабинет, а потом вам определим павильон. Где вы больше хотите работать – у марсианистов или у расстрельников?
– У... у марсианистов, – нерешительно произнес Никифор, но справедливо осознав, что слово «расстрельники» не может сулить ничего положительного.
– А очень зря! – вскричал Геннадий Петрович. – Сейчас у расстрельников очень хорошо познание проходит, а марсианисты почему-то ленятся. Но, может, они и к лучшему – расшевелите их дохлый коллективчик!

– Геннадий Петрович, – решился перебить директора Никифор, – а кто такие эти марсианисты и расстрельники? И какую вы от этого всего пользу имеете?
– Ну как же, Никифорушка! – улыбнулся директор. – Марсианисты у нас изучают войну, а расстрельники – проблемы интеллигенции! Вам ли не понимать? А польза – это понятие относительное! Вот что, по-вашему, польза?
– Ну... какая-то выгода, какой-то результат...
– Результатов очень много, я вам архивы покажу – вы обалдеете, в хорошем смысле! – прыснул Геннадий Петрович. – А выгода – это тоже относительно понятие. Вы, наверное, имеете в виду деньги?
– И деньги тоже, – согласился Никифор.
– Но ведь деньги – это всего лишь бумага, которая означает какую-то абстрактную ценность, которая, в свою очередь, означает еще одну абстрактную ценность, которая в конечном итоге эквализируется в каком-то товаре! То есть, по-вашему, выгода – это, к примеру, панталоны или литр козьего молока? Или, если будет угодно, охапка валежника?
– В каком-то смысле, да, – задумчиво протянул Никифор.
– Вы абсолютно правы! В каком-то смысле любое противоречие может являться согласованным! Полностью согласен! А вы глубже, чем мне казались, – уважительно произнес директор. – Определим вас сразу в служебный состав, чего вы будете стажером зазря ходить? А?
– Хорошо, – самодовольно улыбнулся Никифор. – А какая зарплата?
– Какая же зарплата, душенька? – удивился директор. – Ведь мы вам создадим полную гармонию духа, мы вас окружим приятными глазу явлениями, будем, с позволения сказать, кормить и поить – хотя многие отказываются, заметьте – будем предоставлять любые необходимые вещи, а взамен потребуем лишь регулярного отчета! Разве стоит это денег? Однако, если вам угодно, я буду начислять определенное количество финансов на вашу кредитную карту. У вас есть кредитная карта?
Никифор грустно покачал головой.
– Вот видите, любезнейший, это судьба! – обрадовался директор. – Давайте я вам наглядно продемонстрирую, какими будут условия вашего труда. Вот вы чего сейчас хотите?
Никифор хотел любви прекрасных нимф, однако предпочел об этом постыдном желании умолчать и соврал:
– Воды хочу.
– Ну, воды-то кругом сколько угодно, – ответил директор. – Вы что-нибудь посложнее попросите, поухабистее.
– Рюмку коньяку тогда, – решительно заявил Никифор.
– Ну, вы скромник! Обычно первым делом требуют рукописи Гегеля или, к примеру, Тунгусский меторит – знаете ли, бывали и такие! Ну, коньяку так коньяку. Элеонора Павловна!
Внезапно из близлежащих кустов возникла приятного вида женщина лет тридцати в белых одеждах и с жестяным подносом, на котором стояли две рюмки, наполненных насыщенно коричневым напитком. Никифор взял с подноса рюмку, робко отблагодарил женщину и немедленно выпил. Коньяк оказался мягким, терпким и слегка шоколадным на вкус. Примеру Никифора последовал и Геннадий Петрович, после чего смахнул пот со лба и, причмокивая, произнес:
– А хорош ведь, правда? И не скажешь, что отечественный.
– Почему же, отечественное всегда лучше зарубежного, – не согласился Никифор.
– Великолепно! Неосознанный патриотизм! – перебил его директор. – Ну что ж, вот мы и в кабинете!
Кабинет представлял собой опушку леса, посреди которой стоял массивный дубовый стол со старомодной настольной лампой и пачкой каких-то бумаг под пресс-папье.
– Ну что ж, – сказал директор. – Зовут вас...

– Никифор, – ответил Никифор.
– Фамилия?
– Белена.
– Отчество?
– Евсеевич, – зачем-то соврал Никифор и отметил про себя, что директор ничего никуда не записывает, а просто делает вид, водя пером по бумаге.
– Родились?
– Семнадцатого июня...
– Нет, вы это бросьте, – прервал Никифора Геннадий Петрович. – В каком веке родились?
– В двадцатом, разумеется, – удивился Никифор.
– Ничего еще не разумеется, дружочек вы мой, ничего не разумеется! – воскликнул Геннадий Петрович. – Ну-с, где хотите работать? Заниматься вопросами страсти и животного в человеке?
Никифор молча кивнул.
– Кто по роду деятельности в прошлом?
– Поэт, – ответил Никифор. – Но я и в настоящем поэт.
– Вряд ли у вас останется время для сочинительства за вашими занятиями, – протянул директор. – Как узнали о нашей организации?
– Случайно... – замялся Никифор. – Я пытался уйти с завода и пошел не в ту дверь, а там Рихард...
– Так и запишем – от Рихарда Людвиговича, – заключил директор.
– Простите, но ведь вы не записываете.
– Разве имеют какую-либо ценность знаки, мой друг? – многозначительно спросил директор. – Главное, что здесь и сейчас я все зафиксировал. Неважно – как.
– А как же отчетность?
– Пока ступайте через лес к марсианистам, вам на месте все объяснят. Ну же, не стесняйтесь!
Никифор двинулся через лес в недоумении. «Что за странное место?», спрашивал он себя и не находил ответа.
Внезапно чья-то сильная рука схватила его за горло и повалила на землю. Над Никифором стоял высокий человек в одеянии римского воина, все лицо его было испещрено мелкими шрамами, а сзади стоял еще один, похожий на него.
– Кто такой? – осведомился первый.
– Я... Никита, – в испуге выдавил из себя Никифор. – Иду к марсианам... нет, к этим, к марсианистам! Выпил немного... А вы, простите, кто?
– Черная Когорта, – сквозь зубы процедил воин.
– Тит, Луций, стоять! – закричал чей-то голос за спиной у странных римлян. – Не трогайте незнакомца...

ГЛАВА ШЕСТАЯ
НЕЗВАНЫЕ ГОСТИ

Дверь открыл хозяин квартиры – поручик Стаканцев, и из коридора раздались звуки возни и какие-то тяжелые удары. Спустя пару минут незваные гости уже были в комнате; я сидел в шкафу рядом с графом и князем, а под нами тяжело дышал заведующий идеологической частью – Иван Сидорович Анапестов, восьмипудовый, жирный и потеющий. Сквозь щель в двери я увидел двух мужчин в черных куртках, за ними плелась девушка с обручем на голове и тоже в черном. Они бегло осмотрелись и, ничего не обнаружив, проследовали на кухню; судя по звукам, там они нашли прячущихся за шторами графов, с коими немедленно вступили в драку.
– Где новенький? – рычали гости, в ответ на что гусары хранили гордое молчание.
– Это за мной, – шепнул я Дурову. – Нужно выйти и признаться, чтобы их не запытали.

– Очень мужественно, – ответил Дуров, – но вы нам нужнее. Сидеть!
– А я все же признаюсь…
– В этом нет нужды, – вмешался пессимистичный тучный Анапестов. – Они придут сюда и обнаружат вас.
Его мрачное предсказание сбылось – уже через пару минут дверь шкафа распахнулась и все мы вывалились на пол перед людьми в черном. Я бегло оглядел пришедших – глаза у них были суровые, на обруче, венчающем лоб девушки, фигурки людей держались за руки. «Потерянные дети»!
– «Потерянные дети», – тут же подтвердил мою догадку один из парней. – Мы за тобой, Чертополох.
– Мы знакомы? – удивился я.
– Нет, – ответил парень. – Но мы давно за тобой наблюдаем. Нам велели доставить тебя Хозяину.
– А кто ваш хозяин? – недоумевал я.
– Мы не знаем имени, – ответил парень.
Вдруг раздался выстрел, и тут же еще один. Оба парня из «Потерянных детей» упали как подкошенные, в груди у одного зияла кровоточащая рана, второй упал замертво с дырой во лбу, а граф Покрышкин навел заряженный парабеллум на девушку.
– Молчать и не двигаться, – приказал он и тут же повернулся ко мне: – Свяжите девчонку.
– А… чем?
– Да вот хотя бы скотчем, – подсказал Покрышкин.
Я повиновался; через пять минут девушка восседала на стуле, плотно привязанная со всех сторон. Покрышкин начал допрос с пристрастием:
– Кто такие?
– «Потерянные», – спокойно отвечала девушка.
– Как тебя зовут?
– Сельма.
– А их? – лукаво спросил Покрышкин.
– Дартвуд и Хольф.
– Почему имена такие странные?
– Мы не знаем настоящих и выбираем их себе сами.
– Почему вы «Потерянные дети»? Религия?
– Нет, – усмехнулась девушка, – скорее идеология.
– В чем заключается?
– В том и заключается, что мы потерянные дети.
– Потерянные при рождении? Детдомовцы?
– Нет, просто потерянные дети.
– Вас потеряли родители?
– Да пойми ты наконец! – воскликнула Сельма. – Мы – просто потерянные дети. Незаслуженно забытые, лишенные внимания и ласки. Мы – дети ненависти. Организацию нашу основал один очень высокий человек, Хозяин. Он нами повелевает, и мы слушаемся…
– Значит, религия, – вздохнул князь Дуров. – А я-то думал, из вас получится сопротивление…
– Мы и есть единственное действующее сопротивление, – разозлилась Сельма. – А вы думаете, ваши эти горящие машинки и явки-ставки что-нибудь дадут? Мы вот пытаемся уничтожить телебашню.
– И я с ними согласен, – кивнул я. – Это верное направление.
– Поэтому нас за тобой и отправили, – пояснила Сельма.
– Знайте, корнет, мы вас не отпустим! – сказал мне граф Покрышкин.
– Я уже корнет?
– С тех пор, как заговорили зубы этим болванам – вы самый настоящий корнет!

– Теперь можно и в номера, – рассмеялся я, и гусары вторили мне дружным понимающим хохотом. – Ну что ж, Сельма, что с вами будем делать?
– Отпустите меня, – попросила девушка.
– Ну уж нет, – покачал головой князь Дуров. – Дать уйти вам было бы верхом легкомыслия… Но учитывая то пикантное обстоятельство, что вы девушка, а мы тут все – гусары, мы вас, пожалуй, все-таки отпустим. Нам придется покинуть эту квартиру – здесь слишком опасно – два трупа на полу и, к тому же, соседи могли слышать выстрелы и крики. Боюсь, «Потерянные дети» вновь очень некстати встали на нашем пути, и теперь отношения наши обострятся, как никогда.
– Я выпровожу девушку, – предложил граф.
– Нет, пожалуй, это должен сделать я, – возразил я. – Вы и так натерпелись из-за меня.
– Что ж, поддержим нашего корнета в его благородном побуждении, – согласился граф, и, получив все необходимые указания, мы с освобожденной девушкой отправились по вентиляции обратно на улицу.
– Пойдете со мной? – спросила Сельма.
– Нет, только провожу вас и сразу обратно.
– Зачем тогда вы вызвались?
– Хочу утвердиться в их глазах, – улыбнулся я.
– Значит, не пойдете? – серьезно спросила она.
– Не пойду, – помотал головой я и спрыгнул в котельную. Я повернулся, чтобы подать Сельме руку и помню только, как что-то острое вонзилось мне в горло. Я тяжелым грузом рухнул на пол и потерял сознание.
…Очнулся я в темном помещении, напоминающем бассейн. Я лежал на медицинских носилках, намертво примотанный к ним какой-то резиновой трубкой. Болели руки и ноги, в горле першило. Вдруг вспыхнул свет прожектора, направленного прямо мне в лицо. Я прищурился, чтобы не ослепнуть, и услышал голос:
– Здравствуйте, Чертополох.
– Здравствуйте, а с кем имею честь? – крикнул я.
– Называйте меня Хозяин, – ответил голос. – Приближенные зовут меня Мессир, есть у меня и более древние имена, как и у вас, но я предпочитаю их не использовать. Я вас буду называть Чертополох, а вы меня – Хозяин. Идет?
– Идет, – произнес я. – А чей вы Хозяин?
– Теперь уже ничей, к сожалению, – грустно сказал голос. – Но, впрочем, я затем и объявился в Москве, чтобы снова стать Хозяином всего. Тут намечаются странные дела. Вы ничего об этом не слышали?
– Не приходилось, – ответил я. – Кроме того, что сейчас война.
– Это разве война? Это свободное падение. На моей памяти было много войн и это совсем на них не похоже. Война еще и не началась, голубчик.
– А начнется?
– Начнется, не сомневайтесь. Я сам приложу для этого все усилия.
– Что же вам от меня нужно?
– Это самое интересное, – протянул голос. – Вы, по моим сведениям, когда-то были другом одного очень важного человека… Его зовут Никифор Белена.
– Не знаю никакого Никифора Белены, – удивленно ответил я.
– Раньше его звали Никитой Бирюковым.
Никиту Бирюкова я помнил. Он был моим школьным товарищем, но не самым лучшим – мы часто вздорили, он был чересчур самоуверен и иногда вел себя достаточно нелицеприятно.
– Да, я знал Никиту Бирюкова. Ну и что?
– Вы нам про него расскажете, – заявил Хозяин. – Мы с вами поговорим в нормальных условиях, вас сейчас развяжут, дадут вам поесть, а потом перевяжут раны. Годится?
– Вполне, – ответил я, испытав, однако, сильное недоумение.

Что-то странное творилось со всех сторон.
Что-то странное…
Но выхода у меня не было.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
СНОВА ЧЕРНАЯ КОГОРТА

– Тит, Луций, стоять! – закричал чей-то голос за спиной у странных римлян. – Не трогайте незнакомца. Кто дал вам право?
– Но Тиберий, ты ведь сам велел стеречь границу! – воскликнул один из воинов.
– Однако я не сказал, от кого, – властно произнес голос. – Ну-ка, прочь!
Таинственных воинов тотчас словно ветром сдуло. Над Никифором стоял высокий седовласый мужчина, на вид, однако, не пожилой, с внешностью невыразительной и незапоминающейся, в таких же белых одеяниях, как и встреченный Никифором в начале пути Рихард.
– Кто вы? – спросил он резко.
– Я – Никифор Белена, – учтиво представился Никифор. – Иду к марсианистам. Меня к вам определил директор. Геннадий Петрович...
– Теперь ясно, – кивнул мужчина. – Мое имя – Тиберий.
– Это из какой-то компьютерной игры? – смутно припомнил что-то Никифор.
– Это из древнеримской истории, друг, – невозмутимо ответил Тиберий.
– А кто эти солдаты? – спросил Никифор.
– Солдаты! – передразнил Тиберий. – Это – Черная Когорта императора Октавиана Августа.
– Что это значит?
– Долгая история, друг, но ведь и путь неблизкий. Ладно, слушайте... – Тиберий помог Никифору подняться, и они вместе двинулись куда-то. – Однажды в войне с египтянами Октавиан Август придумал страшную штуку. Давным-давно, наслушавшись фракийских легенд, он узнал о необычном ритуале. Воины перед битвой наносили себе на кожу массу мелких порезов, царапин, и не давали им заживать. Таким образом, в ближнем бою, особенно в рукопашном, от каждого удара они чувствовали пренеприятнейшую боль, что приводило их в неописуемую ярость и значительно повышало боевой дух всего воинства. Новый метод испытали на целой когорте солдат. До самого Египта они одерживали сплошные победы, однако под Карфагеном прозванная с легкой руки Октавиана Черной когорта была разомкнута и осаждена, и, чтобы спасти свои шкуры, воины спрятались в святилище какого-то местного божка – Ра, что ли. Что было с ними там – неизвестно, однако все до единого пропали без вести. А, согласитесь, трупы с такими многочисленных ранениями трудно не опознать. Хотя Октавиан долго искал... По легенде, Черная Когорта опустилась прямиком в мир небытия и заправляет там, а по ночам выходит и при свете луны совершает зловещие деяния...
При этих словах у Никифора по спине пробежал холодок.
– Но ведь они здесь... – прошептал он.
– Полагаю, что Геннадий Петрович не ухитрился выбить мне ту самую Черную Когорту, – усмехнулся Тиберий. – Это наверняка всего лишь переодетые и загримированные актеры какого-нибудь провинциального театра.
– А разве вы спросить не можете?
– Боюсь, друг, что их ответ ничего не поменяет. Однако мы пришли!
Они стояли на краю пропасти, над которой полыхали молнии. Пропасть была затянута белесой пеленой тумана, и дна ее не было видно. Тучи на небе сгустились, разряды, вспышки ослепительного света и раскатистые удары грома чередовались все чаще; лицо Тиберия, и без того бледное, теперь осталось вовсе без кровинки. Никифор боялся прервать его размышления, однако понимал, что дело пошло не так, как планировал его

собеседник, и, видимо, придется вновь сменить свой маршрут – а Никифору это уже порядком надоело. Тиберий почти не двигался и, казалось, даже не дышал; он лишь внимательно глядел на сверкающие молнии и даже не вздрагивал, когда тяжелым молотом стучал гром. У Никифора же прямо поджилки тряслись – никогда еще он не был на таком опасном расстоянии от грозовых туч и никогда не знал, как выглядит молния на самом деле, а потому испытывал легкий шок.
– Дела плохи, Сет уже здесь, – наконец произнес Тиберий тревожным голосом. – Кажется, вам пора. Уходите поскорей!
– Куда уходить? – растерялся Никифор.
– Со мной, – ответил ему невесть откуда появившийся тут же солдат Тит из Черной Когорты, который еще недавно пытался лишить его, Никифора, жизни. – За вами пришли высшие силы, и хорошо бы вам с ними не встретиться.
– А что, бывают какие-то высшие силы?
– Уважаемый, – поморщился Тит, – как вы вообще здесь очутились? Вы хоть что-нибудь знаете?
Никифор смущенно поник, даже не обижаясь, а, скорее, стыдясь своей невежественности, однако через несколько минут спросил:
– Вы действительно из Черной Когорты?
– Действительно, – кивнул Тит. – А вы, наверное, ужасов про нас наслушались. На самом деле, мы не были ни в каком святилище Ра. Мы просто спрятались в камышах по берегам Нила, и нас – всех до одного – крокодилы сожрали. Вот такая прозаическая история, как это обыкновенно и случается.
– Но почему о вас рассказывают легенды?
– Все здешние – умалишенные, – полушепотом ответил Тит. – Мы им подыгрываем всего лишь.
– А зачем их здесь держат? – недоумевал Никифор.
– Как же, они порой любопытные идеи выдают, – задумчиво произнес Тит. – Нормальный только Рихард Людвигович, который состояния наблюдает. И директор, Геннадий Петрович. Ну, и мы с вами.
– А ваши товарищи?
– Все до единого – шизофреники.
Никифор удивленно глянул на Тита. Тот был невозмутим.
– Что это вообще за заведение такое?
– А сумасшедший дом, любезнейший, – зловеще улыбнулся Тит. – Вам пора! – И он с силой толкнул Никифора в грудь, отчего тот полетел вверх тормашками и, в конце концов, ударился головой обо что-то твердое. В глазах его вспыхнули искры, и через секунду сквозь пелену мрака он разглядел, что находится посреди пустой улицы. За ним тут же с тяжелым стуком закрылась дверь, над которой была установлена массивная надпись...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
ЛОВЕЦ ДУШ

За неделю до объявления войны, в тот самый день, когда Никифор Белена вошел в здание трамвайного завода «Вечные ценности», в Москве появились двое. Именно появились – не прибыли на вокзал, не прилетели в аэропорт, а появились – неизвестно откуда и неизвестно как. Первый пришел, и не один, а со спутниками, прямиком на Патриаршие пруды; был он высоким, статным, при элегантном костюме и тросточке, а за ним плелись двое мужчин, выглядящих нелепо и странно – один усатый, в котелке, а второй – огненно-рыжий, с изуверской улыбкой и в поношенной «тройке». Парочка называла своего главаря Мессиром и попутно излагала последние московские новости:
– Война надвигается, – говорил рыжий.

– Что-то будет, – вторил ему усатый.
– Нужно найти этого Никифора Белену, – заключил Мессир. – О нем что-нибудь есть?
– Город молчит, Мессир, – ответил рыжий.
– Регистрация?
– Ни слова о Никифоре Белене, Мессир, – произнес усатый.
– Газеты, библиотеки?
– Сейчас все больше электронное, – сказал рыжий. – Из электронного не прочтешь – одни нули и единицы.
– Это верно, – кивнул Мессир. – Но вы о прессе все-таки подумайте.
– О! Вижу! – воскликнул рыжий. – Есть… в газете «Дети Луны», очерк… Никифор Белена, постоянный корреспондент.
– Метнись и выясни, – приказал Мессир.
Тень мелькнула и исчезла, но в ту же секунду возвратилась – запыхавшийся рыжий моментально принес все нужные новости:
– Его зовут Никита Бирюков. Мелкий журналист, поэт по призванию. Сейчас берет репортаж с трамвайного завода.
– Того самого? – насторожился Мессир.
– Да, «Вечные ценности», – подтвердил рыжий. – Он уже на месте, так что остается только ждать.
– Нет, мы так долго ждать не сможем. Он может выйти нескоро, когда уже не понадобится. Если только никто ничего не нарушит во внутреннем порядке Цеглубиза…
– Будем надеяться, что нарушит, – произнес усатый.
– Мы пока попытаемся добыть самое главное о нем, – заключил Мессир. – Чувствую что-то… Нужно найти второго, этого… Бориса Неаполитанского. И у него тоже все выведать. Я думаю, тогда мы сможем сложить картину целиком. Главное, чтобы нас не опередил этот мерзавец Сфинкс… Ловец Душ.
– Ловец Душ уже здесь, – повел носом рыжий. – Он уже пришел… и тоже действует.
В тот же час на другом конце города в автобус вскочил хорошо одетый молодой паренек со светлыми волосами и голубыми глазами. На груди его красовался изящный золотой медальон с изображением рычащего тигра, а сам он был одет в джинсы и клетчатую рубашку. В автобусе паренек тут же занял место у окна, а на следующей остановке вошло немало народу. Валентина Игоревна, немолодая уже, в общем, женщина, склонилась над пареньком. Ноги у нее гудели – тяжелый рабочий день сказывался, да и возраст давал о себе знать. Валентина Игоревна, глядя на веселого сидящего паренька, возмутилась:
– Такой молодой, уступил бы пенсионерке!
Паренек тут же нахмурился, посмотрел на Валентину Игоревну и ответил:
– Мне нельзя стоять.
– Это почему это тебе нельзя стоять? – вне себя от наглости паренька возопила Валентина Игоревна.
– А вот, – спокойно ответил паренек и достал из-под сиденья палочку для ходьбы. – Я ногами болею.
– Прости, сердешный, прости, милок, – запричитала Валентина Игоревна, чувствуя на себе укоризненные взгляды пассажиров.
– Разве такое прощают? – невозмутимо спросил паренек. – Ну-ну.
И тут же вспорхнул с места, легко, как птенец, и выбежал в открытые двери, хотя до остановки было еще далеко.
– Ну, не сволочь, а? – воскликнула Валентина Игоревна и тут же села на освободившееся место.
В эту же секунду кресло больно ужалило ее в спину. Валентина Игоревна почувствовала сильное недомогание и повернулась к пассажирам с мольбами о помощи, но вместо людей увидала вокруг себя огромных жужжащих шершней. Они роились кругом и жужжанием своим сводили Валентину Игоревну с ума.

– Что же это… как же… – в бреду шептала Валентина Игоревна. Сердце ее в итоге не выдержало, и она умерла прямо в салоне автобуса. Когда дошло до разбирательства, свидетелей происшествия почему-то не нашлось, все прятали глаза и убегали прочь, по своим делам. Самое интересное, что и документов при Валентине Игоревне не нашлось, поэтому ее определили в морге как неизвестную и, наверное, сожгли в колумбарии, даже не сообщив родственникам.

А злосчастный паренек уже шел по Красной площади к Мавзолею, насвистывая старинную мелодию, и навстречу ему шагал какой-то гражданин в костюме и при шляпе, каких редко уже встретишь в наши дни. Паренек резко остановил его повелительным жестом руки и заявил:

– Я тебе задам три вопроса, если ответишь правильно – иди с миром, не ответишь – пеняй на себя.

– Но позвольте… – начал было гражданин, однако паренек прервал его:

– Не позволю. Это загадка старая, еще времен Платона. Знаешь Платона?

– Ну… положим, знаю, – пролепетал гражданин.

– Так вот, Платона однажды спросили…

– Кто спросил, позвольте осведомиться? – спросил гражданин.

– А, это неважно. Ну, к примеру, Сфинкс, – ответил паренек. Так вот, Сфинкс спросил Платона – кто ты, Платон? И вот тебе первый вопрос – кто ты?

Гражданин помолчал, подыскивая наилучшую формулировку, и наконец выдал:

– Я – индивидуум!

– Дядя ты в шляпе, а не индивидуум, – разочарованно махнул рукой паренек. – Над этим вопросом меньше вечности думать не рекомендуется. Но у тебя вечности нет, и ответил ты неправильно. Ступай себе.

– К-куда? – растерялся гражданин.

– Никуда, – холодно ответил паренек. – Ты ведь первую загадку Сфинкса не отгадал. Теперь уходи в небытие.

И гражданин растворился в воздухе, улетая куда-то далеко.

– Правильный ответ – Никифор Белена, поэт, – прошептал паренек и пошел дальше по своим делам.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
ШКОЛЬНЫЙ ДРУГ НИКИТЫ БИРЮКОВА

– Ну и что ты можешь рассказать о Никите?

Я сидел в кресле и с интересом разглядывал своего собеседника. Это был представительный мужчина, седой, в костюме и с тростью – действительно, хозяин. По бокам от него сидели двое – один с усами, другой рыжеволосый, курящий длинную ароматную сигару. Взгляды их были полны решимости, они наблюдали за каждым моим движением, не давая мне скрыть ни одного, даже самого незначительного факта.

– Ну что могу рассказать… – начал я. – Мы не слишком-то дружили. Пришел он в пятом классе – его семья переехала с ВДНХ к нам, на Садовое кольцо. Подробностей не помню, там было связано со смертью какой-то его бабушки. Пришел, показал себя… не особенно. Ну, знаете, драки там, шуточки… Ничем не выдающийся был… класса до восьмого.

– А что потом? – нетерпеливо спросил Хозяин.

– Потом начал стихи писать, – ответил я. – В стенгазете печатался. Читал на вечерах.

– И как? Успешно?

– Не слишком. Стихи-то были слабенькие.

– Наизусть, конечно, не припоминаете?

– Нет, конечно, – пожал плечами я. – Мы с ним до этого не слишком дружили, он все больше с Сашкой Долинским водился и с другими, из «Б»-класса.

– А где сейчас этот Сашка Долинский?

– Черт его знает. Дома сидит, наверное, как все.
– Ну что ты, – поморщился Хозяин. – Далеко не все сидят дома. Рейх запугал самых робких, а смелые все еще ходят по городу в свое удовольствие.
– Как же, походишь тут, – хмыкнул я. – А можно вам вопрос задать?
– Задавай, – великодушно кивнул Хозяин.
– Вы кто? И почему интересуетесь этим… Никитой?
– Этот Никита, как ты говоришь, а, на самом деле, Никифор Белена – вовсе не посредственная личность, как тебе сейчас кажется, – улыбнулся Хозяин. – Когда-нибудь он ответит на Главный Вопрос Войны, и тогда мы все будем его благодарить, потому что даже я не в силах отыскать ответы сейчас. Я точно определил первый, приблизительно догадываюсь о втором и уж совсем темный лес для меня третий…
– О чем вы говорите? – удивился я.
– Пока еще рано это обсуждать, – покачал головой Хозяин. – А ты, видимо, и не знаешь, с кем связался и что тут делаешь, верно?
– Совершенно не знаю, – ответил я.
– Ну что ж, тогда тебе полезно будет кое-что послушать.
Хозяин наклонился и пристально посмотрел мне в глаза:
– Что-то странное происходит, не так ли?
– Так ли, – кивнул я. – А что?
– Ну, смотри, – пояснил Хозяин. – Сперва ты со своими экстремистскими поступками чуть не угодил в тюрьму…
– А откуда вы… – начал было я, но Хозяин тут же прервал меня:
– Потом тебя выпускают в зале суда с амнистией из-за безоговорочной капитуляции некогда великой державы. Так?
Я лишь кивнул, а Хозяин продолжил:
– Дальше ты долгое время скитаешься не пойми где, и тебя останавливает сперва один отряд сопротивления, потом отбивает у него другой, причем ты сам напрашиваешься, и теперь с тобой разговаривает человек, о котором ты ничего не знаешь, пытаясь выспросить все возможное о каком-то старом знакомом, у которого ты и в гостях-то ни разу не бывал. Верно?
– Все правильно, – я сглотнул слюну – в горле пересохло. – Меня интересует, в основном, лишь одно…
– Кто я, – заключил Хозяин, и я застонал – так правильно и точно он угадывал все мои мысли и чувства.
– Что ж, я объясню тебе… – произнес он, и я вздохнул с облегчением. – Все сойдется к одному, как мозаика – сейчас кажется, что это разрозненные цветные камушки, но в конце перед тобой откроется монументальное полотно, корнями своими уходящее в такое далекое прошлое, какого не помнишь ни ты, ни авторы книг, которые ты любил – любил ведь? Готов ли ты услышать?
– Готов, готов, – нетерпеливо закивал я.
– Тогда сперва тебе придется вспомнить все, что ты знаешь о Никифоре Белене, – твердо сказал Хозяин, и я, спустя несколько секунд, истраченных на размышления, выпалил, как на духу:
– Родители в разводе… Он курил в старшей школе. И на выпускном нажрался, как свинья… Поступил, кажется, на платный филфак… Во, бабушка у него была со странным отчеством. На родительские собрания от него никто никогда не приходил… В девятом классе он влюбился в Анечку Горнович, но она взаимностью не ответила… Вся параллель тогда над ним издевалась. Драться он не умел, защитников тоже не было. Сидел в третьем ряду на последней парте… обычно слева… по соседству с Антоном Клюевым. Что еще… Вечно ручки сгрызал и просил у других, вот.
– Очень хорошо, – потер руки Хозяин и обратился к своим соратникам: – Все усекли? Выясняйте, – он снова глянул на меня и произнес: – А теперь и ты послушай мою

историю. Позволь мне не так спешить, – усмехнулся он и продолжил: – Что ж, ты уже понимаешь, что Никита оказался центром в какой-то странной игре. Ты, пожалуй, удивился, узнав о начале войны – верно ведь?
– Верно.
– И подумал – почему это мы не защищаемся? Ну, не мы, а вы.
– Так и подумал.
– Война – это не просто событие, – серьезно произнес Хозяин. – Война послана высшей силой, такой высокой, о которой ты не имеешь и не можешь иметь представления – просто потому, что ты всего лишь человек, а в игре этой борются силы несоизмеримо более значительные.
– Мозги мне пудрить не надо, – нахмурился я. – Я – атеист.
– Это никак к твоей религиозной принадлежности не относится, – махнул рукой Хозяин. – Гляди-ка… попробую тебе на пальцах рассказать. Я, в общем-то, не совсем человек. Точнее, совсем не человек. Абсолютно противоположная сущность. Проводник Духа…
– Какого духа?
– Ну не святого же, – иронично произнес Хозяин. – Я провожу духовное в человека. Не спрашивай, как и зачем – не поймешь. Есть сила и позубастей меня. Есть и над ней еще одна, самая зубастая.
– Боги? Полубоги? Герои?
– Космос.
– Из которого мы черпаем идеи?
Хозяин уловил сарказм и умолк, ожидая моего раскаяния.
– Ладно, – наконец протянул я. – Валяйте дальше.
– Хорошо порой поговорить с критическим умом, – мягко сказал Хозяин. – Так вот, эти самые зубастые силы очерчивают войну. А значит, она должна пройти, и со всеми принадлежностями. Кровь, смерть, молитвы, воющие вдовы и оккупированные территории. Это не мы придумали, это веками до нас существовало повсеместно.
– Допустим, с этим я согласен. Ну и какова же роль Никиты?
– Сложно сказать… Вернее, сложно объяснить. Гляди-ка, все эти высшие силы все очень хорошо рассчитали. А тут их планы нарушают какие-то болваны, которые, к тому же, заручились поддержкой древней и неуправляемой стихии.
– Какой стихии? – не понял я.
– Тоже не поймешь… – огорченно произнес Хозяин. – Ладно, вот тебе все на пальцах. Должна состояться война. Она принесет такие страшные разрушения, что нам всем некуда будет деваться. Однако можно ответить на Главный Вопрос Войны, и все пройдет гладко.
– И вы не знаете ответа?
– Точно знаю ответ на один, догадываюсь об ответе на второй…
– А ответ на третий знает только Никита, – догадался я.
– Да, – подтвердил Хозяин.
– И как же называется эта древняя сила, которая принесет нам разрушения?
– Солнечные Духи, – с грустью в голосе ответил Хозяин.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
ДОМ СКОРБИ

За ним закрылась дверь, над которой была установлена массивная надпись – «Дом скорби».
Никифор оглянулся – и не узнал столицы.
По улицам маршировали полки. Все, как на подбор, в темно-зеленых шинелях, в касках, с двумя латинскими буквами “S” – в форме молнии, венчающими воротники. Вместо привычной рекламы стены домов украшали странные знамена – красный фон, в центре –

белый круг, внутри которого симметричная черная фигура вроде креста, но с согнутыми по прямой линии краями.
Повсюду немецкая и английская речь. Ничего здешнего, ничего из того, к чему привык Никифор, вокруг не было. Никаких признаков того, что когда-то это был его родной город. Кругом, куда ни кинь, все было совсем не таким, как прежде.
«Сколько же я там пробыл?» – судорожно думал Никифор. Показалось, около трех-четырех часов. Однако календарь на другом конце улицы, украшенный странными символами и незнакомыми немецкими словами, показывал, что с тех пор, как Никифор вошел в здание трамвайного завода, прошел уже месяц. Целый месяц Никифор обходился без еды и питья, без крова, и, самое главное, совершенно не выходил на службу. Пребывая в крайнем удивлении, Никифор хотел было обратиться к прохожим – людям в зеленой форме, разговаривающим на малопонятном картавящем языке – однако, сколько он их не окликал, люди делали вид, что не слышат его и даже не смотрели в его сторону. В конце концов, уставший от такого странного поворота событий Никифор подошел вплотную к человеку в форме и подергал за плечо. Тот никак не прореагировал. Никифор ткнул человека в бок и понял, что все усилия бесполезны, а сам он – бесплотен и нем для живых по неустановленным причинам. В абсолютном отчаянии Никифор направился по направлению к ближайшей станции метро, однако, проделав путь в десять-двадцать шагов, понял, что совершенно не знает, где находится. Осмотревшись, Никифор так ничего и не определил и решил идти куда глаза глядят, наобум, чтобы в какой-нибудь точке эта странная местность пересеклась с той, которая входила в его топографические познания, и ситуация прояснилась.
Однако Никифору пришлось идти недолго – на перекрестке его схватил за рукав молодой человек со светлыми волосами и голубыми глазами.
– Вы кто? – возмущенно вскричал Никифор.
– Сфинкс, очень приятно, – парень протянул Никифору руку. – А вы, наверное, Никифор Белена?
– Да, я Никифор Белена, поэт, – с достоинством ответил Никифор.
– Очень хорошо, очень хорошо! – заметно обрадовался неожиданный новый знакомый. – Пойдемте со мной, я покажу вам наше убежище.
– Позвольте, но какое убежище? – удивился Никифор.
– Убежище, где мы проживаем.
– С кем, простите?
– А неважно, – оборвал Никифора Сфинкс. – Сейчас мы направимся прочь через туннель пространства. Приготовьтесь…
– Никуда вы не направитесь, – произнес кто-то третий.
Никифор вскрикнул и внезапно потерял сознание, Сфинкс же очень побледнел и выронил Никифора из рук, непрерывно и очень настороженно оглядываясь по сторонам.
– Кто здесь? – крикнул Сфинкс.
– Потусторонние силы, – ответил голос.
– Я и сам потусторонняя сила, – сказал Сфинкс, пытаясь сохранять самообладание. – Ну-ка, вылезай, а то испепелю.
– Попробуй!
– Вот и попробую! – воскликнул Сфинкс и повел ладонью. Вокруг него пламя встало стеной, оно мерцало, переливаясь цветами радуги, а Сфинкс непрерывно вглядывался в окружающие здания, в проходящих мимо и ничего не замечающих солдат.
– Уходи с дороги, отдай мне мальчишку! – вскричал голос.
– С чего это вдруг? – дерзко спросил Сфинкс. – Кто ты такой? По пророчеству…
– «Пэ прэрэчэствэ»! – передразнил его голос. – Зачем ты пришел? Твой дом – звезда по имени Солнце, там бы и сидел, древний чурбан!
– Захотел и пришел! – закричал Сфинкс. – Ты не вправе меня останавливать, когда речь идет о таких важных вещах!

– Эти вещи касаются только моей планеты!
– С каких пор ты мнишь себя хозяином этой планеты? – возмутился Сфинкс.
– С тех самых, когда я вернулся из небытия!
– Никто не возвращается из небытия, – по-мальчишески недоверчиво фыркнул Сфинкс. – Уходи, а я с Никифором пойду в свое убежище.
– Ну, ты и упрямец, – констатировал голос. – Не будь ты таким сильным и жестоким, я бы уже давно уничтожил тебя к чертям… Но что с тобой сделаешь, ты Древний с Солнца. Верни мальчишку, как только он перестанет быть тебе нужным. Договорились?
– Когда захочу, тогда и верну! – раздраженно выкрикнул Сфинкс и, подняв на руки Никифора, принялся сооружать пространственный коридор. И вот уже блеснул яркий свет, и вот уже Сфинкс потянулся рукой к тому, что виднелось на другой стороне портала, резкий рывок… и Никифор, лишенный какой-либо поддержки, рухнул наземь.
– Он вернется в считанные секунды! – вскричал Хозяин, которому, как уже догадался наш мудрый читатель, и принадлежал голос. – Хватайте мальчишку и рвем когти!
Усатый и рыжий соратники Хозяина подхватили Никифора и скрылись в неизвестном направлении, а я стоял столбом, не в силах произнести ни слова.
– Теперь придется отражать атаки этого гада, – вздохнул Хозяин. – Ладно, полезай на плечи и поехали.
– А я так могу научиться? – спросил я ошеломленно.
– Нет, это либо дано, либо не дано, – ответил Хозяин. – Сейчас будет неприятно… ну ты уже знаешь.
Я кивнул. Путешествие по туннелю портала и действительно было очень неприятным – все тело напрягалось, стучала кровь в висках, тошнило и, к тому же, у меня пошла кровь носом.
– То-то же, – поучительно произнес Хозяин. – У кого-то оно есть, у кого-то нет.
– А как мы спрятались? – спросил я.
– Я – мастер маскировки, – без тени скромности ответил Хозяин. – Я могу спрятать что угодно. Вот прежде, еще, кажется, совсем недавно, я битую неделю морочил голову Изначальнейшим из Изначальных… ты уже понял, что это все значит?
– Пока нет, – честно ответил я.
– Вернемся назад – объясню, – пообещал Хозяин и мы влетели в туннель.
Следующие пару минут путешествия запомнились мне плохо, было очень тяжело и даже больно, и, когда меня выбросило на пол, я почувствовал значительное облегчение. Все в том же темном бассейне нас стало пятеро – Хозяин с его свитой, Никита Бирюков собственной персоной и я, причем у Никиты кровь шла из носа ручьем и он все еще был без сознания.
– Гляди, – Хозяин указал на Никиту пальцем. – Это – хранитель ответа на Главный Вопрос Войны, который ему зададут, когда придет для того время.
– Кто задаст? – удивился я.
– А вот этот самый Сфинкс и задаст, – ответил Хозяин.
– Но это же легенда!
– Все легенды имеют в себе реалистическую основу, – рассудительно говорил Хозяин. – Все сюжеты, даже самые невероятные, приходят к нам из быта, из простой обывательской жизни. Даже если выглядят романтичными и привлекательными. Гляди-ка, он, твой бывший одноклассник, простой парень, знает ответ на Главный Вопрос Войны.
– А вы знаете?
– Откуда же мне знать? Никто не знает, кроме него.
– А откуда вы знаете, что он знает?
– Было пророчество, – заключил Хозяин. – И сказано, что тот, кто именуется Никифор Белена, будет знать ответ на Главный Вопрос Войны, которая разразится вскоре. Ну и мы, соответственно, его нашли первыми. Обманули этого болвана Сфинкса, одурачили, как младенца, и теперь ответ в наших руках… но черт знает, как его выбить.

– А из какого небытия вы пришли?
– Долгая история, – поморщился Хозяин. – Прежде меня звали по-другому, я по-другому выглядел, делал другие дела и за свое любопытство поплатился жизнью. Но оказалось, что из жизни не так-то просто уйти и никто не уходит из нее навсегда.
– Рай? Ад?
– Небытие. Просто черная пустота. Представить не получится, описать тоже, – вздохнул Хозяин. – Но меня и моих друзей выпустили оттуда… Мы договорились с тамошними силами. И снова лезем на рожон, пытаясь удовлетворить свои неуемные умы.
– Что же вы собираетесь делать? – спросил я.
– Узнавать ответ, – улыбнулся Хозяин.
Вдруг Никита Бирюков поднял голову и глянул на нас. Сперва он не узнал меня, помотал головой в стороны, пытаясь вспоминать, откуда же ему знакомо мое лицо, и, в конце концов, радостно завопил:
– Борька! Неаполитанский! Ты?
– Я, – улыбнулся я.
Никита перевел взгляд на Хозяина и прищурился, а потом с расстановкой произнес:
– А вы… здесь хозяин?
И Хозяин лишь тяжело вздохнул в ответ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
ТЕМ ВРЕМЕНЕМ В БОЛЬШОМ ТЕАТРЕ

А тем временем в московском Большом театре начиналось необычное представление. Зал, богато декорированный символикой Рейха, набился доверху, люди сидели на лестницах, в проходах, стояли в дверях, наблюдая за происходящим на сцене. В оркестровой яме отплясывали под собственную не слишком мелодичную музыку странного вида немолодые мужчины – были они бородаты, обтянуты черной кожей, головы их украшали красные банданы, руки и лица сверкали от обилия бижутерии и пирсинга. Наконец на сцену вышел слегка пошатывающийся конферансье в черном фраке и произнес:
– Дамы и господа! Во славу Сакральному Фюреру и нашим высшим покровителям проводим мы сегодня этот благотворительный концерт, а все собранные средства пойдут в помощь голодающим адептам культа Черепахи! Слава Фюреру!
В зале зааплодировали, кто-то даже засвистел.
– Музыкальное сопровождение нашего концерта обеспечивает джаз-бэнд «Три топора» – поприветствуем гостей!
И снова грянули аплодисменты, но на сей раз не столь бурные. Джаз-бэнд, вещающий из оркестровой ямы, разразился короткой мелодической вставкой, после чего по команде бородатого, увешанного украшениями дирижера, умолк.
– И первым номером в нашей концертной программе станет… – конферансье икнул, оглядел зал хмельным взором и продолжил: – Первым номером станет монолог руководителя и духовного отца культа Черепахи – победоносного Дхарамы!
На сцену вышел лысый низенький мужчина с узкими глазами, одетый в оранжевый аляповатый плащ, под которым виднелась броня из какого-то металла с выгравированной на ней огромной черепахой.
– Сбрасывай шелуху, гадая над истиной, – начал Дхарама.
Жиденькие аплодисменты послышались в зале.
– Что ж, собратья мои в войне, я должен сказать вам самое главное, – отчеканил Дхарама. – Культ Черепахи на пороге больших изменений. Мы пришли из дальних краев с тайной миссией и столкнулись с необъяснимыми вещами. Мы, друзья, напоролись на сопротивление, которого никак не могли ожидать.
В зале присвистнули.

– Именно, – кивнул Дхарама. – У нас не лекция, записок из зала я читать тоже не стану. Однако – на что мы рассчитывали? Мы рассчитывали на то, что придем и заберем принадлежащее нам по праву без боя. Однако против нас выступило сразу несколько врагов. Первые называют себя «Потерянными детьми» и борются против всех, не разбирая правых и виноватых и не оставляя нам свободы действий. В их лице мы встретили жестокое и агрессивное сопротивление, полное ненависти и грубой силы, словно ими управляет сам дьявол – чего нельзя исключать в нашем шатком положении. Но самое дерзкое и дикое сопротивление встретили мы среди молодых пользователей Интернета. Свое отношение к нашему делу они шифруют в короткое и непонятное слово «симпоха», и, как не бились наши лингвисты и переводчики, все же до сих пор мы остаемся в неведении относительно происхождения термина и его значения. Эта самая «симпоха» отвечает на деяния культа Черепахи и славное дело Четвертого Рейха убивающим равнодушием. Боюсь, что для наших детей это является наиболее деморализующим фактором, а, к тому же, мы ничего не можем поделать с этой организацией, ведь ее участники вовсе не нарушают условий капитуляции. Надеюсь, каждому здесь присутствующему ясны высокие мотивы нашей миссии и ее неопровергаемая ценность. Поэтому каждый – повторюсь, каждый! – должен сделать максимум, приложить столько усилий, сколько потребуется, для окончательного и бесповоротного искоренения врагов. Благодарю вас, я кончил.

Джаз-бэнд «Три топора» грянул септаккордом; в зале захлопали и засвистели. На сцену вышел конферансье и еще более пьяным баритоном продолжил:

– Спасибо… нашему достопочтенному гостю… а сейчас самодеятельный театр работников трамвайного завода «Вечные ценности» представит вашему вниманию третий акт из пьесы Михаила Убер-Голодранцева «Колодец, в который падает каждый из нас». Прошу любить и жаловать!

Конферансье удалился, а на сцену выкатились трое пузатых мужчин в белых тогах и один из них заговорил высоким штилем:

– Спешил узнать я – но какой удел
нам наши приготовили страданья?

Другой мужчина прервал его и произнес:

– Кабы ты тихо на печи сидел,
познал бы все секреты мирозданья.

Тут в разговор вмешался третий:

– Я не затем пришел в сей падший мир,
чтоб проживать свою судьбу напрасно.

Второй картинно помедлил и наконец произнес:

– Зачем тогда?

Первый вскричал, воздев руки к небу:

– Пусть пояснит Шекспир!

Второй склонил голову, и вновь вмешался третий:

– Такие вещи пояснять опасно.

Долго все трое молчали, нагнетая катарсис, и, наконец, второй заключил, обращаясь к третьему:

– Как прав ты, Телемак, о как ты прав.

Все трое склонили головы, на авансцене погас свет и сомкнулся, а потом вновь разомкнулся занавес. Публика приветствовала актеров шквалом аплодисментов, хлопали долго и даже звали на бис. Наконец актеры все же удалились, а на сцену уже не вышел, а прямо-таки выполз пресловутый конферансье и с трудом проговорил:

– Наконец… заключительным номером… гвоздем программы будет декламация стихов поэта Никифора Белены… мной самолично.

Зал сдержанно захлопал. Конферансье откинул волосы назад и начал читать:

– Моя любовь, она одна.

она не радует меня,
когда любить тебя я б мог,
то был бы я б у твоих ног…
В это время в ложу, где сидел одинокий седой мужчина, ворвался молодой голубоглазый блондин и шепнул что-то тому на ухо. Мужчина немедленно встал, и оба покинули ложу. В коридоре они начали шептаться.
– Я уже было подхватил Никифора, владыка Сет, – спешно говорил молодой. – И вдруг его выхватил этот… Хозяин. Кто он вообще такой?
– И куда же они удалились? – нахмурился седой.
– Не знаю, ни единого следа!
– Что ж, – заключил тот, которого назвали владыкой Сетом. – Ты понимаешь, что произошло, Сфинкс?
– Понимаю, – Сфинкс стыдливо склонил голову.
– Ты понимаешь, что мы сунули в лапы врагов того, кто даст ответ на Главный Вопрос Войны. Ведь он ответит, и ответит правильно, а это нам совсем не на руку.
– Я все понимаю, – повторил Сфинкс.
– Ну что ж, тогда за тобой остается прежнее задание, – произнес владыка Сет. – Как ты думаешь, обрадовался бы отец Ра, если бы узнал, что ты упустил Никифора Белену?
– Нет, владыка Сет, – ответил Сфинкс.
– Ну что ж, разбирайся, и поскорее, – приказал владыка Сет. – Настроение уже окончательно испорчено – до тебя постарались… эти… адепты. Что ж, придется отсюда уходить. До встречи, Сфинкс.
– До свидания, владыка Сет, – учтиво поклонился Сфинкс, и оба тотчас же исчезли, словно рассеялись в пространстве театрального коридора.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
В ПОИСКАХ ОТВЕТА

Поезд, шедший под зелеными знаменами с изображениями хищно вызверившейся шипящей змеи, прибыл на Казанский вокзал ранним утром, а уже пополудни активисты нового движения маршировали по Красной площади. Окрики рейшан и даже стрельба в воздух не остановили их; когда же оккупанты приступили к внедрению чрезвычайных мер, зеленознаменные полки рассеялись по закоулкам, и ругательства офицеров Рейха летели в никуда, преследуя разве только неповоротливых солдат, патрулирующих город, да редких птиц, парящих в сером московском небе.
В Москву, вдобавок к уже существующим многочисленным идеологическим объединениям, прибыли представители новой загадочной организации. Теперь в городе ютились, наравне с воинами Четвертого Рейха, не только «Потерянные дети» и гусары в комбинезонах, не только добродушно-туповатые дети культа Черепахи и их духовные наставники, не только сидящие в своих квартирах и безразличные ко всему происходящему вне сетевые приверженцы «Симпоха», но и новая воинственная партия. Под зелеными развевающимися флагами, под ликом шипящей змеи в Москву вошли Анонимные Алкоголики, наиболее сильные и безрассудные в своем сопротивлении.
У этой организации был единственный, пожалуй, действительно целиком и полностью оправданный повод сопротивляться – закрыв народные массы в своих домах, Четвертый Рейх допустил роковую ошибку. Людей обеспечили пищей, водой, всеми необходимыми для жизни удобствами, культурными ценностями в форме доступа ко Всемирной Сети и телевидения. Однако недальновидные канцлеры Рейха забыли об одном чрезвычайно важном условии существования народа и расцвета нации.
Алкоголь.
Алкоголь, без которого в государстве решались редкие проблемы, во имя которого народ веками совершал подвиги и творил истинные чудеса отваги, граничащей с отчаянием, стал

причиной зарождения самого массового и целеустремленного сопротивления захватчикам.
Алкоголем никого не обеспечили.
И народные массы, усыхающие от тоски в провинциальных городах, ринулись в столицу – отстаивать свое право на счастье и свободу. Однако к ним мы вернемся позже…
Ведь в тот же миг в убежище Хозяина вершилась судьба Главного Вопроса Войны.
Я развалился в мягком кресле и внимательно вслушивался в диалог Хозяина и моего школьного товарища Никиты Бирюкова, которого здесь называли Никифором Беленой.
– Что ж, Никифор, – говорил Хозяин. – Ты знаешь ответ на Главный Вопрос Войны.
– Это как? – недоумевал Белена.
– Ну, гляди, – Хозяин сопровождал свой рассказ характерным ему поясняющим жестом. – Война еще не началась.
– Какая война? – туповато уставился на него Никифор.
– Он ничего не знает, – догадался я.
– Конечно, он провел много времени в Цеглубизе, – вздохнул Хозяин.
– А что такое Цеглубиз? – осведомился я.
– Возьми ноутбук и запусти браузер, – приказал Хозяин, я взял ноутбук из рук рыжего пособника и кликнул по иконке лисы, бороздящей земную орбиту. – Запустил? Теперь вводи – хэ-тэ-тэ-пэ... ну ты сам знаешь... цеглу точка биз.
Я ввел в адресной строке "*ceglu.biz*". Всплыл вполне обыкновенный сайт с заголовком «Продажа кирпича Николаев».
– Что это значит? – удивился я.
– «Цегла» – по-украински «кирпич», – пояснил Хозяин. – Нажми в верхнем левом углу – «версия сайта для прочая».
Я увидел нужную ссылку и перешел по ней. Сайт преобразился. Заголовок был следующим: «Центр Глубинных Изысканий». Ниже шла абсолютно чистая страница, и лишь сбоку красовался рекламный баннер – «Наш генеральный спонсор – трамвайный завод «Вечные ценности». Наши трамваи голов не рубят!», который тут же сменился другим – серым прямоугольником с подписью «Дом Скорби».
– Пусто, – отозвался я.
– Уж не думаешь ли ты, что в Цеглубизе сидят такие дураки, которые станут выкладывать свои секретные наработки в открытый доступ?
– Видел я эти наработки, – пробурчал вдруг Никифор. – Один наркоман, а все остальные – шизофреники.
– Конспирация, – серьезно сказал Хозяин. – А ты лучше отвечай, что знаешь.
– Что отвечать-то? – пожал плечами Белена.
– Ну… положим, если тебе зададут вопрос… такой… «кто ты?» – что будешь отвечать?
– Отвечу, что я – Никифор Белена, поэт, – с достоинством произнес Никифор.
– Это ответ правильный, – одобрительно кивнул Хозяин. – А если тебя спросят, например… э-м-м… ну, например, так – куда ты идешь?
– Куда я иду? – переспросил Никифор. – Ну, допустим, иду я… нет, не знаю.
– Пока на этом остановимся, – заключил Хозяин. – Все это, возможно, лишь пустые догадки. Будем надеяться, что вековой мудрости создавшего тебя Космоса хватит на то, чтобы вложить в тебя ответы на все вопросы, в том числе и на Главный. Что ж, мои маленькие друзья, что прикажете с вами делать?
– Отпустите меня обратно, к сопротивлению, – попросил я.
– Ты столько лишнего знаешь, что тебя можно либо оставить здесь, либо убить, – рассудил Хозяин. – Я – гуманист, в меру своего положения, поэтому останешься при мне. У нас будет свое сопротивление – картишки, дешевые девки, выпивка... Все будет. Честное Изначальное слово.
– Вы обещали рассказать про это самое Изначальное, – робко напомнил я.
– Ах да! – воскликнул Хозяин. – Обязательно расскажу. Только, к сожалению, не сейчас.

– Но почему не сейчас? – удивился я.
– У нас, возможно, будут гости, – загадочно усмехнулся Хозяин.
– Гости? Какие?
– Владыка Сет и его подручный, – неожиданно хмуро и серьезно сказал Хозяин, и я умолк под его властным и тягостным взглядом, осознав все, казалось, безо всяких вопросов.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ
ВОЙНА НАЧИНАЕТСЯ

Раскаленная звезда переливалась насыщенно оранжевыми тонами, словно огромный сочный апельсин. Здесь, вблизи, Солнце не выглядело ласковым источником тепла и света, не напоминало оно и ослепительную точку в небе, палящую жестокими лучами пустынные пески. Звезда, похожая на апельсин – пожалуй, лучше описать Солнце на таком расстоянии никому бы не удалось. На поверхности Солнца никто и никогда не жил – белковые организмы не выдержали бы такого издевательства над собой.
Но сейчас здесь шел совет Древних. Тех Древних, о которых и слыхом не слыхивали на Земле.
На раскаленном троне восседало существо, похожее на человека, однако с головой тигра, а рядом с ним стоял седой мужчина во фраке, который ежесекундно утирал со лба невесть откуда собирающийся пот.
– Говори, – промолвил тигроголовый, глядя в упор на собеседника.
– Сфинкс упустил мальчишку, – прохрипел седой.
– Ты огорчаешь меня, владыка Сет, – тоном образцового сицилийского мафиози сказал тигроголовый. – И не смей перебивать. Давай-ка я проясню тебе еще раз сложившуюся ситуацию.
– Я слушаю и внимаю, отец Ра, – седой покорно склонил голову.
– Вокруг Солнца крутятся планеты, – медленно, чувственно, с расстановкой произнес тигроголовый отец Ра. – Солнце – центр всего. Не всего вообще, но всего, что нас интересует. Солнце греет, но Солнце же и убивает. Сотни сотен сотен веков назад погиб Марс, погиб Сатурн, погибла Венера, не так давно – по крайней мере, для нас с тобой – погиб Меркурий. От чего? От Войны, которую мы ведем. Теперь Война начинается и на Земле. Тысячи лет прелюдий, которые люди называли войнами, разумеется, не в счет. Да и те людские междоусобные стычки нас не касаются. Однако Солнце получило приказ – стереть землян с лица Земли путем Войны. Солнце выполняет приказ. Но на Земле живет парнишка, который может весь этот, на первый взгляд, необратимый процесс остановить. Такие правила. Такие условия выставляет нам Черепаха, и мы обязаны слушаться, потому что в ее воле испепелить нас всех одним лишь взглядом. Так вот, нас трое – я отвечаю за планирование и координацию действий, ты – за принятие решений и отчетность, а твой сынок – за исполнение. Именно ему предоставлено право задать Главный Вопрос Войны тому, кто может на него ответить – а всем остальным место в небытие. И вот этот парнишка, знающий ответ на Главный Вопрос Войны, который может встать у нас на пути в любой момент и мы не посмеем его тронуть и пальцем, не посмеем устранить, будем вынуждены из-за него признаться в провале нашей миссии и отправиться в неизвестные дали Космоса за какими-то черными делами – этот парнишка, которого вчера, до начала Войны, можно было бы запросто похитить и упрятать где-нибудь, сегодня попал в лапы к неизвестной, посторонней организации. Больше того, меня пугает и волнует осведомленность этой неизвестной организации – они стащили его у вас прямо под носом, явно в собственных корыстных целях, то есть, они знают больше, чем мы. Теперь они перевербуют парнишку на свою сторону, и мы, будучи не вправе на него как-либо воздействовать, не сможем от него избавиться до момента, когда придется задавать Вопрос. Помимо того, среди землян действуют наши агенты, которые, однако, сквозь пальцы смотрят на агентов вражеских, коих расплодилось, по моим наблюдениям,

немыслимое количество. Из всего вышесказанного проистекает один вопрос… – отец Ра тяжело вздохнул. – Что же ты творишь, владыка Сет? Ты почему недоглядел? Почему твой дурачок не справился с таким ответственным заданием? Потому что он – дурачок? Не отвечай! Я и сам все знаю. Как же тяжело быть Солнечным Покровителем…
– Не завидую твоей доле, отец Ра, – вежливо отозвался владыка Сет.
– Завидуешь… – вновь вздохнул отец Ра. – Думаешь, это легко – просто приказы всем раздал и сидишь себе, греешься в лучах собственного великолепия? А общение с высшими сферами? А бездарные подчиненные, которым уже столько лет, сколько Майя в календаре не высекли, но они все равно мудрости и осторожности не набираются? Эх, вы… и в особенности – ты, владыка Сет. Мы с тобой родные люди, а ты все равно все делаешь как назло. Не зря тебя египтяне не любили.
– Меня никто никогда не любил.
– Вот только на жалость давить не надо, – поморщился отец Ра. – Давай-ка лучше к делам. Малыша вы упустили, Война уже начинается – пришло время, Черепаха бьет в гонг и напоминает о себе. Теперь можно пойти по двум путям – боем взять убежище этих наглецов, которых я пока определить не могу, отобрать парнишку и привести ко мне – я попытаюсь вбить ему в голову нужные нам мысли. Есть и второй путь – он уже посложнее, и верю я в него меньше, ну так и первый не ахти. Заключается в следующем – выходите на контакт с местными духами и договариваетесь с ними об их безоговорочной капитуляции. Тогда Война вообще не состоится, и задавать Вопрос будет некому. Но Духи всегда сопротивляются, помни это. Вспомни Марс!
– Духи редко умирают, – прошептал владыка Сет.
– Мерзкие они были, – брезгливо произнес отец Ра. – Сейчас вы квартируетесь в Новом Вавилоне?
– Местные называют его Москвой.
– Что мне до местных, у них названия по сто раз на дню меняются. Вот что важно – обрубите на корню всех этих сопротивляющихся, иначе люди заподозрят неладное. К тому же, неплохо бы запустить новость о том, как все хорошо.
– Каким путем? Интернет? Телевиденье?
– Я в этот гадкий Интернет пытаюсь мыслию залезть, а там одни нули да единицы, – пожал плечами отец Ра. – Но пускай будет так.
– Будет сделано.
– И Сфинкса вычитай! Впрочем… – отец Ра помедлил, будто что-то прикидывая, и наконец произнес: – Я, пожалуй, отправлюсь с тобой. На войне как на войне, всегда надо быть в курсе событий, а то я тут чахну от бездействия.
– Как будет угодно, – владыка Сет поклонился.
– Ну что ж, – отец Ра с раскаленной поверхности Солнца вгляделся в далекую Землю и прищурился, – война началась.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ
ПЕРВАЯ БИТВА

Пока с Никифором неизвестным мне образом работал Че – рыжий соратник Хозяина, я, скучая в ожидании настоящего дела, принялся назойливо расспрашивать своего нового командира.
– Что здесь случится?
Хозяин заглянул мне в глаза и произнес:
– Вот гляжу я на тебя, Чертополох, и не понимаю – откуда ты такой любопытный?
– От папы с мамой, – огрызнулся я. – Вы обещали битву, а ничего не происходит – вот я и спрашиваю.
– Здесь случится нечто необыкновенное, – глубокомысленно протянул Хозяин. – Ладно, так и быть, кое-какими деталями дела с тобой поделюсь. Видишь ли, существуют силы…

– Это я уже понял, – перебил его я.
– Дослушай, – спокойно продолжил Хозяин. – Существуют определенные силы, которые регулируют порядок вещей во Вселенной. Мы называем их Древними, на Марсе, к примеру, они величают себя Высшим Воинством, люди чаще используют слова вроде «Боги», «Духи» и все в этом роде. Так вот, эти самые Древние, к которым я имею честь непосредственно относиться, соблюдают, сами того не ведая, древний порядок Космоса, данный тысячелетиями.
От удивления я разинул рот и сидел, уставившись на спокойного, как всегда, Хозяина.
– Так вот, эти самые Древние неукоснительно следуют указаниям вечной силы. Мы умеем летать, проходить сквозь стены, сотворять что-то из ничего, манипулировать материальным и духовным. Но не в наших силах изменить порядок, данный тысячелетиями. Потому что его оберегает сама Вселенная. И случилось так, что иногда эта самая Вселенная нуждается в переменах. Тогда на планете – какой угодно – случается последняя Война, которая уносит жизни всех живых существ, оставляя лишь бесплотных Духов вроде меня. Так заведено. И вот пришло время для Войны. Но у планеты всегда есть шанс спастись, ей прямо-таки подсовывают спасителя, который знает ответ на Главный Вопрос. Этот Главный Вопрос задает исполнитель Войны. И если ответ на него верный – все усилия исполнителя летят в тартарары. Поэтому тот малый, которого ты видел, и пытался похитить Никифора Белену. Зовут его Сфинксом. Он славный паренек, но уж больно деятельный. Я познакомился с ним давно, во время своих путешествий, однако, думаю, в этот раз он не узнал меня – уж слишком я изменился. Я вырвал у него из рук Никифора и теперь буду держать у себя, вцепившись обоими руками, не отдам – потому что не хочу гибели для нашей Земли.
– Но ведь вы не погибнете вместе с ней.
– Не погибну, – вздохнул Падший. – Но есть долг, который я должен воздать. К тому же – что делать мне на совершенно пустой планете? Нечего, я тебя уверяю. Ведь наблюдать за людьми – сплошное удовольствие. Вот я и вернулся, чтобы не дать миру умереть. И приложу для этого все усилия. Последнее десятилетие случилось бурным, много коллизий, много свежих ветров со всех сторон. К тому же, за мной стоит немаленькая сила, которая будет помогать по мере возможности.
– Какая сила? – спросил я.
– Центр Глубинных Изысканий, он же Дом Скорби, замаскированный под трамвайный завод.
– Как странно, – хмыкнул я. – И что все это значит?
– Это своего рода коалиция Духов с планет Солнечной системы. Ведь все эти планеты уже погибли от Войн. Ты этого знать не можешь, но это так. Эти Духи согласились прийти нам на помощь, обеспечили себе достойную маскировку и теперь вовсю занимаются нашим делом. Они помогли мне собрать «Потерянных детей», они инициировали собственное могущественное объединение, которое когда-нибудь вступит в нешуточную схватку с адептами культа Черепахи.
– Это еще кто такие?
– Пока не знаю, – задумчиво ответил Хозяин. – Как только грянет первая битва, станет понятнее.
– Из того, что вы рассказали, абсолютно все звучит очень странно, – произнес я.
– А наша планета – вообще штука странная, – внезапно вымолвил Хозяин. – Ты разве не замечал? На каждом шагу парадоксы. Люди подрастают и говорят, что не верят в сказки, однако многие на полном серьезе в них верят. Сказки им рассказывают по телевизору, по радио, однако чаще всего люди приходят в место, где сказка, как они думают, должна обитать, совершают там разнообразные странные действия, такие себе ритуалы – и все это без тени улыбки на лице. Детство честнее – там все искреннее, и смех, и сочувствие, все словно в последний раз. А взрослые порой верят в такие сказки, которые удивляют даже детей, вгоняют их в ступор. Сказка о том, что дому для сказки нужны деньги на позолоту

купола – разве это не наивность? А потом люди выходят из дома для сказки и не верят никому – даже собственной родной крови. Парадоксы повсюду. Почему у людей отбирают все, что они имели, и вместо того, чтобы встать на собственную защиту, они кланяются тем, кто их обокрал, а те, в свою очередь, относятся к жертвам по-скотски. Разве это правильно? Не так все должно быть. Но кругом странности. Человек просыпается – и перед ним мир, полный возможностей. Он может делать то, что захочет сам, может идти туда, где его ждут, может говорить с теми, кто хочет его слушать. Однако он заглядывает в рот всяческим пройдохам, он верит всему, что ему скажут зазывалы на ярмарке, но не верит собственной, к примеру, матери, у которой на душе всегда только добрые побуждения. Человек просыпается – и идет туда, куда не хочет идти, делает то, что не хочет делать, говорит о том, на что ему наплевать и покупает то, что ему не нравится. Люди стоят в очередях за бумагами, которые нужны, чтобы получить бумаги, которые нужны, чтобы получить еще пачку бумаг. И так оценивается человеческий труд, человеческое вдохновение, человеческий опыт. У людей есть доступ ко всем знаниям Вселенной, но они предпочитают закрывать уши и кричать погромче, чтобы ничего не услышать внезапно. Меньше знаешь, мол, крепче спишь. И люди молчат обо всем, о чем нужно говорить вслух, они скрывают то, что все понимают, однако при этом без умолку лопочут о ненужной лабуде, забивают себе мозги низкопробной поэзией и мечтами, однако не собственными, а украденными у других, одолженными на время у тех, кто уже воплотил свои желания в реальность. А потом человек страдает – потому что не знает, на что он растранжирил драгоценное время своей жизни. Для тебя жизнь одна и она сильно ограничена во времени, а ты ешь, пьешь, спишь – без этого никуда – и делаешь ненужные никому дела. А потом жалуешься на то, что все ушло, что молодости уже не вернуть, что ты не ценил, не слушал и не верил. Жалуешься на то, что ничего не оставил после себя, хотя на каждом шагу у тебя был шанс. Перед тобой лежат многие миры – науки, искусства, самоанализа или умозрения, в конце концов, и только тебе решать, что станет по душе. А ты ешь, пьешь и спишь – это-то все нормально. Но ты никуда не двигаешься. Двигаться тяжело – на пути тернии, часто сомневаешься в своих силах, в своих способностях, но ведь дорога возникает под шагами идущего. А тебе идти некуда.

Я молчал, пораженный и, к своему сожалению, совершенно согласный с Хозяином. Наконец у меня нашлись силы, чтобы промолвить:

– Когда же состоится первая битва?

– Она уже состоялась, – был ответ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ
ЕЩЕ ОДНА БИТВА

– Почему ты так долго?

– Дела.

– Какие дела у Древнего? – укоризненно спросил Демон.

– Семейные, – смутился Заречный.

– Ладно, теперь будем держать совет, – заявил Демон. – Хранитель и Громовержец отказались к нам присоединиться, они говорят, что мы вечно влезаем в какие-то истории, которые потом плохо кончаются.

– А Крокодил?

– Уже здесь. Только тебя дожидаемся.

Сегодня собирались в маленькой, тесной комнатушке, посредине которой стоял круглый столик; на нем были разложены какие-то бумаги. Под потолком горела тусклая лампа, вроде тех, что висят обычно над бильярдными столами. Вокруг стола стояло шесть табуреток, и на одной из них, закинув ногу на ногу, умостился Крокодил.

– Заречный Дух, здравствуй, – приветствовал он Заречного.

– Здравствуй, Воплощенная Боль, – отозвался по обычаю Заречный. – Что у нас произошло?
– Дурдом какой-то, – произнес Крокодил настороженно, и Заречный с ужасом осознал, что Крокодила редко что-то будоражит или пугает, и если уж это так, то новости должны быть и вправду угрожающими.
– Что ж, к делам, – начал Демон. – Недавно я почувствовал кое-что очень необычное. Выходя из Безвременья, я ощутил, что в мире появились эманации Духов… не тех, что нам известны.
– Что-то определенное? – спросил Крокодил.
– Мимо прошел яркий свет. Не Громовержец, как обычно бывает при подобной вспышке, а кто-то другой. Словно не с нашей планеты. Помните, что говорил нам Падший перед уходом в небытие? О чем рассуждал? Может быть, они вторгаются на Землю?
– Зачем им вторгаться? – пожал плечами Крокодил.
– Мало ли – отомстить за гибель своих миров, учинить тут погром.
– Появился кто-то посторонний, – зловеще сказал Заречный. – И теперь мы должны его вычислить… и убить.
– Зачем же убивать? – удивился Демон.
– А вдруг он растреплет людям о нас? – спросил Заречный.
– Вряд ли он понимает, что нам до этого есть дело, – вмешался Крокодил. – Может быть, это контакт?
– После того, как у них побывал Падший, они могут знать о Земле немало, – сказал Демон. – Да и контакт вряд ли бы кого-то заинтересовал. Тут вообще творятся необычные, странные вещи. Эта странная бескровная война, эти странные и многочисленные организации… Поэтому мы и собрались здесь, в Москве – нам нужно выяснить, что происходит и зачем это все придумано.
– Давайте выяснять, – проскрипел Крокодил. – Предположим, что на планету кто-то пришел. Ходит здесь, хозяйничает, организовывает бескровную войну… С какой целью? Нет крови – нет приношения, нет и подъема силы. Яркая вспышка означает, что Древний очень силен, уровня Изначальных, или даже еще повыше. Мы этого знать не можем. Зачем бескровная война? Изолировать население, увести его от проблем, которые гораздо важнее. В стране будет происходить кое-что, что гораздо страшнее приношения, что-то, пожалуй, более глобальное. Предположим, что действие всегда порождает противодействие. То есть, все это обилие организаций связано с тем, что за событиями стоит не одна сила, а несколько. Давайте глянем, какие у нас представлены организации, – Крокодил указал на стол, на бумаги, разложенные повсюду. – Воинствующее патриотическое сопротивление, «Скажи-ка, дядя». Действуют редко, слабо организованы, явного предводителя не имеют. В Интернете пропагандируют со средней активностью. Сложно утверждать, что за этими стоит кто-то серьезный. Согласны?
– Угу, – хором ответили Демон и Заречный.
– Дальше, – продолжал Крокодил. – Воинствующее, философское, видимо, сопротивление, «Потерянные дети». Действуют часто, организованы отлично, предводитель неизвестен, в Интернете не пропагандируют. Нападают очень агрессивно, ни с кем не вступают в контакты. Вывод?
– Есть у них предводитель, – произнес Демон. – Какой-то Древний за ними стоит. Тут догадаться несложно.
– Наверняка ты прав, – согласился Крокодил. – Теперь – воинствующее… не знаю, в общем, как это обозвать правильно. Анонимные Алкоголики. Действуют с неопределенной частотой, организованы на высшем уровне, предводитель неизвестен, в Интернете не представлены вообще. В настоящее время рассеялись по столице, видимо, ждут подходящего часа для выдвижения. Кто за ними стоит?
– Случай, – пожал плечами Демон. – Людская безрассудная отвага, храбрость и молодость.

– Соглашусь и тут, – кивнул Крокодил. – Вот еще… адепты культа Черепахи. Действуют постоянно, организованы… Предводитель – Дхарама Башья, откуда взялся – неизвестно, в архивах пусто. Одобрены властью Четвертого Рейха… В Интернете пропагандируют с высокой активностью.
– Зомбированные, – заключил Заречный.
– Это верно, но есть за ними Древние или нет – сложно сказать однозначно, – произнес Демон. – Что это за Черепаха такая?
– Что-то такое припоминаю... – начал Заречный, наморщил лоб и долго думал, однако в итоге сдался и вздохнул. – Нет, не скажу. Вечно мне эта Черепаха память мозолит, а к чему она – непонятно.
– Любопытно, – задумчиво протянул Демон. – А кто еще остается?
– «Симпоха», – сказал Крокодил. – Люди, сидящие по своим квартирам и совершенно равнодушные ко всему происходящему. Кстати, название происходит от двух русских слов, которые это самое всеобщее равнодушие в его самой грубой форме и обозначают.
– Это какие? – глуповато спросил Заречный, но в ту же секунду хлопнул себя по лбу и понимающе захихикал.
– Это, в общем-то, и не организация даже, – сказал Крокодил. – В счет не берем. Все, больше ничего не осталось.
– Постой, а как же этот… – Демон нахмурился, пытаясь вспомнить название. – Центр этот?
– А! – воскликнул Крокодил. – Центр Глубинных Изысканий. Не вполне организация, но тоже любопытно. Значит, располагаются они…
Вдруг лампа погасла, и дверь в комнатку распахнулась. Раздались приглушенные голоса:
– Рихард, арканьте их, а я пока открою портал…
– Вот и они! – вскричал Демон. – Пришельцы! Заречный, огня!
В ту же секунду Заречный возжег под потолком с десяток лампад, и в их ярком свете стали видны очертания двух мужчин. Один держал в руках натуральную рыбацкую сеть, а другой сжимал какой-то странный предмет – вроде стеклянного ромба.
– Пора! – крикнул мужчина с рыбацкой сетью. Комната воспламенилась, мужчина накинул сеть на Демона и Заречного, а Крокодил воздел руки к небу, творя какое-то чудовищное проклятие. Но сеть оплела и его, пламя объяло всех троих Изначальных и стеклянный ромб словно втянул их в себя. Все это происходило в полной тишине, запутавшиеся в сети Демон, Заречный и Крокодил не могли вымолвить ни слова, они были обездвижены и лишены сил.
– Малой кровью справились, Тит, – констатировал мужчина с сетью. – Теперь попробуем уладить этот вопрос мирным путем.
– Как тяжело удерживать мир, когда хочется воевать, – вздохнул второй.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ
ЗНАКОМСТВО С НОВЫМИ ТОВАРИЩАМИ

– Вот и свиделись.
Заречный открыл глаза, пытаясь в бездонной тьме нащупать хоть какие-то очертания. Пусто. Сил воздействовать не было, и он не нашел ничего лучше, чем спросить:
– Кто здесь?
– Все свои, – ответили ему. Моментально вспыхнул яркий свет, и Заречный увидел уже знакомую ему парочку – тех самых мужчин, которые похитили их; однако ни Демона, ни Крокодила в комнате не было. Стены, выкрашенные в желтый цвет, облупились, на них проступали надписи в основном мистического характера – проклятия и заклинания, однако изложенные лексикой, непринятой в приличном обществе и совершенно уж недопустимой в компании дам.

– Ну что, Заречный Дух, попался? – иронично спросил тот, кого накануне называли Титом.
– И что с того? – огрызнулся Заречный.
– Мы поступаем во благо, – ответил второй, которого именовали Рихардом. – Не спеши паниковать. Твои друзья в надежном месте, с ними ничего не случится – они беседуют с тем, кто нас отправил.
– И кто вас отправил?
– Скоро узнаешь. Он сам тебе расскажет, – произнес Рихард. – А пока расскажи, до чего вы успели додуматься.
– До того, что за всеми кто-то стоит, – сказал Заречный.
– Я так понимаю, ты не вникаешь, – вздохнул Рихард.
– Мне домой нужно, к жене, – жалостливо заныл Заречный. – Она волнуется…
– Лунь тоже здесь, у нас, – заявил Рихард.
– А она-то вам зачем? – удивился Заречный.
– Скоро все-все поймешь, – ответил Рихард. – Меня попросили простым языком тебе объяснить, что происходит. В общем, пока вы, Изначальные, хранители людей, в ус не дуете, к вам на Землю пришла чрезвычайная угроза. Это сила, которая пытается уничтожить жизнь на вашей планете – таков был высший приказ. Об этом прознал твой добрый друг и решил не допустить подобного. Но с вами, Древними, сложно договориться, поэтому мы решили вас захватить врасплох, доходчиво объяснить ситуацию, пока вы не сопротивляетесь, и потом отпустить. Возможно, вы захотите к нам присоединиться, возможно, захотите вместе с нами поучаствовать в спасении Земли. Но, как я понимаю, вы уже начали действия – по крайней мере, держали совет. Мы схватили вас – и вот вы здесь. Пока у них там идет тяжелый разговор, мы развлечем тебя ответами на твои вопросы.
– Да у меня особо нет вопросов, – пожал плечами Заречный. – Я не связан, но без сил. Не могу вам противостоять. Друзей своих тоже не чувствую поблизости. Расскажите, что за угроза и что в связи с ней нужно предпринять.
– А угроза страшная, – ответил Рихард. – Война.
– Людская? Она нас не касается.
– Нет, другая Война… Мое имя – Рихард. Я – Дух с планеты Марс.
Заречный охнул от удивления.
– Мы, марсиане, отправились на помощь Земле для того, чтобы спасти ее от того чудовищного разрушения, которое пришлось на нашу долю, – продолжал Рихард. – Когда-то давно на нашей планете разразилась война, которая, в конце концов, унесла жизни всех живых существ. Мы остались одни. Мы соскучились по живым. Теперь мы не хотим такой же судьбы и для вас. Когда мы узнали, что война на пороге – сей же миг отправились сюда.
– А как вы это узнали?
– Владыка Сет и его сын Сфинкс покинули Солнце и двинулись на Землю. Это случается лишь с одной целью.
– Это Древние?
– Да, причем настолько, насколько ты себе представить не сможешь, – загадочно произнес Рихард. – На Земле мы встретили вашего друга, Древнего с тяжелой судьбой, обсудили с ним положение дел и узнали о Главном Вопросе Войны. Это такой вопрос, который должен задать Сфинкс перед уничтожением жизни на планете. Так вот, путем долгого анализа и колебаний мы обнаружили человека, который знает ответ на этот вопрос. Им оказался Никифор Белена из Москвы, посредственный поэт и журналист. С трудом мы подстроили ему приманку и сквозь чрезвычайно сложный портал Красной Комнаты перевезли в марсианское Безвременье – у нас это называется Место Духов, но для Никифора мы представили все это как Центр Глубинных Изысканий, что-то вроде античного подиума философов. Не спрашивай, зачем – у нас есть свои секреты, поверь,

что это был наиболее простой и безболезненный путь для решения проблемы. Однако произошло непредвиденное – в день, когда мы собирались передать Никифора нашему общему другу и ждать дальнейших приказов, миссия была разоблачена. Владыка Сет ворвался в наше Безвременье и превратил его в Дом Скорби, в котором ты сейчас и находишься. Мы были вынуждены подстроить для Никифора спектакль, чтобы он ничего не заподозрил и не выдал себя перед Сетом. И дальше нам предстоят тяжелые бои за него, вплоть до дня, когда будет задан Главный Вопрос Войны, и Никифор даст на него верный ответ. После этого Война закончится, и мир будет спасен. А пока мы на военном положении, люди живут в своих домах обособленно, почти не общаются между собой, и лишь некоторые активно выступают на той или иной стороне. Здесь, в Москве, завелось несколько организаций… ну да, вы их уже обсуждали. Так вот, эти организации служат разным силам, и отвечают за разные аспекты будущей войны. «Потерянные дети» на нашей стороне, «Скажи-ка, дядя» – кажется, оплот человеческого сопротивления, Алкоголики тоже, «Симпоха» для нас не представляет интереса, потому что вообще не является организацией – вы это уже обсуждали перед тем, как мы вас нашли. А враги наши – адепты культа Черепахи. Их мы должны опасаться, с ними должны бороться. Понял?
– Понял, – кивнул Заречный. – А откуда мне знать, что вы говорите правду?
– Думаю, твои друзья убедят тебя в этом, – ответил Рихард, и тут же в дверном проеме появились Демон и Крокодил. Демон недоверчиво глянул на Тита и Рихарда и сказал Заречному:
– Он предлагает свободу или борьбу. Ты что выберешь?
– Кто он? – удивился Заречный.
– Пока неважно, – поморщился Демон, словно от боли. – Свободу или борьбу?
– Конечно, борьбу, что за вопрос, – пожал плечами Заречный.
– Крокодил еще колеблется, – произнес Демон. – Лунь и я тоже выбрали борьбу. Но самое главное, что мы теперь видим всю картину происходящего.
– Я почти ничего не понял, – сказал Заречный.
– В процессе поймешь, – ответил Демон. – Ну что ж, теперь выбор за Крокодилом – и будем действовать.
– Не знаю, – покачал головой Крокодил. – Сложно пока решать… может, без людей нам будет лучше.
– Не будет, – возразил Рихард. – Поверь нашему печальному опыту.
– А, была не была, – махнул лапой Крокодил. – Я выбираю борьбу вместе с вами. А теперь давайте покажем Заречному нашего… эм-м… друга. Хочу посмотреть на его отвисшую челюсть.
– Согласен, – кивнул Демон и открыл дверь. Заречный уставился на проем, в котором вырисовывались неясные очертания, словно не человек там стоял, а животное. Наконец гость вошел в желтую комнату, и Заречный замер.
На пороге стоял черный медведь.
Падший.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ
ВСЕ В СБОРЕ

Сельма развлекала меня беседами уже третий час. Многое стояло ясно – и причины появления «Потерянных детей», и происхождение их покровителей, о котором я начал догадываться еще до этого разговора. Однако все еще оставалось загадкой – с кем и когда мы начнем бороться.
– То есть, «Потерянные дети» – это протест, вызов всему обществу? – спрашивал я.
– Это не вызов, а обвинение, – спокойно отвечала она, повторяя мне свои азбучные истины в сотый, наверное, раз. – «Потерянные дети» – это мы все. Все, убитые

бездарными педагогами, нечуткими родителями, жестокими сверстниками. В нас умерли стремления, умерли таланты, умерли вечные ценности. Мы – всего лишь носители пустой и никому не нужной информации. В семьях нам не позволяли делать то, чего мы хотим, однако заставляли делать то, что мы ненавидим больше всего на свете. И мы остались одни. Знаешь, когда родители принимают решение оставлять ребенка, они берут на себя колоссальную ответственность. Получается, что мать порождает на свет еще одну обездоленную душу, обреченную на страдания. Об этом страшно думать, но так оно и есть. Поэтому, давая ребенку жизнь, нужно обеспечить ему все необходимые условия для того, чтобы это было на самом деле похоже на жизнь. Хочет бежать из дома – пусть. Пусть увидит мир во всей его красоте. Хочет игрушки – да пожалуйста, какие больше по вкусу. Хочет друзей – пусть выходит на улицу и находит друзей. Это все прекрасно, это та жизнь, которую стоит прожить, которая, несмотря на всю свою бессистемность и инфантильность, не нуждается ни в каких искусственных дополнениях. Теперь понимаешь?

– Понимаю, – кивал я, пытаясь переварить услышанное.

– А ведь мы собрались сами. Просто Хозяин указал нам путь, дал оружие и убежище для того, чтобы мы победили в этой войне, чтобы мы вернули себе то, на что имеем право.

– Понимаю, – повторил я.

– И сын Хозяина тоже с нами.

– Сын Хозяина? – удивился я.

– Да, – подтвердила Сельма. – Его зовут Илия. Он тоже где-то в убежище. Только вряд ли он с тобой заговорит.

– Это еще почему?

– Он – вроде как… дикий, – прошептала Сельма.

– Дикий?

– Да. Он – самый отчаянный из «Потерянных». Хозяин двенадцать лет назад, будучи еще во плоти, имел отношения с простой земной женщиной – вроде меня. И у нее родился ребенок, а Хозяин куда-то исчез, точно не знаю. Теперь вот этот ребенок подрос, и Хозяин его нашел, но Илия не подпускает к себе никого, он очень зол, он – воплощенная ненависть. Он не может простить отцу несчастного детства, а людям – попустительства. Мне кажется, если выпустить его из комнаты, он перегрызет глотки всем живым в радиусе многих километров.

– Зачем же он здесь? – спросил я.

– Хозяин утверждает, что испытывает вину и какие-то отцовские чувства, но, полагаю, малыш – всего лишь оружие. Страшное, неимоверно разрушительное оружие, – вздохнула Сельма. – Мне жаль его, в той же мере, в какой жаль себя. А ты? Ты тоже «Потерянный»?

– Нет, я другой, – покачал головой я. – У меня все было попроще. Я любил своих родителей, и многих друзей любил, и свою страну. Мне нравился мир… пока он не покатился по наклонной.

– Это не мир катится по наклонной, это мы сгибаемся под тяжестями, – задумчиво произнесла Сельма. – А ты молодец, что не сдался. И как тебе это удалось?

– Да вот так и удалось, – пожал плечами я. – Прятался я в сталинском доме, предназначенном под снос, воровал в магазине по соседству еду и теплые вещи. Иногда ухитрялся утащить ящик с продовольствием из-под носа этих… Как-то само собой получалось. Ну и диверсии…

– А ты не думаешь, что была у тебя рука направляющая? – спросила вдруг Сельма.

– С чего бы мне так думать?

– Ну, гляди – кругом камеры, кругом солдаты, кругом шпионы и предатели, а ты так легко со всем этим справился, и до сих пор жив. Может быть, за тобой кто-то есть?

– Я так не думаю.

– Ты можешь просто не знать.

– Это верно, однако кому я нужен? Ведь даже Хозяин взял меня случайно, только для того, чтобы выйти на Никиту… ну, на Никифора…
– А если и ты нужен Хозяину? – голос Сельмы был угрожающе серьезен.
– Тогда я спрошу его об этом.
– Так спрашивай, – раздался веселый голос Хозяина. Он тут же вошел в помещение, улыбаясь и прямо-таки сияя от радости. За ним семенили двое его помощников – рыжий и усатый – а следом шли еще шестеро, которых я не знал. Разношерстная это была толпа, и на крайность удивительная. Крокодил в костюмчике, полненький лысый мужчина, держащий за руку прекрасную юную деву, красивый статный брюнет в старомодной жилетке, дымящий трубкой, и двое безликих сопровождающих в полосатых сорочках с карикатурными надписями «Цеглубиз дает отпор».
– Ну что ж, почти все в сборе, – произнес Хозяин. – Нам предстоит нелегкий бой, да не один, и в конце дело разрешится – а в чью пользу, это еще вопрос. С нами нет лишь двоих – Никифора Белены, ему сейчас не до этого, он готовится к важному испытанию; и моего сына, возглавляющего теперь «Потерянных детей», который просто вряд ли захочет с вами знакомиться. Очень своенравный паренек, знаете ли. Но я им все равно горжусь.
– Ну и аферу ты закрутил, Падший, – покачал головой брюнет.
– Что ж, теперь познакомимся, – предложил Хозяин. – Это Сельма, отчаянная активистка «Потерянных детей», моя помощница… А рядом с ней – революционер и боец за справедливость, почтенный Чертополох… не вставай, что ты! Он смышленый малый, и все схватывает на лету – не чета тебе, Заречный Дух! Что ж, теперь представлю остальных, – кивнул Хозяин мне и Сельме. – Перед вами сильнейшие Древние Земли и Марса. Моих помощников вы уже встречали, но до сих пор не знаете их имен. Это – Бог-Буйвол и Чердачник, смелые воины, моя свита, если можно так выразиться. Теперь глядите сюда, – он указал на брюнета, – это Демон. Изначальная Сила, Воплощенный Страх. Трепещите! – расхохотался Хозяин. – Наконец, эта прекрасная пара – Заречный Дух и его супруга, дриада Лунь. А Крокодила и представлять не нужно.
– Это верно, – подтвердил Крокодил.
– Остались только марсиане, – продолжал Хозяин. – Для вас это – Рихард Людвигович Напрасный и Тит. Позвольте не раскрывать их биографий – вследствие колоссального различия между марсианской и земной цивилизацией вы вряд ли поймете логику их жизненных путей. Однако существа они в высшей мере достойные, – заключил Хозяин. – Что ж, теперь все в сборе. Начнем совет.
– Повторюсь – это афера, – сказал Демон.
– Ты предлагаешь что-то взамен? – иронично осведомился Хозяин.
– Я предлагаю проверить информацию.
– Я склонен доверять Рихарду и Титу.
– Тогда нужно вступить в переговоры с этим самым владыкой Сетом.
– Ты просто его не знаешь, – фыркнул Хозяин. – Он испепелит тебя за секунду до того, как ты приблизишься к нему хотя бы на сто метров. Они – Духи со Звезды. Они сильнее нас во много тысяч раз. Только вместе мы сможем дать отпор и заставить Сфинкса задать Главный Вопрос Войны – а потом ответить на него в нашу пользу. Пойми…
– Простите, Хозяин, – вмешался я. – А почему же они не отвоевывают Никифора?
– Они называют тебя Хозяином? – насмешливо поинтересовался Демон.
– Да, да, да! – воскликнул Хозяин. – На самом деле, мое имя – Хьюн Стаг, а прозвище – так уж повелось – Падший. Но здесь начинается новая история… Ведь я вернулся с того света, Демон, – произнес Хозяин очень серьезно.
– Я все еще не понимаю, как и почему, – покачал головой Демон. – Но знаю только одно – мы ввязались в опасную игру и никто не сможет гарантировать нам такое же чудесное воскрешение.
– Увы, – вздохнул Хозяин.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ
САКРАЛЬНЫЙ ФЮРЕР

Комната Никифора Белены была совершенно белой, из мебели в ней не было ничего, кроме стола с пачкой чистой бумаги и перьями, табуретки и кровати – все это также переливалось ослепительной белизной. Сам Никифор расхаживал по комнате взад-вперед, обдумывая свое тяжелое положение и пытаясь найти ответ на вопрос, заданный ему Хозяином:

– Куда ты идешь?

Ответа не было. То ли потому, что Никифор никуда не шел, то ли вражеские интервенты мешали ему размышлять.

Внезапно Никифор услышал гулкий удар – один, затем второй. Звук приближался, становился все громче и увереннее – и, наконец, стена комнаты рассыпалась вдребезги, словно стеклянная. В зияющем пустотой проеме появилось лицо уже знакомого Никифору молодого человека, который, ни слова не говоря, поманил поэта пальцем.

– Что вам нужно? – испуганно пролепетал Никифор.

– Пойдем со мной, – приказал паренек.

– Не хочу я с вами никуда идти. Вы – Сфинкс, вы хотите сжечь эту планету дотла!

– Ничего, тебя мы спасем, – ласково сказал Сфинкс. – Пойдем же!

– Я не пойду, – твердо ответил Никифор, и вдруг в комнату ворвался Хозяин, а с ним – уже знакомые Никифору Рихард Людвигович и Тит.

– Гоните его! – вскричал Хозяин. Никифор закрыл глаза и упал на пол в предчувствии беды. Он слышал, как над головой полыхало пламя, как могущественные силы боролись друг против друга. Он слышал удары, слышал, как падали на пол кирпичи, его голову осыпала кирпичная крошка и пыль. Голова резко разболелась, стало жарко. Кто-то ухватил Никифора за плечи, пытаясь поднять, однако тщетно. Наконец, все стихло и стало темно. Удары раздавались где-то далеко, слышен был легкий шум и крики, но уже на значительном расстоянии. Никифор решился открыть глаза. Кругом не было ни души, в полной темноте он двигался на ощупь, пытаясь доползти до источника света. Со временем глаза свыклись с мраком, и Никифор разглядел осыпавшиеся стены, разбитую мебель и темный коридор, который вел в неизвестном направлении. По полу были раскиданы бумаги, битое стекло, обломки камней и разорванная ткань неидентифицируемого цвета. Никифор приблизился к отверстию в стене, сквозь которое пробивался лучик света – неизвестно, солнечного, лунного или еще какого. Где он был – сказать сложно. Или это пресловутое Безвременье, о котором Никифор порядком наслушался от Хозяина, или все та же Москва – теперь было уже все равно. Никифор решил не ждать сюрпризов судьбы и действовать самостоятельно.

В темноте ему привиделось, что на полу лежит какое-то оружие – то ли нож, то ли кинжал – и Никифор поспешил поднять трофей. Однако с разочарованием он осознал, что в руках его вовсе не железо, а обыкновенная бумага, свернутая в трубку и почему-то отливающая металлическим блеском. От безысходности положения Никифор развернул бумагу и поднес ее к лучику света, пытаясь разобрать извилистые сплетения букв. Текст был написан на русском, каллиграфическим почерком, и заголовок его гласил следующее:

«*ПЛАН БАРБАРОССА – РА*».

«Скучное, наверное», – решил Никифор, однако за неимением лучшей альтернативы продолжил чтение:

«Читать лицам, приближенным к ОТЦУ НАШЕМУ РА. Другим строго-настрого не читать. Этот документ является необязательным приложением к Сакральному Кодексу Войны и предназначен для хранения на память.

2016 года по людскому летоисчислению наступает КОНЕЦ СВЕТА ЛЮДЕЙ. На то воля ЧЕРЕПАХИ, и мы, скрепившие этот договор, не смеем ее осуждать. В связи с наличием выдающегося опыта в сфере уничтожения жизни на планетах (наши проекты – Меркурий,

Плутон, Венера, Юпитер, Марс, Сатурн), Солнечные Духи составляют для воплощения в жизнь следующий план:
1. Планомерно наблюдать за людьми в целях поиска ИЗБРАННОГО, готового ответить на Главный Вопрос Войны, который, как известно, является бичом КОНЦА СВЕТА. Таким образом, целью Солнечной Команды является собрать сведения о потенциальных ИЗБРАННЫХ, найти того из них, кто действительно готов ответить на Вопрос, и предложить ему выгодные условия сотрудничества – БЕССМЕРТИЕ, ЗЕМНЫЕ БЛАГА НА ЛЮБОЙ ПЛАНЕТЕ, ОГРАНИЧЕННОЕ КОЛИЧЕСТВО ЛЮДЕЙ, ПРИГОДНЫХ ДЛЯ СПАСЕНИЯ и прочая.
2. Организовать на Земле подобие боевых действий с минимальных потерями для создания у ИЗБРАННОГО образа безысходности происходящего. Для этого использовать наиболее угрожающие формы. Примечание: для землян таковыми являются дискриминирующие объединения и, в крайнем случае, секты.
3. Пресекать все попытки сопротивления со стороны других Духов, в том числе и с посторонних планет. В контакты не вступать.
4. Пресекать все попытки сопротивления со стороны землян.
5. В целях безопасности от случаев не давать землянам свободы передвижения и действия. Для таких целей хорошо подходят следующие средства: Интернет-зависимость, телевизионная пропаганда и прочая.
6. Ответственным за планирование операции назначается ОТЕЦ РА, ВЫСШИЙ ХРАНИТЕЛЬ СОЛНЦА, ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДУХ ГАЛАКТИКИ.
7. Ответственным за отчетность назначается ВЛАДЫКА СЕТ, ВЫСШИЙ ДУХ ЗЛОГО УМЫСЛА.
8. Ответственным за выполнение операции назначается СФИНКС, ВЫСШИЙ ДУХ ВОЙНЫ.
9. В частности, главным и наиболее опасным врагом операции может являться некто ХЬЮН СТАГ, на планете Земля имеющий прозвища: Враг, Друг, Падший, реже именует себя Хозяином.
10. Для страховки обеспечить одно из воюющих государств САКРАЛЬНЫМ ФЮРЕРОМ, выполняющим роль наиболее страшного чудовища-антипода в глазах ИЗБРАННОГО. Таким образом, страх перед чудовищем заставит ИЗБРАННОГО закончить существование планеты дачей неправильного ответа.
Заверено ОТЦОМ РА как подлинный документ. Подтверждено младшими сотрудниками.
От *4 марта 2013 года*.
Позднее дополнение: ХЬЮН СТАГ ушел в НЕБЫТИЕ.
Еще более позднее дополнение: неизвестными путями ХЬЮН СТАГ вернулся из НЕБЫТИЯ, в связи с чем представляет еще большую опасность.
Последнее дополнение: свидетелем документа является сама ЧЕРЕПАХА, и имя МОЛОХА. Под эгиду нашего учреждения переходит предательское предприятие «Вечные ценности», которое осуществляло материальную и духовную поддержку неизвестного астрального пространства. Ныне предприятие переведено в автономный режим.
Печать, подпись.
На все воля *ЧЕРЕПАХИ*».
Ошарашенный, Никифор не мог вымолвить ни слова. Вселенские тайны открывались ему, он постепенно догадывался до того, что мгновение назад прочитал документ, заверенный самим мирозданием. Впечатление было неизгладимым, у Никифора быстро-быстро стучало сердце, предательски потели руки и ноги, и он не мог оторвать глаз от пресловутой бумажонки. Однако вдруг раздался резкий удар, Никифор глянул в конец коридора и похолодел.
Там рвало и метало гигантское существо в зеленом мундире и с загнутым крестом на шее. Лицо его, если это можно было назвать лицом, было украшено неприятными маленькими усиками, глаза выглядели яростными, разгневанными, и Никифор выронил документ из

рук. Существо агрессивно выкрикивало фразы на немецком, значения которых Никифор, однако, не понимал, но в ту же секунду к нему пришла мысль о том, что это наверняка и есть тот самый Сакральный Фюрер. Никифор поднял бумагу и бросился наутек. Фюрер ринулся следом, не переставая изрыгать, видимо, проклятия, нещадно картавя. Никифор бежал так быстро, как мог, однако внезапно споткнулся и упал лицом в груду камней. Преследование вроде бы прекратилось. Свет озарил лицо Никифора, в отверстии стены он сумел разглядеть смутные очертания московской улицы. Никифор опустил глаза, удостоверяясь, что поднял нужную бумагу, не оглядываясь на Фюрера, опасаясь схватить сердечный приступ от увиденного. Однако документ преобразился – на нем не было каллиграфических надписей, лишь карандашные строчки «спешащим» почерком. Никифор перевернул бумагу и увидел уже знакомую страницу инструктажа. Тогда любопытство разобрало его, и он решил прочесть оборот. Вот что гласили сбивчивые строчки:
«И первым вопросом будет:
– Кто ты?
И ответит Избранный:
– Я – Никифор Белена, поэт.
И вторым вопросом будет:
– Куда ты идешь?
И ответит Избранный:
– Я иду домой.
И главным вопросом будет...»
Последним, что ощутил Никифор, был сильный, тяжелый удар по голове. Больше он ничего не запомнил. В бреду ему показалось, что устрашающий Фюрер несет его на руках, слегка покачивая, однако было ли это так на самом деле – нельзя сказать наверняка. Сознание Никифора помутилось, и что ему предстояло теперь – не знал еще никто.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ
ИГРА

Облаченные во фраки мужчины и женщины в изящных вечерних туалетах стекались в Нескучный Сад к Охотничьему домику. Был уже поздний вечер, в небе горели звезды, окрест лежала опустевшая, безлюдная Москва. Вспыхнули огни, и посетители домика вошли внутрь, сгрудились вокруг игрового стола, разделенного на сектора, с волчком, установленным посредине. Много здесь было знакомых и незнакомых лиц, и перечислять их всех сейчас нету никакой надобности. Зловещая космическая музыка заиграла, становясь все громче и громче, и сквозь нее пробился искаженный до неузнаваемости басистый голос Сфинкса:
– Московское время двадцать один ноль три. Юбилейная финальная игра Конца Света.
Посетители домика зааплодировали. Операторы сновали туда-сюда в поисках подходящих ракурсов, и на своих экранах телезрители увидели домик со всех сторон, а потом и людей внутри. Нарядно одетые, лощеные, те храбрились, создавая видимую невозмутимость, хотя в душе каждый из них трепетал, осознавая значимость момента.
– Вавилон, Рим, Атены, – перечислял Сфинкс, а распорядитель зала укладывал в сектора аккуратные конверты с соответствующими подписями, – Мидгард, Плутон, Суперблиц…
Наконец города были названы. Грянул торжественный фрагмент из оперы Штрауса – «Так говорил Заратустра». Голос произнес:
– В игре Конца Света против наших телезрителей будет играть лучшая команда всех времен и народов. Итак, Дух Кухонного Протеста – Заречный… революционер по призванию, человеческого рода – Чертополох… Воплощенная Боль, от Изначальных – Крокодил…

Под аплодисменты зала соответствующие лица, включая меня самого, заняли свои места за игровым столом.
– Изначальный, Дух Страха Перед Неизведанным – Демон… – продолжал Сфинкс. – Избранный для ответа на Главный Вопрос Войны, знаменитый, выдающийся поэт – Никифор Белена… и капитан команды, Изначальный, вернувшийся из небытия Хьюн Стаг, он же Падший!
Грянули аплодисменты.
– Финальная игра Конца Света… Телезрители против знатоков… Игра до шести очков… Счет ноль-ноль… Первый раунд!
Ударил гонг. Распорядитель запустил волчок, заиграла «Дикая лошадь» в исполнении джаз-оркестра Мелконова.
– Интересы зрителей в нашей сегодняшней игре защищает предводитель культа Черепахи в городе Москве – Дхарама Башья! Добрый вечер, господин Дхарама.
– Добрый вечер, господин ведущий, – доброжелательно отозвался пухлый, улыбающийся Дхарама.
– Будете сегодня защищать телезрителей? Вы никому не симпатизируете из команды знатоков?
– На все воля Черепахи, – улыбнулся Дхарама.
– Волчок остановился, – заключил ведущий. – По стрелке – Меркурий. Вопрос вам прислал Сапрал Обс с планеты Меркурий. Внимание на экран!
В ту же секунду на телевизорах, установленных над игровым столом, появилось изображение улыбчивого ребенка, который провозгласил:
– Около двух тысяч лет назад на моей родной планете был проведен, на первый взгляд, жестокий и бесчеловечный ритуал – отец семейства проглотил всех своих родственников, за исключением четырех. Скажите, чего же добивался этот, по вашему мнению, маньяк?
Раздался сигнал начала минуты для обсуждения.
– Это что-то, что у нас на планете не считается нормой, а у них – да, – тараторил я.
– Интересная версия, – задумчиво произнес Падший.
– Точно! – вскричал Демон. – Это обряд… наверняка у нас есть аналог… что-то вроде свадьбы или…
– Свадьба, свадьба, интересно, – сказал Падший. – Да, свадьба может быть. Логично.
– А точно не что-нибудь другое? – спросил вдруг Заречный. – Похороны. День рождения.
– Ну, свадьба – первое, что приходит в голову, – возразил я. – Вряд ли бы нам задали вопрос со сложными ассоциациями.
– Дай-то Бог, – заключил Падший. – Будем отвечать?
– Давай отвечать, – кивнул Демон.
– Мы готовы! – воскликнул Падший, обращаясь к ведущему.
– Готовы? Великолепно, – произнес Сфинкс. – Кто будет отвечать?
– Ответит господин Чертополох.
– Ну что ж, господин Чертополох, – обратился Сфинкс ко мне. – Каков ваш ответ?
– Повторите, пожалуйста, вопрос, – сказал я.
– Около двух тысяч лет назад на родной планете Сапрала Обса – Меркурии – был проведен жестокий и бесчеловечный ритуал – отец семейства проглотил всех своих родственников, за исключением четырех. Чего же добивался этот, по вашему мнению, маньяк?
– Полагаю, что он добивался… – нерешительно протянул я. – В общем, это был обряд свадьбы. Свадьба так у меркурианцев происходит.
– То есть, ваш ответ – свадьба?
– Именно, – подтвердил я.
– А теперь – внимание – правильный ответ.
Вновь ударил гонг.
– Внимание на экран, – сказал Сфинкс.

На телевизорах вновь появилось изображение ребенка, который вымолвил:
– А ничего ужасного в поведении этого отца не было – так на Меркурии проходит обыкновенная свадьба!
– Есть! – рявкнул Демон, а я обрадовано хлопнул в ладоши.
– Давайте, я объясню, в чем дело, – остановил наш порыв Сфинкс. – Как известно, жизнь на Меркурии исчезла ровно две тысячи лет назад, то есть, проведенный ритуал был последней свадьбой на планете. А проходит он так лишь потому, что меркурианцы имеют восемьдесят полов и лишь четыре подходят для спаривания, именно поэтому отец отобрал всех необходимых для свадьбы представителей рода. Смерть же для меркурианцев является обычным делом, они не испытывают страха по отношению к ней и подобные семейные отношения – абсолютная норма. Вы были совершенно правы, один-ноль в пользу знатоков!
Грянула мелодия оркестра Макса Грегера, зал зааплодировал.
– А признайтесь, – обратился Сфинкс к команде, – вы знали это?
– Нет, что вы, просто догадались, – ответил Демон.
– Господин Падший!
– Да, господин ведущий?
– Мне показалось, что правильная версия принадлежала не господину Чертополоху, а господину Демону.
– Я считаю, что первый толчок к разгадке дал именно господин Чертополох, поэтому ему я и позволил отвечать, – учтиво произнес Падший.
– Великолепно! Второй раунд.
Гонг. Вновь волчок.
– А интересы знатоков в сегодняшней игре защищает Рихард Людвигович Напрасный, ведущий разработчик Центра Глубинных Изысканий. Рихард Людвигович!
– Да, господин ведущий.
– Я слышал, ваш Центр закрылся. Почему так произошло? – спросил Сфинкс.
– У этого много причин, господин ведущий.
– И чем же вы занимаетесь в настоящее время?
– Заведую Домом Скорби, – улыбнулся Рихард, и в зале одобрительно засмеялись и захлопали.
– Итак, волчок закончился, и по стрелке у нас… по стрелке Мидгард. Против вас играет господин Тор из города Мидгард. Внимание, черный ящик.
Заиграла знакомая всем мелодия «Ra-ta-ta», и распорядитель, внеся черный ящик, поставил его на игровой стол.
– Пребывая впервые на Мидгарде, господин Тор заметил, что его подданные пользуются интересным устройством. Тор взял опытный образец устройства и предложил его совету Духов в качестве основы для ноосферы своего региона. Внимание, вопрос – какое же устройство в черном ящике?
– Досрочный ответ, господин ведущий! – воскликнул Падший, кивнув Крокодилу, поднявшему большой палец.
– Кто отвечает?
– Отвечает господин Крокодил.
– Господин Крокодил, я вас слушаю.
– Господин ведущий, я не знаю, где находится Мидгард и вообще всю жизнь считал, что это просто легенда, однако, наверное, ошибался. Значит, основа для ноосферы – это, вероятно, мифическое Сарафанное Радио, в которое убежденно верят некоторые Древние, а в черном ящике, соответственно, лежит обыкновенный радиоприемник.
– Откроем черный ящик… – произнес Сфинкс, и распорядитель незамедлительно выполнил приказ. – В черном ящике – опытный образец радиоприемника! Два-ноль в пользу знатоков!
Снова оркестр Макса Грегера, снова овации.

– А Мидгард – это знакомая вам по местным определениям планета Юпитер до ее уничтожения в период около миллиона лет назад, – прокомментировал Сфинкс. – Ну что ж, третий раунд!
Вновь гонг, волчок.
– Хранителем традиций нашего клуба сегодня выступает Изначальный, Древний Земли Хранитель! – объявил Сфинкс. Хранитель учтиво поклонился, в зале захлопали.
– Господин Заречный, – обратился Сфинкс к моему соседу. – За вас сегодня пришла поболеть ваша супруга?
– Да, она в зале, – ответил Заречный.
– Госпожа Лунь! – воскликнул голос. – Оператор, покажите мне госпожу Лунь. Здравствуйте!
– Здравствуйте, господин ведущий! – кокетливо усмехнулась Лунь, глядя в глазок камеры.
– Как вы думаете, знатоки сегодня победят?
– Я верю в этом всем сердцем.
– Вот такие прекрасные у вас болельщицы, господа знатоки, не подведите их, – заключил Сфинкс. – Итак, волчок закончился, по стрелке – Колумна. Против вас играет господин Горчий из империи Колумна планеты Эрф. Это очень далеко, вряд ли вы знаете даже о существовании этого места. Что ж, послушайте стихотворение тамошнего поэта Еусеса Сирого:
«Любовь – мышиная возня,
мы это знаем с детства,
она бежит, дразня, казня,
зовя скорей раздеться.
Любовь – крысиные бега,
мы это знаем сами,
любовь пуста и недолга
под злыми небесами.
Любовь, любовь! Ах, сколько слов
придумано напрасно.
Но вправду, кто уже готов...»
Мы тщательно записали стихотворение в блокноты и уставились в текст.
– Продолжите стихотворение. Время, – произнес Сфинкс и незамедлительно пикнул сигнал.
– Я даже не знаю, – обреченно произнес Заречный.
– Может быть, вроде «кто уже готов, любить там что-то страстно»? – предложил Демон.
Мы замолчали.
– Да, пожалуй, – вымолвил наконец Падший. – «кто уже готов любить огнем и страстью»…
– Похоже, – кивнул я.
За столом вновь воцарилась тишина.
– Никита, ты же поэт, – сказал я Белене. – Предложи что-нибудь!
– Не трогай его пока, – одернул меня Падший. – Значит, будет вот это – «кто уже готов любить с огнем и страстью», так?
Зазвучал сигнал, знаменующий истечение пятидесяти секунд.
– Лучше «с огнем и страстно», – сказал я.
– Одобряю, – добавил Крокодил.
– А может… – начал было Демон, однако его прервал сигнал окончания минуты.
– Итак, кто отвечает? – спросил Сфинкс.
– Отвечу я сам, – произнес Демон. – Мы считаем, что заканчивается оно так – «любить с огнем и страстно».
– Ваш ответ понятен, а теперь внимание – правильный ответ… Вот как звучит стихотворение Еусеса Сирого целиком:

«Любовь – мышиная возня,
мы это знаем с детства,
она бежит, дразня, казня,
зовя скорей раздеться.
Любовь – крысиные бега,
мы это знаем сами,
любовь пуста и недолга
под злыми небесами.
Любовь, любовь! Ах, сколько слов
придумано напрасно.
Но вправду, кто уже готов...» – Сфинкс замолчал, выдерживая паузу, и наконец промолвил:
– *«…любить и верить? Ясно»*. Два-один – пока еще в пользу знатоков.
– Черт, – ругнулся Демон.
– Господин Демон, не чертыхайтесь, мы же все-таки в элитарном клубе. Господа, окончился третий раунд, счет два-один и я наконец объявлю нашего генерального спонсора в лице директора трамвайного завода «Вечные ценности» Потустороннева Григория Кассандровича. Трамвайный завод «Вечные ценности» – наши трамваи голов не рубят. Господа знатоки, я предлагаю вам музыкальную паузу, а то что-то вы последний вопрос не докрутили.
– Пусть будет пауза, – согласился Падший.
– Музыкальная пауза! – воскликнул ведущий-Сфинкс. – Сегодня в музыкальной паузе играет ансамбль джаза «Три топора» с медленной композицией под названием «Добрый»! Поприветствуем!
Все высыпали в сад, где бородатый, традиционно увешанный железом солист хриплым, но приятным голосом завывал:
– *Его глаза опустели. Вокруг тишина,*
В ночном ресторане он выпьет вина
И грустная тень склонится над барной стойкой.
Пусть любимая снова поет в кабаре,
Не спит по ночам, поправляя каре,
Не тоска без надежды – светлая грусть и только.
Не беда, что печаль осколком икает в зобе,
Говори, и тебе ответит твой добрый зомби…
Последние строчки песни повторялись трижды или четырежды, точно я не запомнил. Странное, двоякое впечатление оставляла эта песня. Наконец она окончилась, знатоки и зрители вернулись в зал, заняли свои места, и голос Сфинкса произнес:
– Четвертый раунд…

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ
КОНЕЦ ИГРЫ

– …Счет пять-пять, выпал сектор «суперблиц». По моему мнению, вы бы уже победили, если бы вам не попался тот самый вопрос из тринадцатого сектора, из Интернета, про происхождение термина «симпоха», ответ на который вы просто постеснялись озвучить в прямом эфире. Ладно, теперь придется играть «суперблиц». Играет один знаток, три вопроса по двадцать секунд размышления на каждый. Кто остается за столом?
– Это – момент истины, – шепнул мне Падший, а вслух заявил: – За столом остается Никифор Белена!
Мы встали из-за, сгрудившись за спиной у Никифор, вцепившись пальцами в кожаную обивку его кресла.

– Я требую абсолютной тишины, – произнес Сфинкс. – За подсказки команде будет зачислено автоматическое поражение. Итак, внимание, суперблиц. Никифор!
– Да, господин ведущий, – отозвался Никифор.
– Вы любите историю античности?
– Не очень, господин ведущий.
– К сожалению, для ответа на следующий вопрос вам понадобится знание этой истории. Помните, что вы должны ответить на три вопроса подряд. При ответе на один – только один! – из этих вопросов вы можете воспользоваться сэкономленной минутой. Итак, однажды давным-давно Платона спросили… положим, один человек… ладно, пойдем другим путем. Однажды Сфинкс спросил Платона – кто ты, Платон? Так вот, вопрос не в том, что ответил Платон. Вопрос в том, что ответите вы? Итак, кто ты? Время пошло.
– Я готов отвечать, – храбро произнес Никифор.
– Слушаю вас.
– Я – Никифор Белена, поэт.
– Верно! – в голосе Сфинкса послышалось недовольство, зал же зааплодировал. – Внимание, второй вопрос… Платон на него уже не отвечал, хе-хе-хе… Куда ты идешь? Время.
– Я иду домой, господин ведущий, – не задумываясь, ответил Никифор.
– И вновь правильно! – овации заметно усилились. – И, наконец, третий вопрос… Никифор, вы можете взять дополнительную, сэкономленную господином Крокодилом минуту, если понадобится… Третий вопрос вот такой – кто решает все и не решает ничего, кто распоряжается нами и в то же время поддается нам, кто внутри и тотчас же снаружи, кто плоть и кровь, кто дух и пустота одновременно? Время пошло.
Никифор обомлел. Пальцы его задрожали. Ответ на вопрос не приходил. Я увидел, как лицо Падшего потемнело, как Демон зажмурился, как Лунь ахнула и испуганно уставилась на Никифора. Однако сам я знал ответ, он всплыл у меня в голове, я был уверен в его правильности и совершенно не понимал тревоги моих товарищей. И лишь один Заречный, стоящий по левую руку от меня, казался невозмутимым. Я посмотрел на него и увидел, как губами он шепчет одно и то же слово, совпадающее с тем, что вертелось у меня на языке. Заречный постукивал пальцами по креслу Никифора, словно передавая ему какой-то сигнал. Двадцать секунд окончились, и Никифор попросил еще минуту.
– Время пошло, – повторил Сфинкс. Никифор лихорадочно перебирал в уме варианты, перечеркивал что-то в своем блокноте, напряженно рассуждал, а Заречный все постукивал по его креслу. Наконец, Никифора осенило, и он воскликнул:
– Я готов!
– Итак, ваш ответ? – нервно спросил Сфинкс.
– Я прошу вас повторить вопрос, – дрожа, вымолвил Никифор.
– Кто решает все и не решает ничего, кто распоряжается нами и в то же время поддается нам, кто внутри и тотчас же снаружи, кто плоть и кровь, кто дух и пустота одновременно?
– Черепаха! – выпалил Никифор и утонул в шквале аплодисментов. Они неслись повсюду, со всех сторон.
– Шесть-пять в пользу знатоков, – несчастным голосом произнес Сфинкс, и грянула «Пляска смерти», знаменующая конец игры, тут же, впрочем, прерванная выстрелами, взрывами и какими-то еще звуками – их разобрать я не смог.
– Планета спасена, – шепнул мне Падший. – Уходим отсюда прочь!
В ту же секунду я потерял сознание и рухнул на пол.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ
ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА

Заречный метнулся было к Чертополоху, но поздно – тот исчез, словно растворился в полумраке Охотничьего домика. Свет погас, операторы обратились в паническое бегство – спотыкаясь, роняя аппаратуру и вскрикивая, они пытались протиснуться сквозь узкие двери домика. Один за другим слышались взрывы – это Сфинкс спускался из своей студии. Демон воскликнул:
– Изначальным – сгрудиться, остальные – прочь! Быстро!
Повторять не пришлось – сперва Лунь, а за ней и прочие Древние вмиг покинули домик. Тучный директор трамвайного завода Потустороннев тщетно пытался выскользнуть вместе с остальными, однако Падший грубо остановил его:
– Стоять, плут!
– Я ничего не делал! – пролепетал Потустороннев. – Я всего лишь директор…
– Я все знаю, – зашипел в ответ Падший, обернувшийся уже в медведя. – Ты никакой не Григорий. Ты – Глот с планеты Плутон, знатный пройдоха!
– Я не желал зла…
Тяжелый удар алебарды Демона – и Глот рухнул на пол.
Наконец в проеме рядом с хладнокровным распорядителем зала появился сам Сфинкс. Он мало походил на того голубоглазого блондина, каким выглядел раньше – теперь это был огромный лев с крыльями за плечами. Он уставился на Древних взглядом, полным ненависти, и произнес:
– Ну что, добились своего?
– Все кончено, Сфинкс, – ответил Падший. – Тебе нужно уйти. Ты больше не имеешь права быть здесь.
– Я не хочу, чтобы мое задание осталось невыполненным.
– Боюсь, теперь тебе придется уйти, – воскликнул Падший и метнул в Сфинкса могущественное боевое заклятие. Сфинкс и глазом не повел, словно ничего не было.
– Я – Солнечный Дух, – сказал он. – Все будет так, как я решу.
– Ты возомнил о себе слишком много, малыш, – усмехнулся Падший. – Тебе пора.
– Я никуда не пойду, пока не разнесу к чертям вашу дурацкую планету! – разозлился Сфинкс.
– Ты уже не вправе, – Падший тяжело дышал. – Прочь!
– Прочь, – вторил ему Крокодил, и Сфинкс задрожал.
– Ах, вы! – произнес он. – Мелкие мерзавцы! Ты, Демон – тебя предал твой собственный брат и ты возненавидел его! Я все знаю!
Демон поник, пытаясь не смотреть на агрессивно жестикулирующего Сфинкса.
– Заречный Дух! – сказал Сфинкс. – Среднестатистический человек, которому внезапно сказочно повезло. Но это – лишь случайность! И ты – никто по сравнению с Солнечным Духом!
– Я не никто, – проворчал Заречный.
– Он не никто, – подтвердил Падший. – Это он обхитрил тебя, Сфинкс. Он тебя объегорил.
– Посмотрим еще, кто кого обхитрил, – рассмеялся Сфинкс. – Сам-то ты хорош! На тебе – проклятие Космоса, долго тебе не протянуть!
– Я сам решу, сколько мне еще тянуть, – холодно парировал Падший.
– Какая смелость – выступить против Солнечных Духов! А ты, ты, Крокодил? Тебе-то что до того, что здесь твориться? Ты ведь всего лишь выброс Духа. Ты – самая грязная категория. Боль – это человеческое чувство, это человеческая слабость. Ты не повелеваешь ветрами, ты не владычествуешь над разумом. Ты – просто боль.
– Прочь, – зло ответил Крокодил.
– Это может действовать на кого угодно, только не на меня, – вещал Сфинкс. – А за вас встали еще и эти марсианские подлецы. Ну-ка, подойдите поближе, хочу вас рассмотреть! Кто тут? Рихард Напрасный? Хабаха Абата, вот ты кто! Дух мертвого воздуха Марса, Дух сухого песка! Нечем заняться на красной планете?

– Верно, – с достоинством произнес Рихард.
– Плевать на тебя. Никогда не любил марсиан. Впрямь как на этой странной планете – египтяне не любили римлян, так и мы, египтяне с Солнца, хи-хи, не любим вас, римлян. Хорошая у вас была планета, верно, Тит?
Тит, стоящий рядом с Рихардом, вздрогнул.
– Кто, как не ты, первый примкнул ко мне во время исполнения Войны на Марсе?
– Я сожалею об этом, – Тит склонил голову.
– Черная Когорта? – Сфинкс зловеще захохотал. – Да, ты предатель, отщепенец, тебя не приняли ни на одной планете, однако Падший взял… не побрезговал… Ну что ж, ты оправдался перед своим. Сделал все, что в твоих силах. Ступай домой!
Взмахнув руками, Сфинкс направил волну пламени прямо в Тита. Огненные струи прожигали его человеческое тело, шлем сполз на затылок и Тит, изнемогая от боли, кричал, моля о пощаде или немедленной смерти. Все стояли молча, не решаясь нарушить страшную экзекуцию.
Наконец Тит перестал кричать и безжизненно упал на колени.
– Видали? – рявкнул Сфинкс. – Я совершу это с каждым из вас!
Внезапно потолок над домиком словно растворился и вниз спустились двое – тигроголовый отец Ра и облаченный во фрак владыка Сет.
– Уходим, Сфинкс, – приказал отец Ра. – Мы проиграли. На то воля Черепахи.
– Нет, мы должны закончить начатое, – прошептал Сфинкс.
– Мы уйдем, – строго сказал отец Ра. – Сет, разберись со своим отпрыском.
– Уходим, Сфинкс, – тихо произнес владыка Сет.
– Я не хочу, – покачал головой Сфинкс.
– Сфинкс, уходи, папа тебя зовет, – опрометчиво хихикнул Демон.
– Как ты смеешь! – яростно вскричал Сфинкс и в ту же секунду огненный столб направился в грудь Демона. Еще мгновение – и мучительная смерть Древнего была бы неотвратимой…
Однако Падший резко рванулся вправо и, не говоря ни слова, заслонил Демона собой.
Он погиб моментально. Огонь уничтожил его, развеял дотла. Массивный черный медведь рухнул наземь и превратился в прекрасную, ослепительно белую лань с кровавыми порезами на шее. Дух ушел из Падшего навсегда.
Раздался общий вздох – и тут же диким ревом ватага Древних, не сговариваясь, произнесла одно и то же заклинание:
– Прочь!
…Отец Ра, устало вздохнув, исчез в пространстве. Владыка Сет обреченно глядел на своего сына, погибшего на месте от ярости и отчаяния Изначальных Сил. Сфинкс возвращался в облик молодого паренька – руки и ноги его оцепенели, глаза застила белесая дымка – они были устремлены к далекому Солнцу. Солнечный Дух погиб.
– Я мог бы всех вас сжечь, – горестно произнес владыка Сет. – Но живите… – И он тут же скрылся, увлекая за собой мирское тело Сфинкса.
– Что теперь? – жалобным голосом протянул Заречный.
– Теперь – революцию делать, – ответил Демон, тяжело вздохнув.
Но делать революцию не пришлось. Она уже гремела по всей Москве. Отряд «Потерянных детей» во главе с отроком Илией шел на главное сборище солдат Четвертого Рейха – к Красной площади. Знамя с держащимися за руки человечками красовалось над ними. К триумфальному шествию присоединились и Анонимные Алкоголики, обнаруженные «детьми» в подвалах и на чердаках.
К удивлению пестрого воинства, солдат на площади не было, зато навстречу им семенил пузатый Дхарама Башья.
– Ах, детки! – воскликнул он. – Не надо нас убивать! – И Башья тут же поднял руки над головой в попытке сотворить смертоносное заклинание.
Однако его прервали.

Маленький Илия бросил на главу культа ненавидящий взгляд, и тот замер, застыл, не в силах произнести ни слова. Илия яростно скрипнул зубами и закричал:
– В бой!
– Сын Люцифера, – прошептал наконец Дхарама и обратился в бегство.
Меч Илии настиг его в десять шагов. Второй удар пришелся по подвернувшемуся некстати адепту культа Черепахи. Однако тут на площадь вышли солдаты Рейха. Их количество явно превышало бунтовщиков, да и снаряжены они были на порядок лучше. Илия и не заметил, как у его плеча приземлился кто-то невидимый и шепнул на ухо:
– Твой отец погиб. Мне очень жаль.
Сложно представить ту ярость, которая наполнила маленькое тельце; Илия встал в полный рост, и солдаты Рейха отшатнулись, а Анонимные Алкоголики уважительно закивали. Из Илии прямо-таки струилась ненависть, он был наполнен ею. Меч его указывал на небеса, и Илия закричал:
– Прочь! Прочь!!!
Серая волна вмиг уничтожила всех солдат. Словно смыла, словно смахнула тряпкой, как пыль. Они разлетелись, их тела закружились в гигантском смерче, их воплей нельзя было разобрать. Алкоголики решительно захлопали в ладоши, «Потерянные дети» бросились приводить в порядок обмякшего, ослабевшего Илию. Он закрыл глаза и не дышал, лежа на тротуаре, а вокруг сгрудились его соратники.
Все еще остававшийся невидимым Демон наблюдал за странной баталией со стороны, и наконец, тяжело вздохнув, произнес:
– Теперь Война кончилась.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ
КОСМОС О ВОЙНЕ

– Просыпайся, Чертополох, прежде – Неаполитанский Борис Аркадьевич восемьдесят девятого года рождения.
Сквозь сон я слышал чей-то мягкий голос, однако глаз открыть не мог. Меня окружала абсолютная пустота.
– Просыпайся поскорее – с тобой беседует сам Космос.
– Что? – удивился я.
– Слушай и внимай. Почти все твои товарищи ошиблись, но, к счастью для тебя и для них, Солнечные Духи оказались еще глупее. Хьюн Стаг, которого ты знаешь под именами Хозяина и Падшего, вернулся из небытия достаточно давно. Какими уговорами он пронял Молоха – мне неведомо. Он, пожалуй, наиболее здравомыслящий из тех Духов, что я когда-либо встречал – а встречал я, как ты понимаешь, всех. С ним вернулись и его подручные. Ты не поймешь, это долгая история. А все потому, что за небытием скрывается тот самый ответ на Главный Вопрос.
– Черепаха?
– Примитивное обозначение, но да, Черепаха, – согласился Космос. – Что-то я зачастил на вашу планету, вы вечно меня будоражите по пустякам. Устройство Вселенной тебе, надеюсь, знакомо?
– Кое-что слышал от Хозяина… ну, от Падшего.
– Ты знаешь о том, что на многих планетах жизнь уже была, на многих – еще будет, и везде существуют Духи, проводники идей, область, которая зовется миром идей, или ноосферой, планеты созданы по образу всего Космоса, а за границами его существуют души умерших? Это знаешь?
– Знаю, – подтвердил я.
– Про трех китов знаешь?
– Это каких?

– Есть три кита в основе мироздания… Космос, с которым ты имеешь честь беседовать, прочие одухотворенные существа и… – Космос помедлил, прежде чем закончить. – И… и случай.
– Это действительно киты?
– Нет, это просто самая доступная для человеческих мозгов метафора, – ответил Космос. – Так вот, эти самые Киты стоят на Черепахе. Падший познал всю эту систему, просто не обо всем рассказал, и, умело используя свои знания, избежал небытия.
– Зачем вы мне об этом рассказываете?
– Еще не понял, дурачок? Ты был Избранным.
– Я?!
– Да, ты. Падший, как умный и расчетливый дух, предусмотрел собственную ошибку. Он думал, как, впрочем, и все, что этот самый Избранный – Никифор Белена, поэт. Провернул с ним колоссальную по затратам операцию. Но не исключил и тебя – на вас обоих были похожие знаки Молоха, только на Никифора ставили в большей степени – вследствие совпадения его псевдонима с фамилией, указанной в ложном пророчестве – якобы первый и второй вопросы, которое подбросил Древним отец Ра. Даже Падшего почти обвели вокруг пальца. Это все его дружки, Бог-Буйвол и Чердачник, вечно они все напутают. А на самом деле, Избранным был ты. И догадался до этого только Заречный Дух.
– Как?!
– Когда-то, сразу после своей инициации, о которой он тебе еще расскажет, он был в Москве – путешествовал, знаешь ли. Вместе с Лунью. И ненароком увидел тебя на улице, ненароком прочитал твои мысли, точнее – твое подсознательное, уже тогда знавшее ответ на Главный Вопрос Войны. А так как когда-то ему выпала честь быть носителем этого тайного знания – я действовал через него, как через передатчик – ему въелось в память это самое слово. Оно ему покоя не давало, он прямо-таки извелся весь, думая, куда бы эти знания приткнуть – думал, что это просто ненужный осадок от его былого общения со мной. Однако когда сложилась та самая военная ситуация, Заречный все понял. Он не посмел усадить тебя за стол на Главном Вопросе – ведь и Сфинкс, и отец Ра, и владыка Сет знали о твоем предназначении с самого начала, а Сфинкс даже пытался затянуть тебя в свою группировку – эту, «Скажи-ка, дядя». Да-да, не удивляйся, это его ставленники! Только почему-то они тебя проворонили – все человеческий фактор. Вообще Сфинкс с людьми работать так и не научился. Сфинкс просто не дал бы тебе ответить. Поэтому Заречный на скорую руку обучил малыша Никифора примитивной и банальной азбуке Морзе и перестучал ему во время игры правильный ответ, который сам узнал от тебя давным-давно. Таким образом, вы одержали победу в Войне.
Я молчал, ошарашенный.
– Не обошлось без потерь, – продолжал Космос. – Заречный Дух, конечно, уцелел, уцелел и Крокодил, и Демон… только Падший погиб. От руки Сфинкса. И теперь он вряд ли сможет вернуться из небытия, ведь нарушил волю Черепахи и свой договор с ней. Он знал почти все наперед, очень многое предугадал, предвидел – такими знаниями нельзя пользоваться безвозмездно. Черепаха дала ему шанс, он спас свою планету и ушел навсегда.
– П-почему? – с трудом проговорил я.
– У него было два варианта – дать планете умереть и остаться живым самому либо строго наоборот. Он выбрал второе. Потому что чувствовал вину перед своим братом – Демоном, перед всеми прочими Древними и людьми… Ты даже не знаешь, за что. Потом тебе все расскажут, все объяснят. Теперь ты Древний, ты – Изначальная Сила, твое место – в Безвременье. Скоро за тобой придет Демон, и вы вернетесь на Землю.
– Почему все это так похоже на легенды, Космос?
– Легенды не берутся из ниоткуда, Чертополох. Легенды выдумывают не только люди – им помогают Древние. Тебя, наверное, интересует такое точное совпадение с мифологией

древних цивилизаций. Будь уверен, это не люди придумали отца Ра – это отец Ра подсказал им придумать себя и поклоняться себе. То же и с римлянами. На планете Марс была своя Черная Когорта. Вообще, странная это была планета. Очень воинственная. Но справедливая – по вашим меркам. Мидгард – это Юпитер… ну, ты слышал. В общем, много таких совпадений. Тебе тяжело потому, что ты родился человеком и рос в определенных культурных условиях. Родись ты Древним – у тебя бы возникали совершенно другие вопросы. Впрочем, думаю, ты припас что-нибудь действительно важное напоследок.
– Припас… – прохрипел я, с трудом сжимая кулаки. – Последний вопрос – что это все-таки за Черепаха? Что она означает?
– Черепаха – это Молох, – ответил Космос. – Молох – это судьба. Фатум. Рок. Черепаха определяет судьбу. Ей периодически мешают Киты – то мой порядок не сходится с решением Молоха, то одухотворенные призывают на помощь Духов, то случай сводит все на нет… Но, в целом, это какая-то высшая энергия, которая ворочает мир по своему усмотрению. Управы на нее не найдешь. Теперь ты все понял?
– Все, – я устало кивнул и, обессиленный, уронил голову на грудь. Я летел куда-то сквозь пространство, несся к последнему пункту назначения.
Прямо по курсу – Земля.

ЭПИЛОГ

Четвертый Рейх исчез так же неожиданно, как и появился, а вслед за ним исчезли графы и князья из патриотического объединения «Скажи-ка, дядя» и все до одного адепты культа Черепахи во главе с победоносным Дхарамой. Куда они делись – неясно, но там же, по всей видимости, обосновался и отец Ра, и владыка Сет, и младший – Сфинкс, потому что больше о них в Солнечной системе слыхом не слыхивали. Марсиане со своими необычными порядками осели на просторах земного Безвременья и крепко сдружились с местными Древними. Анонимные Алкоголики, оказавшиеся вполне безобидным и единственным действительно естественным народным объединением, разъехались по родным городам в связи с доступностью искомого ими спиртного на местах. Разошлись «Потерянные дети», а сын Падшего – Илия, прежде – худой болезненный мальчуган с бледным, ненавидящим лицом, согласился стать приемышем Сельмы. Говорят, теперь он простой ребенок, умеющий и радоваться, и плакать. Что-то переключилось в нем, и он вернулся к обыкновенной жизни. Совет Изначальных Сил возглавил Демон, из него вышли Хранитель и Громовержец, отказавшиеся спасать Землю в столь трудный для нее момент, а на их места заступили мы с Заречным Духом. В Совете все еще пять мест и одно из них пустует – в память о Падшем.
Трамвайный завод «Вечные ценности» ныне разрушен и заброшен, а Никифор Белена вернулся к своим профессиональным обязанностям. Джаз-бэнд «Три топора» лично мне больше никогда не встречался, и поговаривают, что владыка Сет забрал его с собой, потому что крепко привязался к земной музыке. А в Охотничьем домике Нескучного Сада теперь играют настоящие знатоки – не чета нам, Древним.
Все хорошо, что хорошо кончается.
…Любимое мое время – когда в городе ночь, горит настольная лампа и окно приоткрыто, а сквозь него слышно, как идут поезда на переезде неподалеку. Тихо играет любимая музыка, свежий ветерок веет весной. И из-под пальцем прямо-таки просится правда, просится то, что легко наполняет меня, какой-то высший умысел, с которым я не понаслышке знаком, какая-то волна – то ли вдохновения, то ли истины... И это самое лучшее, что есть на свете, то, ради чего люди рождаются, проживают эту жизнь одинокими и несчастными, а потом столь же одинокими и несчастными умирают. Все для того, чтобы высказать вслух нашептанное им на ухо весенним ветерком.

Прошу прощения за сбивчивость изложенного выше. Я не хроникер, не летописец, мне пришлось собирать эту историю из двух десятков противоречащих друг другу источников, потому и считать ее полностью достоверной сложно. Поэтому смогу поручиться лишь за те эпизоды, в которых участвовал я лично.

Устройство Вселенной, описанное мной, как мне кажется, не противоречит ничьим религиозным или каким-либо другим убеждениям – существование высших сил не опровергается, значение веры в чудо и спасение не нивелируется, однако есть в произведении некий ряд противоречий и допущений, на которые своего мудрого читателя я прошу по возможности закрыть глаза; в надежде же уберечь читателя от расстройств по национальному вопросу я не упоминал названий государств, существующих в период, на который приходятся основные действия в романе. Наиболее внимательные читатели могли заметить, что, несмотря на многочисленные опровержения теории значимых чисел и прочего мистического и фантастического вымысла, общечеловеческого фольклора персонажами произведения, первая книга романа включает в себя две части, в одной из которых тринадцать глав, а во второй, повествующей о злоключениях наших героев в Инферно – девять, по количеству кругов ада.

Я прошу читателя не обвинять меня в чрезмерном драматизме происходящего, равно как и в чрезмерной ироничности – смею заметить, что это неотъемлемые компоненты реальной жизни и обойтись без них в данном произведении было никак невозможно.

Увы, теперь история моя подходит к концу, наступает тот самый момент прощания с полюбившимся уже читателем. И так банально, что все кончилось хорошо, но против правды не попрешь.

…Недавно я говорил с Заречным Духом и между делом спросил его:

– А как ты думаешь, будет еще Война?

– Нет, – он покачал головой. – Я уверен, что ее не будет.

– Почему ты так решил? – удивился я. – Мало ли, что придет в голову этой самой Черепахе.

– Приговоренный к смерти дважды – уже не погибнет, – усмехнулся Заречный. – Тот, кто погиб за нас, будет хранить нас вечно. Лучших путей ему…

Я думал о Падшем, о том, что он сполна расплатился за все свои ошибки и промахи, я думал о Демоне, который потерял брата, я жалел нашего спасителя и самого себя, однако Заречный переживал о нем почему-то гораздо сильнее.

– Лучших путей, – кивнул я, помолчал в раздумье и обернулся на Заречного. В глазах его застыли столь необыкновенные, необъяснимые для Древнего слезы.

– Что с тобой? – участливо спросил я.

– Да ты не поймешь, – отмахнулся Заречный Дух и добавил дрожащим голосом: – Просто… вечная любовь.

5 января – 5 марта 2013 года, Киев.